UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324347 4

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sochineniia00kupc

Сочиненія Ф. П. Купчинскаго.

Сочинения Ф. П. Кудринского.

„Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ;
„Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый...

М. Ю. Лермонтовъ.

Kupchinskiĭ, Filipp Petrovich
"

Сочиненія

Ф. П. Купчинскаго.

Sochineniia F. P. Kupchinskago

Въ двухъ частяхъ:

Ч. I. Стихотворенія. Ч. II. Проза.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Коммерческая скоропечатня Евг. Тиле (преемн., Адмиралт. кан., д. 17.
1902.

PG
3467
K788A6
1902

LIBRARY
APR 5 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

789869

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стихотворенія.

		стран.
1.	Посвященіе	1
2.	Назначеніе и смыслъ поэзіи въ наше прозаическое время	3
3.	Читателю	7
4.	Памяти Лермонтова	8
5.	Матери	9
6.	«Сегодня день прошелъ такъ скучно и уныло...»	—
7.	«О, если-бъ зналa ты, безцѣнная, родная...»	10
8.	Жизнь	11
9.	Ангелъ	—
10.	«За годомъ годъ несется, исчезая...»	13
11.	Буря	—
12.	Ночью	14
13.	Quasi una fantasia, quasi una dolore	15
14.	Брату человѣку	16
15.	Осень	17
16.	По поводу смерти одной	18
17.	Аллегорія	19
18.	«Жестокая злоба, знакомая злоба...»	—
19.	Ночь	20
20.	«Я лежу у рѣки на измятой травѣ...»	21
21.	У гроба	22
22.	Прошлое	23
23.	Сонъ	—
24.	Любовь	25
25.	Слезамъ твоимъ	26
26.	«Тихо плыветъ надъ землею уснувшею въ небѣ луна...»	27
27.	Желанье	—

СТРАН.

28. Людямъ 28
29. Ручей 29
30. «Отчего такъ рано сохнутъ розы эти?..» 30
31. Раннимъ утромъ 31
32. «Опять ты, мой другъ, не смѣешься совсѣмъ?..» 32
33. Поэту . . . . . —
34. Возрожденіе 34
35. Весенняя идиллія 35
36. «Нѣтъ, не жизнь страшитъ меня!..» 36
37. Молитва 37
38. Весенняя ночь 38
39. Посвящается И. И. Тихонову 39
40. Вопросъ 40
41. Въ темную ночь 41
42. «О, я знаю, знаю, другъ мой одинокій...» . . . . . —
43. Одна изъ многихъ 42
44. Въ больницѣ 43
45. «Придешь ли ты, скажи, придешь ли ты ко мнѣ?..» 44
46. Мамѣ моей 45
47. «О, мой братъ дорогой, что ты сдѣлалъ съ собой?..» 46
48. Письмо 47
49. Волны 48
50. Въ поѣздѣ 49
51. Море жизни . . . . . —
52. Снова въ мысляхъ о ней 50
53. «Вы идете—всѣ движенья дивной граціи полны...» 51
54. Сонетъ . . . . . —
55. Бѣднякъ 52
56. Послѣ счастье 54
57. «Жаль мнѣ... о, жаль мнѣ тебя!..» 55
58. Думы на кладбищѣ 56
59. Сновидѣнье 57
60. Экспромтъ товарищу 59
61. Зима . . . . . —
62. Когда грустно 61
63. Въ безсонную ночь 62
64. Всадникъ 63
65. Подражаніе Мольеру (изъ трагедіи Psichè») 65
66. «Какъ прежде, любить я васъ снова хочу...» 66
67. Филантропамъ 67
68. Не за себя я молю одинокаго 69
69. Эгоизму людскому . . . . . —
70. Романсъ 70
71. Сонъ или явь 71
72. Отчего?.. 73

СТРАН.

73. Злость . . . . . —
74. «Всей своей бѣдной душой полюбилъ я тебя, дорогая...» 75
75. Въ альбомъ . . . . . —
76. «Ужъ вечеръ, и томный, и нѣжный...» 76
77. Въ камерѣ душевно-больного (монологъ) 77
78. «Не томи мое сердце напрасной тоской!..» 79
79. Послѣ чтенія «Петербургскихъ трущобъ» Крестовскаго 80
80. Дочь позора 81
81. Ахъ ты, жизнь моя!.. (пѣсенка) 83
82. Новому столѣтію 84
83. «Я долго съ тобою сегодня гулялъ...» 86
84. «Пусть тебя эти звуки, лаская, зовутъ...» 87
85. Весенніе мотивы 88
86. Смерть 89
87. Конь 91
88. Meditation . . . . . —
89. Приближеніе весны 92
90. Въ безсонницу 93
91. Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду 94
92. «Поймешь ли ты меня?. поймешь ли ты, скажи!..» 96
93. Донъ-Жуанъ 97
94. Ночью 99
95. Пѣсня 100
96. Вильгельмъ и Гарольдъ (эпизодъ изъ исторіи Англіи) 101
97. Это сердца разбитаго сдержанный вопль 104
98. Крестьяне 105
99. Море 106
100. Ревность 108
101. Акростихъ 109
102. «Отчего твои глазки чудесные такъ задумчиво, грустно глядятъ?.. . . —
103. Дѣдъ и внучка 110
104. Позднее сожалѣніе 111
105. Бурная ночь 112
106. Я хочу, чтобы въ безмолвьи ночи 113
107. Другу 114
108. «О! зачѣмъ теперь васъ нѣтъ со мною?...» 115
109. Отецъ и дочь (отрывокъ изъ недоконченной старинной поэмы) . . 116
110. Посвящается К. 127
111. Нѣчто о любви 128
112. Молитва 129
113. «Умираетъ она...» 130
114. «Нѣжно плещетъ волны море голубое...» . . . . . —
115. «Позабыли люди, какъ бывало прежде...» 131
116. «Поздно...» (мелодекламація) 132
117. «Ты мучишься, мой другъ...» 133

СТРАН.

118. Въ сумерки 133
119. Осенніе мотивы 134
120. «Быстро мчится вѣтеръ...» 135
121. Надсону . . . . . —
122. «Не теперь, а давно, въ миломъ дѣтствѣ моемъ...» 136
123. Мученія слова 137
124. «О, голосъ милый, голосъ нѣжный...» . . . . . —
125. На смѣхъ людской 140
126. Пѣсня вечерняя 141
127. «Не могу я сказать, какъ хотѣлъ бы сказать...» 142
128. Елка и тополь 143
129. Счастливы тѣ, кому въ осень ненастную грезятся ласки весны . 144
130. «Отчего такъ пусто въ сердцѣ одинокомъ?..» 146
131. Смерть природы . . . . . —
132. Пѣсня отца 147
133. «Тамъ, гдѣ небо голубое...» 148
134. «Приди ко мнѣ, Христосъ!..» 149
135. Посвящается Е. П. К. 150
136. Христосъ . . . . . —
137. Если ты боленъ душой одинокою 152
138. О! пріиди же, братъ любимый . . . . . —
139. Поэту 153
140. Больная 154
141. Сумасшедшій 155
142. «Ужъ вечеръ и томный и нѣжный» 157
143. «Поздно... Тихо кругомъ» 158
144. Молодая чета 159
145. Памяти Гоголя 160
146. «Я тебѣ передамъ» 162
147. Дорогой памяти . . . . . —
148. «Молись, дитя мое» 163

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Проза.

1. Странная женщина 167
2. Ея здѣсь нѣтъ (картинка) 173
3. Пять весеннихъ ночей. Ночь первая 174
Ночь вторая 176
Ночь третья 177
Ночь четвертая 178
Ночь пятая 179
4. Голубь (фантазія) 180

СТРАН.

5. Она (картинка съ натуры) 189
6. Сонъ или явь 193
7. Исповѣдь 194
8. Правда 197
9. Не успѣлъ (картинка) 198
10. Смерть сна 202
11. Жизнь (аллегорія) 205
12. Мысли о вѣрѣ 207
13. Страшная ночь (разсказъ) 208
14. Carmen Silva (кое что изъ одного большого романа) 215
15. Гдѣ и въ чемъ наше счастье?.. (мысли) 231
16. Убійца (картинка) 233
17. О красотѣ (думы) 239
18. Посвящается В. В. Ярмонкину 243
19. Поздняя встрѣча (разсказъ) 248
20. Думы 256
21. Нищій 259
22. Кладбище 260
23. Ангелъ 261
24. Къ природѣ! 264
25. Мелодія . . . . . —
26. Человѣческій голосъ 265
27. Возрожденіе 267
28. Письмо (очеркъ) 268
29. Одна весна (воспоминанье) 275
30. * * * 280
31. Мелодія смерти (новогодняя фантазія) . . . . . —
32. Картина жизни (фантастическая аллегорія) 283

Стихотворенія, не вошедшія въ первую часть:

33. Пѣсня узника 288
34. О, скажи мнѣ, другъ мой 289
35. «Не о тебѣ» 290
36. Волшебный лѣсъ 290
37. Замокъ Мелузины (легенда) 291

Часть первая.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эта книга посвящается

дорогой памяти моей умершей матери.

Я хочу, чтобы съ именемъ милымъ твоимъ
Въ міръ вступалъ первый плодъ моихъ думъ
И, въ минуту грозы, лишь тобою хранимъ,
Побѣждалъ человѣческій умъ!
Пусть на первомъ листѣ это имя твое
Мнѣ сильнѣе надежду даритъ,
И обиды людей, и насмѣшки, и все
Свѣтомъ кроткой любви озаритъ!
Все, что часто въ груди клокотало моей
Я въ размѣръ этихъ строкъ помѣщалъ;
...Всей душою своей полюбилъ я людей
И всегда ихъ нападки прощалъ...
Для людей я печатаю думы мои
О страданьѣ, о грусти земной,
И о страсти въ груди, и о нѣжной любви,
И о радостныхъ грезахъ весной...
Не хитра, не затѣйлива муза моя;
Мнѣ не надо бездушныхъ похвалъ;
Только-бъ ты, человѣкъ, эти пѣсни прочтя,
И нѣжнѣй, и сердечнѣе сталъ!..

Ноябрь, 1901 г.
С.-Петербургъ.

Назначеніе поэзіи въ наше прозаичеекое время.

Мы, люди, обставили жизнь свою такъ прозаично, что съ каждымъ прожитымъ годомъ все хуже и труднѣе понимаемъ поэзію, этотъ дивный бальзамъ души, способный дать такъ много лучшихъ, исцѣляющихъ ощущеній, навѣять такое множество новыхъ, плѣнительныхъ образовъ — героевъ фантазіи и поэтическихъ грезъ... Но мы невольно, инстинктивно ищемъ поэзіи и въ природѣ, и въ окружающихъ насъ людяхъ и въ литературѣ. Наша душа, усталая отъ прозаическихъ однообразныхъ, такъ рѣдко интересныхъ впечатлѣній повседневной жизни, жаждетъ отдыха, забвенья, хоть мимолетнаго и призрачнаго, хотя недолгаго, но необходимаго, чтобы стряхнуть съ себя пыльное пережитое и почерпнуть новой бодрости, свѣжихъ силъ... Но, повторяю, мы плохо понимаемъ поэзію, плохо понимаемъ потому, что плохо знаемъ, гдѣ найти ее... а поиски эти тоже трудны, при нашей духовной истомленности — плода, тяжкаго и горькаго плода нашей искаженной жизни... У насъ рѣдко молодой тѣломъ, юнъ и свѣжъ душой...; это прискорбно, это печально... что же будетъ въ зрѣломъ возрастѣ?.. а старость?.. вѣдь ей, старости сѣдой, слабой тѣломъ, хилой, болѣзненной, вѣдь ей нужно несравненно болѣе силъ духовныхъ, бодрости.

Чѣмъ же будить свою душу въ молодости, когда она, усталая, часто хочетъ засыпать, и засыпать не укрѣпляющимъ сномъ здороваго тѣла, а томительнымъ и тяжелымъ сномъ безъисходной грусти, гнетущей печали? Что дарятъ душѣ посредствомъ органовъ нашего тѣла тѣ дивныя ощущенія, прохлаждающія, безконечно-цѣлительныя, пріятныя, то, что мы называемъ наслажденіемъ?... Это даритъ гармонія; гармонія звуковъ, ласкающая нашъ слухъ черезъ барабанную перепонку уха; гармонія цвѣтовъ и видимыхъ цѣльныхъ образовъ, которая такъ услаждаетъ наши утомленные мозговые нервы черезъ сѣтчатую оболочку глаза; гармонія словъ, заставляющихъ нашъ умъ рисовать изображенные ими образы. Фантастическія, неясныя, но милыя и плѣнительныя очертанія образовъ этихъ въ связи съ чувствомъ и мыслью одухотворяютъ нашъ усталый организмъ, даютъ ему новыя силы, новую свѣжесть ощущеній, новую глубину желаній.

Я говорю о музыкѣ, живописи и поэзіи; если бы не было у людей на землѣ этихъ дивныхъ искусствъ, несравненно тяжелѣе и сѣрѣе была бы ихъ жизнь; меньше радужныхъ надеждъ имѣла бы плѣнительная юность; скорѣе бы черствѣли ихъ сердца и бремя самой старости являлось бы для истомленныхъ нравственно людей еще болѣе тяжелымъ и непосильнымъ...

Въ молодые годы такъ свойственно увлекаться мечтаніями и грезами; кто же, какъ не поэзія,—музыка словъ, мыслей и чувствъ,—кто же, какъ не она даетъ пищу этимъ мечтамъ, располагаетъ къ нимъ, заставляетъ сильнѣе и глубже чувствовать, учитъ беззавѣтно отдаваться мечтѣ. Какъ облагораживаютъ душу, какъ улучшаютъ, какъ просвѣтляютъ человѣка эти мечтанія,

вѣдь все кажется послѣ нихъ такимъ хорошимъ, чистымъ, непорочнымъ; и въ природѣ, и въ окружающихъ людяхъ человѣкъ видитъ ту же поэзію, тѣ же, недавно волновавшіе его дивные образы!

Что можетъ быть плѣнительнѣе юношеской безпричинной грусти... жажды чего-то, какихъ-то особенныхъ, непонятныхъ, невѣдомыхъ чувствъ, жажды глубокой, безумной, до слезъ, до самозабвенія?.. Вѣдь поэзія своей ласковой, свѣтлой, чистой гармоніей такъ дивно, такъ хорошо утоляетъ это желаніе!..

И прежде, давно, давно писали и пѣли про грусть и любовь, но до сихъ поръ пѣсни эти также плѣнительны и молоды, хотя, правда, менѣе увлекаютъ и вдохновляютъ очерствѣлыя сердца наши... Пока будутъ жить на землѣ люди,—будетъ жить и любовь, всегда юная, свѣжая, облагораживающая. Пока будутъ любить люди, они, одухотворяемые любовью своею, будутъ искать поэзію, — выразительницу своихъ лучшихъ чувствъ и будутъ находить глубокое наслажденіе, какъ въ дивныхъ гармоніяхъ звуковъ, такъ и въ чарующихъ гармоніяхъ словъ и мыслей.

Въ извѣстную, скажу, лучшую пору нашей жизни мы особенно жаждемъ увлеченій, хотимъ полюбить скорѣе, и, рисуя въ мечтахъ своихъ образъ неизвѣстнаго любимаго человѣка, заставляемъ въ груди сильнѣе биться пылкое молодое сердце...

Мы хотимъ видѣть любовь и ищемъ ее въ поэзіи; пѣсня о грусти въ ясную весеннюю ночь, нѣжное признаніе, и страстное, и робкое... шепотъ отдыхающей природы въ тихую лѣтнюю ночь, мысли,—плоды всякихъ чувствъ, выросшихъ на почвѣ ли фантазіи или имѣя основаніемъ реальное (нужды нѣтъ, ибо въ

поэзіи правда, что *можетъ* быть, что *возможно*, а не только то, что было),—все это мило въ такое время нашему уму.

Все это мило и нашему сердцу, такъ какъ мы находимъ тамъ кажущееся, но дивное утоленіе непонятной жажды чего-то, какихъ-то особенныхъ думъ и чувствъ!

Все, что помѣщено въ этой книжкѣ, я посвящаю юности, чистой и нетронутой, въ пору жажды любви, въ чудную пору непонятно-милой борьбы, неопредѣленныхъ желаній, когда всѣ мысли, всѣ чувства, такъ восторженны, такъ пылки, потому что свѣжи и молоды!..

И если у одного читателя, при чтеніи хотя одной изъ моихъ мыслей, сильнѣе забьется сердце,—это будетъ для меня высшей, драгоцѣннѣйшей наградой!..

...Вамъ, пылкія, юныя сердца, нетронутые молодые умы, вамъ, свѣжіе побѣги зрѣлыхъ деревьевъ, вамъ трудъ мой теперь, вамъ труды мои всегда послѣ!..

Читателю.

Ты приди ко мнѣ, когда, тоскуя,
Сердце проситъ ласки и любви:
Пусть мой стихъ тебя умчитъ, взволнуя,
Далеко отъ думъ и дѣлъ земли!..
Ты приди, когда, страданья полный,
Отъ борьбы съ судьбою ты усталъ...
Мчатся быстро нѣжной пѣсни волны;
За волной могучій новый валъ.
Унесутъ они тоску и горе
Изъ груди измученной твоей
Далеко, гдѣ вѣчно ясно море,
Небеса и чище, и свѣтлѣй...
О, приди, когда, израненъ въ битвѣ,
Жаждешь ты забвенья мукъ своихъ...
Я сложу всю боль твою въ молитвѣ;
Тронетъ небо голосъ словъ моихъ.
Ты молчи!.. Безъ словъ, безъ объясненья
Я пойму нѣмую грусть твою;
—Ты въ стихахъ узришь свое мученье,
Лучше самъ поймешь печаль свою,
...Вижу я, чѣмъ полно сердце было,
Вижу я источникъ мукъ и слезъ:
—Эта жизнь въ тебѣ любовь убила:
Жаль тебѣ разбитыхъ счастья грезъ!
Вѣрю я, кругомъ бездушны люди,
Но сумѣй ты душу въ нихъ найти...
Безъ сердецъ, полны невѣрья груди,—
Долженъ ты къ нимъ съ вѣрой подойти!

Милый братъ! любви могуча сила,
Ею все вернуть сумѣлъ бы ты;
Вспомни самъ, когда душа любила,
Ты вѣдь былъ рабомъ своей мечты!.
Ты люби, покуда сердце бьется,
Ты люби, пока душа въ тебѣ;
И въ груди опять весна проснется,
И не будетъ слезъ въ твоей мольбѣ!..

Мартъ, 1901 г.

Памяти Лермонтова.

Ты умеръ, нѣтъ тебя, но голосъ твой, какъ прежде
Звучитъ и носится... плѣняетъ и томитъ.
То новый міръ душѣ... то счастье, то надежду,
То горе милое дарило и даритъ!..
Ты умеръ, нѣтъ тебя, но здѣсь живутъ и любятъ
Десятки, тысячи людей, что создалъ ты!—
Насъ до сихъ поръ твой стихъ волнуетъ и голубитъ,
Тутъ до сихъ поръ царятъ... и жгутъ твои мечты!—
Печоринъ—это ты, какъ въ Пушкинѣ Евгеній,
Разочарованный во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Съ гнетущею толпой непонятыхъ стремленій,
Безсильный заглушить всю злость на этотъ свѣтъ,
Стремишься ты сорвать съ людей бездушныхъ маски,
Но маску жалкую не можешь снять съ себя...
...Холодный къ похваламъ, не вѣришь въ эти ласки
Завистливой толпы людей вокругъ тебя!..
И съ каждымъ днемъ тебѣ все легче маска эта;
Невольно, бѣдный, къ ней ужъ привыкаешь ты...
...Приличіе и ложь завистливаго свѣта
Убило гордый духъ свободы и мечты!..
Ты проклялъ прошлаго свободныя надежды
И съ болью тяжкою предалъ землѣ себя,

Похоронилъ въ груди, что волновало прежде,
И бросился на жизнь, не вѣря, не любя!..
Твоя душа сквозитъ среди твоихъ созданій,
Героевъ думъ твоихъ, глубокихъ и больныхъ!
Ты наложилъ на нихъ печать своихъ страданій,
Безумныхъ, дикихъ мукъ... жестокихъ и нѣмыхъ.

Апрѣль 1901 г.

Матери.

О, мать дорогая, оставь свои слезы,
Зачѣмъ ты рыдаешь надъ сыномъ твоимъ?—
Слеза не вернетъ улетѣвшія грезы;
— Онъ гибнетъ безумно тобою любимъ!..
Онъ гибнетъ, какъ всѣ, зараженный примѣромъ
Коварныхъ, пустыхъ и ничтожныхъ друзей,
Онъ самъ будетъ скоро пустымъ лицемѣромъ,
Покорнымъ рабомъ самыхъ низкихъ страстей!..
Я вѣрю, что жалко созданье родное
Я думалъ, глубоко я понялъ тебя!..
Но, мать!.. это общее, страшное, злое,
Знакомое горе: губить не любя!.
Мы жалки, мы слабы и злую отраву,
Ужасную язву не можемъ изъять...
Какъ дѣти лелѣемъ родную забаву,
—Невинно другихъ заставляя страдать!..

Апрѣль 1901 г.

* * *

Сегодня день прошелъ такъ скучно и уныло,
По окнамъ дождь сердито дребежжалъ
И что-то грудь мою стѣсняло и давило
...Отъ тяжкихъ думъ забыться я желалъ...

Приходитъ быстро ночь... день тухнетъ, угасаетъ,
...Еще одинъ прожитъ безцѣльно онъ;
Тоска и грусть опять мнѣ сердце наполняетъ;
Мнѣ жалко дня: прошелъ, какъ тяжкій сонъ!..
И такъ вся жизнь пройдетъ... печально и напрасно...
И замолчитъ, заглохнетъ навсегда;
Я жилъ, мечталъ, любилъ, когда-то плакалъ страстно
Отъ думъ моихъ, отъ жизни — ни слѣда!...
А молодъ я, вѣдь жить быть можетъ много надо...
Такъ тяжело напрасно даромъ жить...
Пусть трудъ мнѣ дастъ теперь спокойствіе въ награду;
Я жить хочу, трудиться и любить!...

Апрѣль 1901 г.

* *
*

О! если бъ знала ты, безцѣнная, родная,
Какъ я тебя любилъ, какъ я тебя люблю...
Какъ часто въ поздній часъ грущу, не засыпая,
И въ мысляхъ о тебѣ, какъ долго я не сплю! —

О! если бъ знала ты въ минуту разставанья,
Что жизнь бы я отдалъ за мигъ твоей любви,
Что мыслить о тебѣ не въ силахъ безъ страданья,
Пойми же, наконецъ, мученія мои!..

И часто, поздно такъ съ тоскою сожалѣнья
Брожу по саду я измученъ и усталъ...
Да, ты, одна лишь ты, поймешь любви мученья;
...Я такъ среди людей ничтоженъ здѣсь и малъ!..

Іюль 1897 г.

Жизнь.

О, жа́ль мнѣ, жаль мнѣ васъ, умчавшіеся годы
Прекрасной милой юности моей!
Дни счастія, любви, безпечности, свободы,
Наивныхъ и восторженныхъ идей!
Гдѣ вѣра въ эту жизнь? Гдѣ смыслъ ея глубокій?
Гдѣ къ ней любовь? Гдѣ силы, гдѣ покой?..
Жизнь, какъ чудовище, какъ злой гигантъ стоокій
Вездѣ, всегда стоитъ предо мной.

Забыться ли хочу, объятый чувствомъ новымъ,
Любить людей и видѣть лучше ихъ...
Опять все та же жизнь надменна и сурова
Передо мной, не видя слезъ моихъ.
И грустно мнѣ тогда, и кажется ничтожнымъ
Заманчивое счастіе людей...
И самую любовь я вижу невозможной;
Надъ нами жизнь и звонъ ея цѣпей.

Но быстро жизнь бѣжитъ и гонитъ насъ, и мучитъ,
Куда-то вдаль съ собою насъ зоветъ...
И рѣдко кто въ ней святъ, кого добру научитъ,
Кому любовь и счастіе даетъ!..

Январь, 1900 г.

Ангелъ.

По небу высоко вечерней порой
Ангелъ изъ рая летѣлъ;
Печальныя очи блистали слезой; —
Богу молитву онъ пѣлъ.

* * *

Онъ пѣлъ о грѣхахъ и страданьяхъ людей
Тамъ, далеко на землѣ,
И ангельски-чистой душою своей
Плакалъ о вѣчномъ грѣхѣ.

* * *

Онъ людямъ прощенье у Бога молилъ,
Міру любовь и покой;
Слезу за слезою на землю онъ лилъ,
Грустно глядя подъ собой...

* * *

И бѣлыя руки скрестивъ на груди,
Скорбно главу опустилъ...
И тихо слагалъ онъ молитвы свои,
Міръ сожалѣлъ и любилъ.

* * *

Въ туманѣ далекомъ лежала земля
Съ множествомъ грѣшныхъ людей:
...„За васъ, люди, Богу молитва моя,
„Слезы я лью изъ очей!..

* * *

„О, пусть эти слезы, до васъ долетѣвъ,
„Вѣру вамъ снова дадутъ!..
„Пусть смоютъ на вѣки и злобу, и гнѣвъ,
„Счастье съ собой принесутъ!..

* * *

. . . . . .

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ міръ упадала слеза,
Дивный цвѣтокъ расцвѣталъ...
И грѣшные люди искали цвѣтка
— Онъ отъ грѣховъ исцѣлялъ...

* * *

Онъ вѣру забытую имъ приносилъ
Въ Бога и въ силу добра;
Кто раньше не вѣрилъ и злобѣ служилъ
— Грѣхъ забывалъ навсегда!..

Октябрь 1900 г.

* * *

За годомъ годъ несется исчезая
О, почему такъ быстро онъ летитъ?
Зачѣмъ онъ, насъ на вѣки покидая,
Такъ мало намъ для жизни говоритъ?

Такъ смерть отъ насъ уноситъ жизнь родную
И плачемъ мы, печальныхъ грезъ полны,
Такъ жалко намъ бываетъ мысль былую,
Былую грусть былыхъ годовъ весны! —

Имъ жизни нѣтъ; однѣ воспоминанья
Еще въ груди, быть можетъ, будутъ жить,
Но намъ милы о нихъ однѣ мечтанья;
Не можемъ мы о нихъ не говорить!..

Май 1901 г.

Буря.

Тьма непроглядная землю окутала,
Вѣтеръ сердито и грозно реветъ;
Гнетъ и качаетъ онъ дубы столѣтніе,
Листья по воздуху крутитъ и вьетъ...

Тучи несутся, какъ тѣни громадныя;
Изрѣдка молнія ихъ бороздитъ...
Дико бушуетъ стихія свободная...
...Лѣсъ въ отдаленіи глухо шумитъ...

Долго сижу у окна я открытаго:
Буря пугаетъ и спать не даетъ...
Вѣтеръ мнѣ въ комнату съ силой врывается...
Дерзкую, злобную пѣсню поетъ.

. . . . . .

Громко звучитъ эта пѣсня невнятная,
Страшно волнуетъ и мучитъ меня

— О если-бъ могъ я, какъ вѣтеръ бушующій,
По полю мчаться, вскочивъ на коня,
Въ битву вступить съ этимъ вѣтромъ и бурею,
Силу и храбрость свою показать...
...Вывернуть съ корнемъ деревья могучія,
Въ небо, къ несущимся тучамъ, бросать!..

Марта 1900 г.

Ночью.

Поздно; свѣча на столѣ догараетъ,
Мысли нестройныя мучатъ и жгутъ,
Носятся вихрями — духъ замираетъ,
Въ мрачную бездну съ собою влекутъ...

Горе далекое душу волнуетъ...
Много прожитаго... пропасть безъ дна...
Что-то въ груди моей дико бушуетъ:
Жаждетъ свободы и счастья она...

Жизнь непонятная властной рукою
Злобно и дерзко играетъ со мной;
Я ужъ измученъ неравной борьбой,
Горько обманутъ жестокой судьбой.

Гдѣ вы, забытыя, чистыя слезы?..
Юность далекимъ мнѣ кажется сномъ!..
Молодъ я, правда, но юныя грезы
Я позабылъ уже... Все объ одномъ

Мыслю я часто: мнѣ грустно, мнѣ больно,
Жалко, обидно смотрѣть на людей!..
О, человѣкъ, неужели довольно
Думать о Богѣ, о вѣрѣ своей?..

Ты на страданьи, на горѣ другого
Строишь непрочное счастье свое,
— Тѣло животное, грубое слово...
...Это-ли, Боже, созданье твое?..

Но не поймутъ меня, что говорю я.
— Завтра опять тѣ-же люди кругомъ.
Жизнь, ты страшна мнѣ... тебя не люблю я...
Юность далекимъ мнѣ кажется сномъ!..

Ноябрь 1899 г.

Quasi una fantasia, quasi una dolore...

Я хочу любить тебя безъ мѣры,
Но любить уже не въ силахъ я.
Нѣтъ въ груди моей той прежней вѣры,
Чтобы міръ забылъ я для тебя!..

Не могу, какъ прежде увлекаться,
Плакать, жить, надѣяться и ждать...
Я одинъ, одинъ хочу остаться,
Счастье дней далекихъ вспоминать!..

Жаль мнѣ васъ, умчавшіяся грезы,
Но въ душѣ для васъ ужъ мѣста нѣтъ;
Смыли все печальной жизни слезы...
...Мой мотивъ давно уже допѣтъ!..

Но зачѣмъ такъ часто и такъ больно
О тебѣ мечтанья сердце жгутъ...
Въ жизни мнѣ любить уже довольно;
Въ сердцѣ пусть любовь и жизнь умрутъ...

Пройденъ путь, прочувствованы муки
И твоей любви мнѣ не вернуть...
...Пусть замрутъ отпѣтой пѣсни звуки;
Дай теперь свободно мнѣ вздохнуть!..

Декабрь 1898 г.

Брату человѣку.

...Если не въ силахъ ты, вѣря высокому,
Вѣрѣ и сердце, и умъ отдавать,
Если мѣшаютъ сознанью глубокому
Истинѣ вѣрить и Богу далекому,
...Если не можешь терпѣть и страдать,
Книгу священную правды таинственной,
Братъ мой усталый, открой и читай!..
Помни, что это источникъ единственный
Помощи, счастія, вѣры и истины...
...Вѣрь въ утѣшенье, люби и прощай!..
Если невѣрія мысли безумныя
Душатъ, терзаютъ и мучатъ тебя...
Если смущаютъ цитаты разумныя,
Нашихъ философовъ помыслы умные,
Если не можешь забыться любя,
Злого невѣрія мысли лукавыя
Словомъ христовой любви отгоняй!..
...Мысли простыя, правдивыя, здравыя,
Рѣчи могучія, чистыя, правыя,
Часто читая, люби и прощай!..
Если тебя эти люди жестокіе
Злобой безсильной коснулись своей,
Если осмѣяны чувства глубокія,
Если поруганы мысли высокія,
...Если глумятся надъ вѣрой твоей.
Братъ мой усталый, пойми!.. ты спасеніе
Въ книгѣ страданій христовыхъ найдешь!
...Вѣчная правда, любовь и прощеніе
Много тебѣ принесутъ утѣшенія...
Ты своей бѣдной душой оживешь!..
Если веселость и нѣга безпечная
Сердце твое отучили любить,

Если забыта любовь безконечная,
Вѣра могучая, истина вѣчная,
Если не хочешь себя побѣдить...
Лучше не трогай ты книгу священную,
— Ты не способенъ Христа понимать,
Тайну любви неземной сокровенную,
Истину, вѣру Христомъ освященную...
...Братъ!.. ты не можешь... не смѣешь читать!..

Февраль 1901 г.

Осень.

О! эта осень печально унылая,
Съ вѣчною грязью и вѣчнымъ дождемъ;
Грустныя мысли, тоску безконечную
Будитъ въ измученномъ сердцѣ моемъ.

Видъ-ли природы, кругомъ увядающей,
Тихо мнѣ шепчетъ о смерти слова?..
Только печально оно, разрушеніе...
...Жизнь, наша бѣдная жизнь—такова!

Съ желтыми листьями осень печальная:
— Старость приходитъ съ своей сѣдиной!..
Холодъ и дождикъ, и вѣтеръ убійственный:
— Плачъ безутѣшный о жизни земной!

Жаль намъ прожитаго, прошлаго, милаго,
Съ вѣчной погоней за счастьемъ своимъ,
Жаль намъ и счастья, теперь невозможнаго,
— Мы у открытой могилы стоимъ!..

Грустно споютъ намъ молитву священную,
Скажутъ послѣднее тѣлу „прощай“...
Крѣпко задѣлаютъ крышку гробовую...
...Спи!.. ни печали, ни жизни не знай!

Октябрь 1900 г.

По поводу смерти одной.

(Памяти Раи).

Кончено все; эта смерть безпощадная
Новую жертву скосила несчастную...
Вотъ и окончена жизнь безотрадная...
Вотъ и вкусила расплату ужасную

За грѣхи юности, такъ легкомысленной,
Въ бездну порока людей увлекающей...
Грѣхъ безсознательный, грѣхъ неосмысленный...
Дань дорогая судьбинѣ карающей...

Много ихъ... много ихъ гибнетъ безъ времени,
Съ жизнью короткой, рыдая, прощается...
...Жалко мнѣ мать, что отъ тяжкаго бремени
Горя нежданнаго такъ убивается

И не отходитъ отъ трупа ужаснаго,
Отъ ея гроба, слезами облитаго,
Милаго гроба, родного и страшнаго...
—Все, что осталось отъ счастья разбитаго...

«Охъ, моя родная! охъ безталанная!—
«Ну, на кого же меня ты покинула?
«—Лютое горе, кручина нежданная...
«Лучше бы я уже, старая, сгинула!..»
. . . . . .

Шагъ увлеченія, грѣхъ легкомысленный,
Въ бездну могилы людей увлекающій
...Грѣхъ безсознательный, грѣхъ неосмысленный...
—Дань дорогая судьбинѣ карающей!..

Апрѣль, 1900 г.

Аллегорія.

По небу высоко луна золотая,
Луна надъ землей золотая плыла,
И звѣзды на землю глядѣли мигая,
Глядѣли на море неправды и зла...

Неслись отъ земли безпокойные звуки,
Безумные звуки страданій людскихъ;
Тамъ люди ломали безсильныя руки
И ждали предѣла мученій своихъ.

Ихъ крики и вопли сливались въ аккорды,
Сливались въ аккорды созвучій больныхъ,
И небо чернѣло, со злобою гордой,
Глядя на рабовъ безпокойныхъ своихъ.

Оно имъ послало средь страшнаго грома,
Средь страшнаго грома свой гнѣвный привѣтъ.
...Оно имъ велѣло, чтобъ сонъ и истома
Царили кругомъ, пока счастія нѣтъ.

...Сердитаго неба не слушали люди,
Не слушали люди, страданій полны.
Свободы и воздуха жаждали груди....
И жаждали люди далекой весны...

Декабрь, 1900 г.

* * *

Жестокая злоба, знакомая злоба!..
Опять завладѣла ты пѣснью моей.
...До смерти холодной, до мрачнаго гроба
Все меньше и меньше томительныхъ дней...

Могучая смерть леденящей рукою
Наложитъ всесильное veto навѣкъ...

...Что ты, со своею ничтожной тоскою
Непонятой мыслью... скажи, человѣкъ?
...Изъ праха для смерти ты созданъ разумно,
Дыши, пока жизнь позволяетъ дышать!
Не смѣй своей пѣснью, печально безумной
И дерзкою злобой земли оскорблять!..
Ты жалокъ... средь множества жалкихъ созданій
Ты, бѣдный, смѣшнѣй и бѣднѣе другихъ.
...Что пѣсня твоихъ непонятныхъ страданій?
— Не нуженъ другимъ онъ, твой пламенный стихъ
Молчи... если хочешь ты жить подъ луною,
Не смѣй волновать неповинныхъ людей!
Молчи, или скоро... вотъ этой весною, —
Ты станешь землей, вмѣстѣ съ пѣсней твоей!...
Жестокая злоба, знакомая злоба...
Зачѣмъ завладѣла ты пѣснью моей?
...До смерти холодной, до мрачнаго гроба —
Все меньше и меньше томительныхъ дней.

Апрѣль, 1901 г.

Ночь.

Далекій лѣсъ окутанъ мглой тумана,
Въ нѣмой тиши таинственно заснулъ...
Сегодня день окончился такъ рано...
Когда бъ я могъ,его бы я вернулъ!..
Ужели все, что было мной прожито,
Съ минувшимъ днемъ умчится безъ слѣда?
И слезы тѣ, что были мной пролиты,
Не потекутъ, какъ прежде, никогда!..
...Заснулъ и спитъ въ туманѣ лѣсъ далекій..
Изъ тучъ луна блестящая плыветъ...
Сильнѣй печаль моей тоски глубокой,
Меня опять прошедшее зоветъ!.....

Мнѣ жаль его! Его мнѣ жаль безумно,
Но что прошло, вернуть безсиленъ я;
Хочу забыть я въ этой пѣснѣ шумной,
Какъ мнѣ мила была печаль моя!
Свѣтлѣе ночь... блеститъ луна слабѣе,
Уже заря далеко занялась,
И вѣтерокъ подулъ въ лицо свѣжѣе...
Мои мечты!.. я покидаю васъ!..

Апрѣль, 1901 г.

* * *

Я лежу у рѣки на измятой травѣ,
И любуюсь роскошной весной,
Мысли вихремъ кружатся въ моей головѣ,
...Солнце ярко горитъ надо мной...
Пыльный городъ вдали, какъ туманомъ покрытъ,
Какъ-то слабо, уныло шумитъ;
Изъ несущихся тучъ яркій солнечный лучъ
На меня и на землю глядитъ;
Онъ прекрасенъ, какъ жизнь, онъ красивъ и могучъ,
Онъ смѣется и лаской даритъ...
Отчего только ты, дорогая весна,
Можешь сердце и умъ исцѣлить,
Какъ ни тяжко въ груди, какъ душа ни больна,
Успокоить и боль облегчить?..
...Надъ моей головой птички рѣзво поютъ:
Онѣ вѣрятъ въ весну, онѣ счастія ждутъ.
Тихо листья колышетъ кругомъ вѣтерокъ,
А внизу, что-то нѣжно лепечетъ потокъ...
...Дорогая весна, отчего только ты
Мнѣ приносишь съ собой столько свѣтлой мечты,
Столько жажды любить непонятныхъ людей,
Столько вѣры въ могучую силу идей?..

Май, 1900 г.

У гроба.

Не вѣтеръ бушуетъ въ осеннюю ночь,
Не зимняя вьюга рыдаетъ...
Надъ трупомъ отцовскимъ родимая дочь
Глубоко и горько страдаетъ...
Безумныя слезы горячей волной
Текутъ изъ очей въ изобильи...
«Мнѣ душно, мнѣ тяжко, отецъ дорогой,
«Я въ горестномъ плачу безсильи.
«Такъ жаль, что всю жизнь дорогую твою
«Любить я тебя не умѣла;
«Теперь отдала бы я душу свою,
«И жизнь эту, все, что имѣла,
«Чтобъ только съ тобой помириться любя,
«Молить со слезами прощенья!..
»Отецъ мой родимый! Я жизнь за тебя
«Отдамъ безъ минуты сомнѣнья!..
«Но поздно, увы, ты заснулъ на всегда,
«У гроба я плачу напрасно;
«Ахъ, въ сердцѣ моемъ никогда, никогда
«Тоска не была такъ ужасна!
«Не знала я смерть съ ея страшной и злой,
«Карающей, трепетной мукой,
«Такъ поздно, все ясно, теперь предо мной,
«Предъ этою вѣчной разлукой!..
«Прости же меня, о, прости поскорѣй,
«Отецъ дорогой и любимый!..
«Молю всей душой наболѣвшей своей,
«Тоскою и горемъ томимой!..»

. . . . . .

Безмолвный въ гробу своемъ мертвый лежитъ,
Не слышитъ мольбы и рыданья!—
Все кончено, все... онъ ужъ умеръ, онъ спитъ
Безъ словъ, безъ тоски, безъ страданья!..

Ноябрь, 1900 г.

Прошлое.

Помнишь ли, милая, счастье далекое,
Юности нѣжной мечтанья забытыя,
Нынѣ судьбой безконечно жестокою
Будто бы въ землю глубоко зарытыя?..
Помнишь ли вѣру могучую, сильную,
Планы, мечты, упованья, стремленія,
Грусть дорогую, слезами обильную,
...Первой любви, и печаль, и томленіе?..
Помнишь, бывало, мы замки воздушные
Строили часто, не зная, не вѣдая,
Что на землѣ есть и люди бездушные...
...Вотъ и не кончились битвы побѣдою!..
Гдѣ же теперь вы, такъ нѣжно любимыя
Милаго счастья мечты и желанія?..
О! неужели вы, горемъ палимыя,
Мнѣ оставляете только страданія?..
Радъ и теперь бы я вѣрить попрежнему
Въ жизнь и любовь безконечно прекрасную..
...Можно ли морю повѣрить безбрежному,
Даже въ погоду спокойную, ясную?..
Часто мнѣ юности счастье мятежное
Снится теперь, точно сказка далекая...
...Счастье жалѣю я милое, нѣжное...
Ахъ!.. тяжела моя жалость глубокая!..

Ноябрь, 1900 г.

Сонъ.

Мнѣ снилось, что ночью въ саду я сижу,
Подъ тѣнью вѣтвей на скамьѣ,
И жду тамъ кого-то и, млѣя, дрожу,
И вдаль черезъ листья тревожно гляжу...
На сердцѣ такъ радостно мнѣ!..

На землю сіяетъ луна съ высоты;
Все тихо, безмолвно кругомъ...
Вдругъ вижу я дѣву, такой красоты,
Которую могутъ создать лишь мечты,
Иль въ сказкѣ волшебнымъ жезломъ!..
Въ лицо ея блѣдная свѣтитъ луна,
Лишь очи темнѣютъ одни...
Съ тоскою во взорѣ, печальна, грустна
Ко мнѣ осторожно склонилась она,
...И руки схватила мои...
„Ты хочешь любить?.. Такъ люби же меня!..
„Теперь въ эту ночь, при лунѣ!..
„Я фея любви!.. Все я дамъ для тебя,
„И страстно, и нѣжно, и долго любя,
„Ты будешь блаженъ, какъ во снѣ!..“
...Смотрю и молчу... пораженъ, удивленъ,
Я слушаю жадно ее...:
„Ты будешь любовью моей опьяненъ,
„Съ зарей же волшебный окончится сонъ,
„И счастье умчится твое!..
„Какъ только на землю лучи упадутъ,
„Умрешь ты для жизни земной;
„Мольбы никакія тебя не спасутъ...
„А душу твою мои слуги возьмутъ
„...И будешь на вѣки ты мой!..
„Скажи поскорѣе... отвѣть, не томи!..
„За жизнь — я любовь тебѣ дамъ!..
„Я дамъ тебѣ счастье, мой милый, пойми!...
„За смерть — наслажденье, восторги любви...
„...Не думай, что ждетъ тебя тамъ!..“

. . . . . .

Вотъ ночь пронеслась; ужъ востокъ заалѣлъ
И фея умчалась моя...
Я долго кругомъ безъ надежды глядѣлъ
И съ каждой минутой слабѣлъ и слабѣлъ...
...То жизнь покидала меня!..

Декабрь, 1900 г.

Любовь.

Опять знакомыя страданья...
Кипитъ любовь въ груди моей...
Опять печаль, тоска, желанья
Быть ближе къ ней, быть вмѣстѣ съ ней...

* * *

Опять я полонъ грусти нѣжной,
Мечтаній счастья и любви...
Любви тоскливой и мятежной
Въ моей бунтующей крови!..

* * *

Когда встрѣчаюсь я съ тобою,
Поклонъ холодный отдаю,
Но все во мнѣ полно мольбою
„Пойми меня... вѣдь я люблю!..“

* * *

Ты говоришь; съ улыбкой милой
Вопросы быстро задаешь,
Какой-то непонятной силой
Сама къ себѣ меня влечешь!..

* * *

И я въ незримую стремнину
Душой и мыслею лечу...
Пойми же ты мою кручину;
Я самъ не знаю, что хочу,

* * *

Не только дальше быть съ тобою,
Но завладѣть мечтой твоей;
Передъ любви моей мольбою
Склонись, отвѣть... люби скорѣй!..

Январь, 1901 г.

Слезамъ твоимъ.

Когда въ твоихъ глазахъ жемчужиной морскою,
Какъ капелька росы засвѣтится слеза,
Мнѣ грустно, все полно давящею тоскою,
Мнѣ тяжела твоя знакомая краса!..
Мнѣ жаль, что ты грустишь; твое не зная горе,
Тебя, обнявъ, скорѣй утѣшить я спѣшу,
Ужъ слезы горькія катятся на просторѣ...;
Своей слезой я грусть твою не потушу!..
Чѣмъ больше слезъ твоихъ, сильнѣй мои рыданья,
Полны тоской глаза глубокіе твои,
И сердца бѣднаго несносны мнѣ страдынья...
—Не милъ мнѣ свѣтъ тогда и счастіе любви!
О чемъ слеза твоя?—скажи мнѣ, дорогая!—
О чемъ грустить теперь такъ рано можешь ты?—
—Быть можетъ эта жизнь холодная и злая
Разбила счастія прекраснаго мечты?..
Утри слезу свою... Вѣдь въ жизни много горя,
Вѣдь къ сердцу все нельзя такъ близко принимать;
Не хватитъ слезъ тебѣ, когда, какъ волны моря,
Напрасно будешь ихъ такъ часто проливать!..
Я вѣрю, что слеза уноситъ горе злое,
Такъ дорожи, мой другъ, слезою ты своей!..
Вотъ, если счастіе умчится дорогое,
Обманетъ жизнь тебя,—тогда ты слезы лей!..

. . . . . .

Ты счастлива теперь.. твоя печаль отъ скуки...
Разсѣйся чѣмъ нибудь и грусть пройдетъ твоя.
...Не знаешь ты еще всей этой жизни муки
...О! милый другъ, повѣрь, правдива пѣснь моя!..

Ноябрь, 1900 г.

* *
*

Тихо плыветъ надъ землею уснувшею
Въ небѣ луна;
Вмѣстѣ съ зарницей, далеко блеснувшею,
Блещетъ она...
Пусть же царитъ она, ночь эта ясная,
Вѣчно кругомъ...
Снится любовь мнѣ горячая, страстная
Съ нею вдвоемъ...
Жизнь мнѣ отрадной и легкою кажется;
Все впереди...
Можетъ придетъ она, можетъ быть скажется
Вѣра въ груди...
Хочется жить мнѣ и долго, таинственно
Ждать и любить;
Счастье въ любви; этимъ чувствомъ единственно
Можемъ мы жить!..

Май, 1901 г.

Желанье.

Хочу, чтобъ всегда, какъ теперь глубоко
Кипѣло во мнѣ вдохновенье,
Чтобъ было желанье въ груди велико
Умчаться душой и умомъ далеко,
Гдѣ все лишь одно сновидѣнье!..
Хочу я забыть эту прозу кругомъ,
Тоскуя, любя, сожалѣя...
И грезъ поэтичныхъ ласкающимъ сномъ
Упиться... упиться, чтобъ долго потомъ
Жить, милыя грезы лелѣя!..

Не смѣйтесь же, люди!.. желанье мое
Ни бредъ, ни слова безъ значенья;
Мнѣ жалко, что счастье родное свое
Вы жизни дарите, не зная ея,—
—Свое не понявъ назначенье!,.
Въ минуты такія я больше люблю,
Сильнѣе людей сожалѣю...
...Поймите же, люди, вы пѣсню мою,
Въ нее я всю душу влагаю свою...
—Я вамъ говорю, какъ умѣю!..

. . . . . .

И грустно мнѣ будетъ, и больно, когда
Вы пѣсню мою осмѣете...
Вы будете, люди, жестоки тогда...
—Вѣдь вы приговоромъ своимъ навсегда
Все счастье мое разобьете!...

Декабрь, 1900 г.

Людямъ.

Если бъ теперь, когда люди безпечные
Спятъ въ опьяненьи обмана и лжи,
Спятъ, позабывши ученье сердечное
Сына Господня, Учителя вѣчнаго
Истины вѣчной и вѣчной любви...
Если бъ теперь, всѣхъ любящій, прощающій,
Снова на землю пришелъ къ намъ Христосъ,—
Голосъ божественный кротко карающій,
Ликъ Его дивный, прекрасный, страдающій
Много бы счастья на землю принесъ!

. . . . . .

Вѣра могучая, вѣра свободная,
Вѣра всесильная въ жизнь и любовь
Скоро согрѣла бъ ихъ души холодныя,
Счастьемъ наполнивъ сердца ихъ голодныя,
Въ нихъ охладила бъ животную кровь,

Вѣрный бы путь указала къ спасенью,
Люди бы вспомнили тотъ идеалъ
Вѣчнаго мира, святого прощенія,
Промысловъ міра лукавыхъ забвенія,
Что Онъ примѣромъ своимъ показалъ...
Люди! отрадой грѣха опьяненные,
(Сладость, повѣрьте, минутна его!)
Люди! Христовымъ страданьемъ спасенные,
Люди, опомнитесь!—Вѣры лишенные,
Вы позабыли Христа своего!
Вы позабыли и смерть, и мученіе
Тамъ, на высокой Голгоѳѣ, Христа!
Гдѣ на землѣ Его жизнь и ученіе?
Вы позабыли обѣтъ о спасеніи
Всѣхъ у подножья Святого Креста.

Апрѣль, 1900 г.

Ручей.

По камнямъ струится прохладный потокъ,
У берега нѣжный, красивый цвѣтокъ
Пьетъ воду изъ влажной прибрежной земли;
Ему эти волны собой принесли,
И нѣгу, и силы для жизни земной...
...И счастье несутъ съ каждой новой волной...
Порою вечерней, какъ лѣсъ замолчитъ
И только потокъ свою пѣсню журчитъ;
Цвѣтокъ засыпаетъ подъ пѣсню его ..
...Все счастье, все вѣра, все жизнь для него!
...Но тамъ, гдѣ потокъ мой начало беретъ,
Семейство людское безпечно живетъ...
..Задумали мельницу строить они
И воду потока въ запрудъ отвели...
. . . . . .
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде красивый цвѣтокъ
Питалъ своей влагой прохладный потокъ.

Теперь только тощія травы растутъ
И влаги напрасно живительной ждутъ!..

. . . . . .

Недолго поэтъ своей пѣснью плѣнялъ,
Недолго сердца онъ людскія ласкалъ,
Имъ силы давая для жизни земной...
...Недолго имъ пѣлъ про любовь и покой!
...И вечеръ настанетъ; и будетъ кругомъ
Все тихо, безмолвно во мракѣ ночномъ;
...Не будетъ потокъ свою пѣсню журчать,
Цвѣтокъ будетъ сохнуть, цвѣтокъ будетъ ждать...
...Все тщетно: во мракѣ безмолвныхъ ночей
Поэтъ не споетъ уже пѣсни своей...
Ему не позволили пѣть и плѣнять;
Его заставляютъ молчать и страдать!
...И грустно, и жалко, и больно пѣвцу,
И горькія слезы текутъ по лицу...

Февраль, 1901 г.

* * *

Отчего такъ рано сохнутъ розы эти?...
Ты скажи мнѣ, милый, другъ мой дорогой:
Отчего такъ быстро вянетъ все на свѣтѣ,
Не постигнувъ тайны этой жизни злой?...

Отчего минуты искренняго счастья
Часто грусти тайной и тоски полны?...
Отчего намъ снятся грозы и ненастья
Даже въ ясный вечеръ молодой весны?..

Отчего для насъ сама любовь милѣе,
Если слезъ и грусти... много грусти въ ней?..
Если плачемъ больше—любимъ горячѣе,
—Больше вѣримъ въ чувство дорогихъ рѣчей?—

Мы не знаемъ въ жизни счастья безъ печали,
Мы гордимся грусти и любви слезой;
Если прежде слезы счастье дополняли,
Вспоминая послѣ,—мы ихъ льемъ волной!..

Май 1901 г.

Раннимъ утромъ.

На востокѣ полосою
Заблисталъ разсвѣтъ;
Ярко красною косою
Въ темномъ небѣ слѣдъ...

* * *

Нѣтъ! покоя мнѣ не надо,
Не хочу я сна;
Ужъ свѣтло въ аллеяхъ сада...
Какъ заря красна!..

* * *

Птички рѣзвыя запѣли,
Близокъ, близокъ день;
Ужъ несутся звонко трели,
Ужъ блѣднѣетъ тѣнь!--

* * *

И въ груди моей усталой
Все проснулось вновь...
Грусти, муки ужъ не стало,
И свѣжа любовь...

* * *

Я хочу, хочу, какъ прежде,
Этотъ день любить,
И въ груди своей надежды
И весну хранить!

* * *

День проснулся тихій, ясный,
Полонъ юныхъ силъ;
Полосой пурпурно-красной
Небо освѣтилъ...

Іюнь, 1901 г.

* * *

Опять ты, мой другъ, не смѣешься совсѣмъ,
Грустна и печальна сидишь...
Обидѣли?... Кто?... Ну, разсказывай, чѣмъ?
Скажи мнѣ, о чемъ ты грустишь?
Люблю тебя видѣть веселой, живой,
Твой смѣхъ и улыбку люблю;
Они мнѣ дарятъ безмятежный покой...
Я грусть забываю свою!..
Такъ брось же печаль; улыбнись поскорѣй!—
Скажи, что тревожитъ тебя?...
Мнѣ такъ тяжело безъ улыбки твоей,
Родная голубка моя!..
Тебѣ непростительно плакать, повѣрь;—
И счастье, и жизнь впереди!..
Не лей же напрасныя слезы теперь;
—Надѣйся, и вѣруй, и жди!..

Ноябрь, 1900 г.

Поэту.

Ты счастливъ... ты поэтъ, когда твои желанья,
И слезы честныя, и честныя мечты
Съ такою силою печали и страданья
Воплощены въ слова добра и красоты,

Что жгутъ сердца, умы, лаская властью нѣжной
Мечтами счастія читающихъ людей...

То нѣгой тайною, то грустью безмятежной
Зовутъ съ собой, туда... во власть твоихъ идей!..

Ты счастливъ, ты поэтъ, когда неудержимо
Несется мѣрный стихъ свободно и легко,
И въ немъ душа твоя сквозитъ неуловимо,
...Зовя мечты и умъ отъ прозы далеко!...

Какъ сны неясные, туманныя мечтанья
Въ одну гармонію сливаются тобой...
...И если не пойметъ толпа твои желанья,
—Скажи... скажи еще, всѣмъ сердцемъ, всей душой!

Ты счастливъ... ты поэтъ, когда толпа безумно
Въ міръ грезъ и думъ твоихъ тобой увлечена,
Дыханье затаивъ, внимаетъ пѣснѣ шумной,
И пѣснь твоя звучитъ, прекрасна и сильна!

—Ты говори о всемъ: о горѣ, о страданьѣ,
О счастьи и любви... о грусти и слезахъ!..
Забудь мечты *свои*, забудь *свои* желанья...
Что только можешь, все ты воплоти въ стихахъ...

—Ты счастливъ... ты поэтъ, когда твои аккорды
Холодную толпу заставятъ зарыдать
И гордость глупую въ слезахъ забудетъ гордый
И будетъ предъ тобой томиться и страдать!

—Но если вдругъ толпѣ твои не милы звуки
И засвиститъ тебѣ, и зашумитъ она
...Въ груди, въ душѣ твоей, повѣрь, безсильны муки, —
—Пусть будетъ кротостью душа твоя сильна!..

Ты счастливъ... ты поэтъ, когда улыбкой нѣжной
Встрѣчаешь смѣхъ толпы, безумной какъ дитя...
И пѣснью новою, глубокой, безмятежной
Заставишь замолчать, навѣкъ толпѣ простя!..

Январь, 1900 г.

Возрожденіе.

Молю тебя, молю... любви моей мечтанья
Не омрачай слезой тоскливою своей!..
Вотъ, послѣ долгихъ мукъ и долгаго скитанья
Я снова окрыленъ мечтой любви моей!..
Мнѣ снова жизнь мила, страданія и слезы...
...Обманчивой любви плѣнительный привѣтъ
И дѣтства милаго восторженныя грезы,
Я снова жить хочу... все счастіе и свѣтъ!..
Я на людей смотрю не съ прежнею тоскою;
Я въ нихъ люблю себя... я тоже человѣкъ!..
И вѣрю, что ведетъ могучею рукою
Къ добру и счастію насъ всѣхъ двадцатый вѣкъ!..
Какъ сны неясные, въ моемъ воображеньи
Мечты и образы забытые встаютъ;
Смѣшны мнѣ прошлаго тревога и смятенья...
...Мечтанья счастія впередъ... впередъ зовутъ!..
И мнится мнѣ, что всѣ забытыя желанья
И всѣ мечты мои воплощены опять;
Я жду любви твоей и нѣтъ во мнѣ страданья
...Я не хочу теперь, я не могу страдать!..
...Вотъ съ мыслью о тебѣ свое забылъ я горе,
Передо мной вся жизнь прошедшая встаетъ,
Во мнѣ любовь моя кипитъ, какъ волны въ морѣ,
Мнѣ улыбается, и къ счастію зоветъ!..
Я вѣрю въ счастіе,... я жду его блистанья,
Я вѣрю въ жизнь свою и жизнь людей другихъ;
Опять въ груди моей надежды и желанья!
Я жить... я жить хочу всей силой чувствъ моихъ!..
...Ахъ!.. вижу, что кругомъ такъ часто злой тоскою
Отравлена теперь бываетъ жизнь людей,
И люди умные своею же рукою
Несутъ печаль себѣ, безумно вѣря ей...

Такъ вѣрилъ долго я и находилъ страданья
Больной души моей пріятнѣй, чѣмъ сильнѣй...
Я звалъ къ себѣ печаль и грустныя мечтанья
Теперь я жизнь зову... Да! Счастье мнѣ милѣй.

Январь, 1901 г.

Весенняя идиллія.

Съ окрестныхъ горъ неудержимо
Текутъ веселые ручьи,
Умы, сердца необъяснимо
Собой къ веснѣ влекутъ они...

Весна идетъ, весна явилась,
Въ бодрящемъ запахѣ полей;
Она пришла и опустилась
Съ красою юною своей...

На лѣсъ исполненный прохлады
И пѣснѣ звонкой соловья...
Все было въ ней полно отрады
И въ ласкѣ шумнаго ручья
Былъ слышенъ шепотъ грезъ весеннихъ...

И сны, таинственные сны
Младой красавицы весны
Среди прозрачной тихой ночи
Ласкаютъ путника мечты;
Средь темноты онъ видитъ очи
И сердцемъ чуетъ красоту.

Февраль, 1901 г.

Нѣтъ, не жизнь страшитъ меня.

Нѣтъ, не жизнь страшитъ меня,
Полная сомнѣнья;
Я боюсь тоски огня,
Злобы и мученья!
Я хочу повѣрить вновь,
Вспомнить жизнь былую,
Жалко мнѣ мою любовь,
Вѣру дорогую!..
Часто жизнь меня зоветъ,
Самъ я полонъ силы,
И бѣгу... стремлюсь впередъ
—Ближе до могилы!..
Годъ прошелъ, а счастья нѣтъ;
Жизнь — печаль и мука...
Гдѣ покой? — Одинъ отвѣтъ:
Вѣчная разлука!..
Если жалко мнѣ людей
Счастіемъ забытыхъ.
Въ этой жалости моей
Много слезъ пролито...
Мнѣ обидно, какъ порой
Сытый забываетъ...
Что голодный и больной
Бѣдный умираетъ...
До тѣхъ поръ и онъ любилъ,
Вѣрилъ въ жизнь глубоко;
Нынѣ голодъ все разбилъ...
Всѣ мечты далеко!..
Только слезы и печаль...
Что же вы глядите?
Развѣ вамъ его не жаль?
—Люди — помогите!

Жизнь озлобила его;
Нѣтъ для вѣры силы,
Будетъ счастье для него:
Мракъ сырой могилы!—
Что съ того, что онъ умретъ?
—Все умретъ живое;
Онъ для жизни помощь ждетъ!
Тяжко горе злое!

Декабрь, 1900 г.

Молитва.

Я вѣрить не могу; какое-то сомнѣнье
Гнететъ меня опять, пугаетъ и томитъ...
Что можетъ побѣдить души моей волненье?--
Кто вѣру мнѣ теперь былую возвратитъ?

* * *

Мнѣ душно, тяжело... что можетъ быть дороже
Той вѣры прошлаго, которой нѣтъ теперь?—
И я молю Тебя, о, милостивый Боже,
Дай силы вѣрить мнѣ!.. Сомнѣнье—злобный звѣрь!..

* * *

Верни мнѣ юности святое увѣренье,
Молитву жаркую и жаркую любовь!..
...Кто вѣруетъ теперь?.. но тяжко мнѣ сомнѣнье...
Такъ вѣру прошлаго Ты дай мнѣ, Боже, вновь!

* * *

Чтобъ могъ я всей душой, всѣмъ сердцемъ, мыслью всею
Въ минуту горести съ молитвой припадать
Къ Тебѣ, о, Боже мой!.. Пусть силы я имѣю
Всегда молить Тебя, надѣяться и ждать!..

* * *

Мнѣ будетъ жизнь не въ жизнь, когда, тоской томимый,
Я не приду къ Тебѣ съ горячею мольбой...

Порывы юности восторженно любимой
Для счастья моего верни мнѣ, Боже мой!..

* * *

Когда другой придетъ съ сомнѣньемъ и мольбою,
Дай силы мнѣ его увѣрить, убѣдить;
Чтобъ, кончивъ споръ со мной, упалъ онъ предъ Тобою,
Молясь и *вѣруя*...; безъ вѣры тяжко жить!..

Декабрь, 1900 г.

Весенняя ночь.

Тихо спускается ночь благовонная,
Нѣги, томленья полна;
Хочетъ покоя земля полусонная,
Хочетъ забвенья и сна...
Шепотъ неясный, далекій, таинственный
Слышенъ во мракѣ аллей...
Что же грустна ты такъ, другъ мой единственный,
Сердце забилось сильнѣй...
Любишь?.. такъ я твою душу влюбленную
Понялъ глубоко, вполнѣ...
Ну, не грѣшно-ль въ эту ночь упоенную
Думать, любить лишь во снѣ?..
Другъ мой, разсѣй свои думы печальныя,
Другъ мой, о чемъ же грустить?..
Слышишь, доносятся рѣчи прощальныя?
Ты вѣдь умѣешь любить?..
Онъ уѣзжаетъ, онъ любитъ, прощается...
Слышишь, какъ плачетъ весна?
Это въ кустахъ соловей заливается,
Пѣснь, и нѣжна, и грустна...
Можно ли мнѣ въ эту ночь опьяненную
Чарами нѣжной весны
Не понимать твою душу влюбленную,
Юности грезы и сны?..

Май, 1901 г.

Посвящается И. И. Тихонову.

Свѣжо... темно кругомъ... По улицамъ уснувшимъ,
Бродили долго мы въ таинственной тиши...
О вѣрѣ истинной, о Богѣ, о минувшемъ...
Ты разбудилъ мечты завѣтныя мои!
Все, въ чемъ давно, давно искалъ я подтвержденья,
Здѣсь рѣчью властною ты укрѣпилъ опять,
И слушалъ я тебя съ улыбкой наслажденья:
Я счастливъ, счастливъ былъ твоимъ рѣчамъ внимать!
Пріятный голосъ твой звучалъ могучей силой,
Я видѣлъ вѣру, жизнь въ тебѣ, въ твоихъ очахъ;
Далекой юности туманной, чистой, милой
Къ всесильнымъ Небесамъ возобновлялся страхъ.
И рвался вѣрить я безумно и глубоко,
Всей силой чувствъ души мятежной и больной;
И былъ мой бѣдный умъ отъ думъ земли далеко,
Какъ будто опьяненъ заснувшею весной.

. . . . . .

По небу плыветъ золотая луна
И звѣзды мерцаютъ кругомъ.
Заснула и спитъ молодая весна
Тревожнымъ, таинственнымъ сномъ...
И люди боятся весну разбудить,
Замолкли, притихли они...
Ты сталъ какъ-то тише со мной говорить,
Мечты излагая свои!..
Такъ жадно я слушалъ и сердце мое
Отрадно забилось опять,
Забылъ я нѣмое сомнѣнье свое,
Хотѣлось мнѣ вѣрить и ждать...
Увидѣлъ я счастье и свѣтъ впереди,
Почувствовалъ силы въ себѣ,
А сердце, казалось, рвалось изъ груди,
Такъ рано разбитой въ борьбѣ!..

О, пусть эта ночь своей ясной луной
Мнѣ вѣрой всю жизнь озаритъ,
И душу мою съ каждой новой весной
Все глубже и глубже томитъ...

. . . . . .

По небу плыветъ золотая луна
Красой неземною полна;
И звѣзды мигаютъ надъ спящей землей,
...То блещутъ, то меркнутъ порой,
Какъ вѣтеръ умчались сомнѣнья и сны
Подъ шопотъ уснувшей весны...
Такъ нѣженъ кругомъ этотъ воздухъ ночной
Онъ дышетъ, онъ полонъ весной.
Твой голосъ звучитъ и волнуетъ и жжетъ,
И вѣру, и счастье несетъ!..
Я рвусь, какъ ребенокъ, повѣрить опять,
Христа и людей понимать!..

Апрѣль, 1901 г.

Вопросъ.

Нужны ль толпѣ мои мученья
И грезы пламенныхъ стиховъ?..
Вѣдь для нея, мои сомнѣнья,
...Игра ненужныхъ громкихъ словъ!..
Конечно, нѣтъ!.. печаль чужая
Не любопытна намъ ничѣмъ;
Своя тоска и грусть нѣмая
Милѣе каждому и всѣмъ!
Зачѣмъ же я съ своей тоскою,
Съ своей печалью дорогой
Ношусь въ стихѣ передъ толпою?
Я жалокъ самъ передъ собой!..
...Но не могу въ печали нѣжной
Стиха больного удержать;

И стихъ тоскливый, стихъ мятежный
Летитъ, летитъ ко мнѣ опять!..
И въ волнахъ грустныхъ выраженій,
Какъ въ морѣ тонетъ грусть моя.
...Слабѣе ядъ нѣмыхъ сомнѣній;
Ихъ лѣчитъ словъ моихъ струя!..

Апрѣль, 1901 г.

Въ темную ночь.

Какъ теперь, такъ пылко, нѣжно, страстно
Никогда любить я не желалъ!..
Сердце бьется сильно, но напрасно,
О любви я въ эту ночь мечталъ...
Гдѣ душа, въ которой бы, тоскуя,
Я нашелъ забвенье и покой?..
Глубоко ее любить хочу я,
Нѣжно такъ... съ печалью и тоской!..
О, приди ко мнѣ, мой другъ далекій,
Я прижму тебя къ груди моей!
Безъ любви я долго, одинокій,
Не пойму ни жизни, ни людей!
Я хочу, чтобъ въ мракѣ темной ночи
Ты ко мнѣ пришла любви полна...
Чтобъ слезой твоей блестѣли очи,
Чтобъ кругомъ была свѣжа весна!..

Май, 1901 г.

* * *

О, я знаю, знаю, другъ мой одинокій,
Что извѣдалъ въ жизни много горя ты;
Пусть теперь полетъ моей мечты глубокой
Дастъ опять тебѣ и вѣру и мечты!..

Въ этой жизни нашей краткой и случайной
Непонятно все устроено судьбой;
Жизнь и смерть для насъ равно покрыты тайной;
Ихъ познать, увы, не въ силахъ умъ людской!..

Іюнь, 1901 г.

Одна изъ многихъ.

Что ни день, то горе лютое
Все терзаетъ сердце бѣдное...
Что ни ночь, опять безсонница
Грусть и муки, и томленіе...
...Жаль мнѣ жизнь ея погибшую,
Жаль мнѣ счастіе разбитое,
Жалко мнѣ ея безчестіе,
Жаль любви ея загубленной!
Всѣмъ-то сердцемъ нѣжно-трепетно
Отдалась ему влюбленная;
Онъ же гадкій и безжалостный
Обманулъ и бросилъ бѣдную...
Долго плакала и мучилась,
Людскимъ рѣсказнямъ не вѣрила,
Сердце бѣдное, разбитое
Утѣшала все надеждою...
Отъ родныхъ своихъ оторвана,
Обезчещена, покинута,
Что ей дѣлать безъ любимаго
Беззащитной и измученной?...
Даромъ, что кручина лютая
И тоска терзала горькая...
Вышли денежки послѣднія
Уже ѣсть, одѣть ей нечего...
Что жъ мудренаго, скажите мнѣ,
Что развратъ и грѣхъ убійственный

Побѣдилъ ее, несчастную,
И толкнулъ въ пучину страшную!..
...Вотъ идетъ она по улицѣ;
На лицѣ румяна красныя,
...Часто пьяная, и голодная...
—Жаль мнѣ, жаль ее, родимую!

Ноябрь, 1900 г.

Въ больницѣ.

(Картинка).

(Странно и грустно, но къ сожалѣнію истина).

...Смерть приходила; безжизненнымъ взоромъ
Долго кого-то кругомъ онъ искалъ...
...Невыразимымъ, глубокимъ укоромъ
Вдругъ угасающій взглядъ заблисталъ;
Дрогнули щеки, какъ будто страданье
Вновь пробуждалось отъ тяжкаго сна...
...Было ль то съ жизнью земною прощанье?—
Нѣтъ!—У постели стояла она,
Мокрый платокъ свой къ лицу прижимая,
Горькія слезы глотала съ трудомъ...
...Вотъ она вздрогнула, глухо рыдая,
И посмотрѣла съ тревогой кругомъ...
«Докторъ! о, докторъ, молю васъ, спасите
«Бѣдную жизнь дорогую его!..
«Это отецъ мой родимый, поймите...
«Нѣтъ на землѣ у меня никого!..»
Докторъ взглянулъ на нее хладнокровно,
Вынулъ часы и сидѣлку позвалъ...
«Конченъ пріемъ!—пусть уйдетъ безусловно!..»
Быстро вошедшей сидѣлкѣ сказалъ...
«Жаль же, смотрите, отецъ умираетъ!»
Эта ему отвѣчала тогда...
«Конченъ пріемъ, вѣдь она это знаетъ! —

«—Нуженъ порядокъ во всемъ и всегда!..»
—...Ей объявили; она испугалась...
«Какъ удалиться?.. куда?.. почему?..
«Докторъ... за что же?... о, гдѣ у васъ жалость?..
«Докторъ, вѣдь я же родная ему!..»

. . . . . .

Тщетно она расточала моленья,
Руки, рыдая, ломала свои,
Докторъ не понялъ ея положенья;
Люди насильно ее увели...

Ноябрь, 1900 г.

* * *

Придешь ли ты, скажи, придешь ли ты ко мнѣ,
Когда отъ этихъ мукъ, страданій и печали
Я буду умирать... Вѣдь счастья мы не знали,
Какъ всѣ...какъ всѣ томясь въ какомъ то полуснѣ.
Страдая и любя мы все его искали...
И грустно такъ теперь, и жалко мнѣ его;
Я вѣрить не могу, какъ прежде силы полный, —
Ту вѣру милую умчали жизни волны...
Печаль, тоска кругомъ, и грустно, и темно...
Я слышу смерти зовъ... все кончилось, довольно!
Придешь ли ты ко мнѣ, молю тебя, скажи?
Пойми, я жилъ съ тобой, и я умру съ тобою,
Умру, томимъ теперь послѣднею тоскою
По ней, увы, давно разрушенной любви,
Въ разлукѣ съ жизнію печальною и злою...
Пусть милый образъ твой, который лишь одинъ
Мнѣ въ жизни приносилъ такъ много утѣшеній
И исцѣлялъ отъ мукъ, несносныхъ мукъ сомнѣній,
Больной души моей могучій властелинъ...
Пусть будетъ онъ со мной, мой добрый, милый геній...

Ноябрь, 1901 г.

Мамѣ моей.

Мнѣ душно, тяжело; въ моей груди усталой
Царитъ опять несносная тоска;
Я отдыха ищу, какъ путникъ запоздалый...
И нѣтъ надеждъ, и вѣра далека!

Зачѣмъ теперь тебя со мною нѣтъ, родная?..
Тебя одну безумно я хочу...
Я жду, зову тебя и, сердцемъ изнывая,
Больной мечтой своей къ тебѣ лечу!..

Скажи! Въ какихъ краяхъ невѣдомыхъ, далекихъ
Живетъ душа усталая твоя?
Во имя мукъ моихъ, во имя чувствъ глубокихъ,
Прійди, скажи, молю, молю тебя!

Помню я время далекое, милое,
Дѣтства родимаго сны мимолетные,
Помню лицо твое блѣдное, хилое,
Помню мечтанья свои беззаботныя!

О! отчего ты погибла безъ времени,
Злою болѣзнью и горемъ томимая?..
Силъ не хватило для тяжкаго бремени?
Жаль мнѣ тебя, беззавѣтно любимая!..

Смерть безпощадная, смерть непонятная,
Злое чудовище, насъ стерегущее...
Намъ тяжела твоя пѣсня невнятная,
Ты покорила себѣ все живущее...

Горе, страданіе, слезы обильныя
Не побѣдятъ твою жадность безумную...
Что предъ тобою и разумомъ сильные?
Что предъ тобой эти люди разумные?..

Всѣмъ ты откроешь убѣжище вѣрное,
Всѣмъ ты споешь свою пѣснь погребальную,
Всѣмъ принесешь ты страданье безмѣрное,
Всѣмъ пропоешь ты молитву прощальную!..

Февраль, 1901 г.

* * *

О, мой братъ дорогой! что ты сдѣлалъ съ собой!..
Какъ ты всю свою жизнь исказилъ!..
Ты вѣдь гибнешь безсильный, сраженный борьбой
Въ лучшемъ цвѣтѣ и жизни, и силъ!..
Оглянись!.. посмотри, какъ давно до тебя
Люди жили надеждой полны...
Не страшна имъ была ни тоска, ни борьба,
На яву они видѣли сны!..
Милый братъ! посмотри!.. изъ туманной дали
Къ намъ тяжелыя тучи ползутъ...
Для безпечной земли, для усталой земли
Онѣ горе и слезы несутъ!..
Такъ нужны для борьбы намъ и бодрость, и пылъ,
Чтобъ спасать дорогую страну;
А въ сердцахъ нѣтъ огня, но вѣдь былъ же, онъ былъ...
—Мы довѣрились тяжкому сну!..
Мы забыли во снѣ и былой идеалъ,
И былую свободу мечты,
Мы забыли за брата, какъ братъ умиралъ;
На могилахъ гніютъ ихъ кресты!..
...О, мой братъ дорогой!... я съ глубокой тоской
Говорю... не могу я молчать!
Передъ близкой грозой, передъ страшной грозой
Надо силы духовной набрать!..
Научиться терпѣть, безъ тревоги смотрѣть,
Не моргая въ опасную даль;
Чтобъ за честь, за свободу мечты умереть,
И намъ жертвъ будетъ лучшихъ не жаль,

Потому что за счастье страны дорогой
За Россію погибнутъ они...
...Посмотри, какъ плывутъ эти тучи толпой
И крестомъ свою грудь осѣни!..

Май, 1901 г.

Письмо.

Неужели меня вы понять не могли?.
Неужели мой голосъ тоски и любви
Въ вашу чистую душу проникнуть не смѣлъ?..
—Никогда, никогда онъ грѣха не имѣлъ!..
О, простите! мнѣ больно объ этомъ писать;
Вѣдь ничтожныя строки не могутъ сказать,
Что глубоко изъ сердца писались онѣ;—
То не бредъ непонятный больного во снѣ!..

. . . . . .

И сегодня, когда ночь своей тишиной
Мнѣ наполнила душу глубокой тоской,
Я вашъ голосъ хочу надъ собой услыхать
И вашъ образъ любимый опять увидать!..
Но напрасны и дики желанья мои!..
—Это только мечты непонятной любви!..
Только мрачныя, темныя стѣны кругомъ
И все дышетъ покоемъ во мракѣ ночномъ...

. . . . . .

Уже поздно; всѣ спятъ; не могу я заснуть!..
...Если-бъ воздуха въ легкія больше вдохнуть...
Если-бъ могъ я кричать, чтобъ вы слышать могли
И понять эти муки безсильной любви!..

Мартъ, 1900 г.

Волны.

Мы удалялись отъ берега шумнаго;
Волны уныло хлестали кругомъ;
Приступы тяжкіе горя безумнаго
Вновь овладѣли душой и умомъ!..
...Люди всесильные!.. люди жестокіе,
Что вы хотите отъ жизни своей!..
Гдѣ ваши чувства, святыя, глубокія?..
...Искра блеститъ все слабѣй и слабѣй!..
Искра Создателя, Бога Великаго!
Впрочемъ зачѣмъ говорить вамъ о Немъ?..
„Что за мечта непонятная, дикая?
„Сномъ наслажденья мы лучше уснемъ!..“
Вы отвѣчаете; молча я слушаю...
Что... что могу я на это сказать?..
Сердце отсутствуетъ... умъ и бездушіе
...Нѣтъ, вы меня не поймете опять!
Вы не поймете, что жизнь ваша краткая
Не для земли, не для счастья дана;
Эта мечта хоть отрадна, но шаткая,—
Въ пропасть порока зоветъ васъ она!..
Такъ говорю я, но сильно теченіе,
Слабому трудно бороться пловцу;
Въ сердцѣ невольно родится сомнѣніе:
Нужно ли вѣрить, молиться Творцу?..
Кратко сомнѣнье... что мысли напрасныя?!.
Будемъ нестись, куда волны несутъ!..
...Плыть такъ пріятно, но въ пропасть ужасную
Насъ эти волны коварно влекутъ!..

. . . . . .

...Быстро насъ несетъ волненіе,
Все стремительнѣй теченіе;
Волны яростно шумятъ...
Ужасъ, горе намъ сулятъ.

Слышу я людей стенаніе,
Вижу членовъ трепетаніе;
Пропасть страшная близка,—
...Вѣра въ Бога далека!...

Сентябрь, 1901 г.

Въ поѣздѣ.

Вечеръ тихій, вечеръ ясный
Душу нѣжитъ и томитъ;
Грустью тайной, грустью страстной
Сердце бьется и горитъ...
Въ потемнѣвшемъ небосклонѣ
Звѣзды рѣдкія видны;
Тучки спятъ въ небесномъ лонѣ,
И прозрачны, и нѣжны...
Но во мнѣ сильна тревога;
Мнѣ какъ будто жалко дня:—
—Въ мысляхъ думъ печальныхъ много;
—Думы мучаютъ меня...
Ночь все ближе... Поѣздъ мчится,
Грусть растетъ въ груди моей...
Не придетъ и не приснится
Счастье дней, далекихъ дней!..

Май, 1901 г.

Море жизни.

Не говорите мнѣ... вся жизнь печаль и горе...
...Недавно, вѣрьте мнѣ, мечталъ я также самъ!..
Теперь я говорю, что наша жизнь, какъ море...
...Ввѣряемъ мы себя играющимъ волнамъ...

Ввѣряемъ, но дрожимъ; но плачемъ и боимся,
Когда онѣ порой кругомъ шалить начнутъ,
И безотчетно въ даль незримую стремимся
Къ далекимъ берегамъ, куда онѣ влекутъ...
Какъ буря злобная примчится горе злое:
Печаль и мракъ кругомъ... и страшно и темно
..Несется быстрый валъ въ свирѣпомъ грозномъ воѣ.
И нѣтъ грядущаго и прошлое блѣдно!..
Заплачетъ человѣкъ, разумный, но безсильный...
Передъ судьбой своей онъ жалокъ, онъ ничто...
И молитъ отдыха скорѣй подъ кровъ могильный
И долго, долго слезъ его не зритъ никто...
...Зато, когда съ небесъ на море солнце свѣтитъ
И нѣжно шепчется спокойная волна,
Отрадный лучъ въ сердцахъ людскихъ боязнь не встрѣтитъ...
—Душа надеждою и счастіемъ полна!..

Мартъ, 1901 г.

Снова въ мысляхъ о ней.

Ночью безсонною, ночью безумною,
Въ ночь, когда буря шумитъ безпощадная,
Мысль моя бѣдная, мысль безотрадная
Снова становится дикою, шумною...
Вижу тебя, дорогая, прекрасная,
Геній мой, ангелъ, свободный, таинственный,
Чистый, любимый и въ мірѣ единственный,
Нѣжно любящею, кроткою, ясною!..
...Ты опускаешься... Нѣжной улыбкою
Сердце ласкаешь больное, уставшее,
Ночью и днемъ отъ любви трепетавшее...
„..Жалкое чувство... нетвердое, зыбкое...

Январь, 1898 г.

* * *

Вы идете — всѣ движенья
Дивной граціи полны...
Какъ Венера, какъ Діана
Вы прекрасны и стройны...

Вы играете и звуки
Душу нѣжатъ и томятъ,
И несутся, и трепещутъ,
И куда-то вдаль манятъ.

. . . . . .

Ахъ! съ какой-то грустью тайной
Долго я на васъ смотрю;
Очарованнаго взгляда
Оторвать я не могу!..

Говорите вы; вашъ голосъ
Долго слышу я любя;
Онъ звучитъ въ ушахъ, лаская,
Какъ прибрежная волна!..

Декабрь, 1897 г.

Сонетъ.

День ли царитъ кругомъ, ночь ли безгласная;
Грусть ли въ душѣ моей, злоба-ль опасная,
Радость ли кроткая, — чистая, ясная
Дума все та же, какъ солнце прекрасная,
Другъ!.. о тебѣ!..
Снова вернись ко мнѣ, счастье далекое,
Милое счастье, святое, глубокое,
Грусть дорогая, блаженство высокое,
—Счастье, какъ небо безбрежно, широкое,
Внемли мольбѣ!...

Быстро проносится юность желанная!
...Жизнь непонятная, дикая, странная,
Жизнь, какъ осеннее небо туманная...
—Мчитъ и зоветъ меня вѣчность пространная
Къ вѣчной борьбѣ!..

Мартъ, 1901 г

Бѣднякъ.

Зачѣмъ вы смѣетесь, о, люди, порою
Надъ долей несчастною братьевъ своихъ?..
Васъ вѣрно смѣшатъ эти слезы съ мольбою?..
...Вѣдь вы не поймете борьбу ихъ съ собою,
Грѣхи, нищету и страданіе ихъ!..
Вы сыты... Весь ужасъ, все горе напасти
Еще не послала судьба вамъ въ удѣлъ...
Вы спите въ грѣхахъ, въ опьяненіи страсти;
Вамъ трудно понять эту бездну несчастій,
Сражаясь съ которой бѣднякъ посѣдѣлъ!..
Вотъ нищій въ лохмотьяхъ стоитъ у порога;
Онъ проситъ, онъ молитъ копѣйку одну...
И мерзнетъ часами у двери чертога...
«...О, дайте во имя Создателя Бога!..
«...Чѣмъ буду кормить я дѣтей и жену?..»
Но мимо довольныя сытыя лица
Мелькаютъ и взадъ и впередъ передъ нимъ..
И тщетно на холодѣ мерзнетъ десница:
«Здоровый такой и просить не стыдится!...»
Бормочетъ прохожій одинъ за другимъ...
Но горькой обидой, стыдомъ и тоскою
Въ ушахъ бѣдняка это слово звучитъ...
Онъ слезы обиды одну за другою
Стираетъ печально холодной рукою
И съ грустной улыбкой толпѣ говоритъ:

«Жестокіе люди!.. вы сыты, довольны!—
«Слова осужденья легко говорить...
«Течетъ ваша жизнь такъ легко и привольно,
«Что зависть крадется мнѣ въ сердце невольно;—
«— Я радъ бы у васъ никогда не просить!..

«Но требуетъ пищи желудокъ голодный
«И дѣти въ лачугѣ убогой ревутъ...
«О! будь я здоровъ, вѣдь я былъ бы свободный!—
«Здоровье унесъ этотъ вѣтеръ холодный
«И долженъ просить на морозѣ я тутъ!..

«Мнѣ грустно на сердцѣ и тѣло больное
«Съ трудомъ я влачу на разбитыхъ ногахъ...
«Такъ знайте же... знайте!.. съ стыдомъ и тоскою
«Съ протянутой къ вамъ обращаюсь рукою...
«Да! люди, вы только добры на словахъ!..

«Вѣдь вы не знакомы съ нуждою холодной,
«Мертвящей, несносной, глубокой нуждой...
«Вѣдь сытымъ не можетъ быть понятъ голодный;
«Меня осуждая легко и свободно,
«Вы язвы дарите жестокой рукой!..»

. . . . . .

Такъ дайте же, люди, безъ словъ укоризны,
Несчастному скромную лепту свою...
Вѣдь много ихъ, бѣдныхъ, въ богатой отчизнѣ,
Глубоко ихъ горе, несчастіе въ жизни...
Вы вспомните слово святое «люблю!»—

Которое часто твердите напрасно,
Безъ сердца, безъ чувства порою въ груди...
Бѣднякъ же страдаетъ, томится ужасно;
Онъ молитъ участье весь день ежечасно
..О, люди!—вѣдь онъ же достоинъ любви!...

Октябрь, 1900 г.

Послѣ счастье.

...Землю окутала ночь непроглядная
—Тихо кругомъ и темно...
Знаю, тяжка твоя жизнь безотрадная;
Спи — же спокойно, моя ненаглядная;
—Все ужъ заснуло давно!..

Если ты кротко несешь всѣ страданія,
Если ты любишь людей,
Вѣрь мнѣ! твои воплотятся желанія,
И за тоску твою, и за страданія
Въ царствѣ заплатятъ тѣней!

Что значитъ жизнь твоя, краткая, бренная,
Слезы о горѣ земномъ...
Съ жизнью, гдѣ царствуетъ вѣчность нетлѣнная,
...Намъ непонятная жизнь, вдохновенная...
—Миръ и побѣда надъ зломъ!..

Ты потерпи это горе, родимая,
Счастіе всѣмъ не дано!..
Вспомни прошедшее нѣжно любимое,
Милое прошлое, горемъ палимое
—Дорого сердцу оно!

Вѣра великая, вѣра свободная
Дастъ тебѣ силы терпѣть
И утолитъ твое сердце голодное
Счастье внезапное, счастье безродное...
...Нужно любя умереть!..

Октябрь, 1900 г.

* *
*

Жаль мнѣ, о, жаль мнѣ тебя, моя бѣдная, бѣдная мама...
Жаль мнѣ, что ты умерла, что ушла, непростившись со мною,
Жаль мнѣ, что злая судьба насъ съ тобой разлучила на вѣки!..
Гдѣ, моя милая, ты?.. въ небесахъ?.. о, скажи мнѣ!.. далеко?..
Видишь оттуда меня?.. знаешь-ли ты, какъ страстно желалъ-бы
Къ сердцу прижать, обнимать мою бѣдную, добрую маму!..
Счастлива ты хоть теперь?.. На землѣ ты не вѣдала счастья!..
Жизнь для тебя всегда была узкой и трудной дорогой!..
Много ты слезъ пролила, и такъ много, такъ нѣжно любила
Насъ, своихъ бѣдныхъ дѣтей... но ты въ жизни не знала покоя...
Еслибъ могла ты придти на печальную, грѣшную землю,
Гдѣ бѣдный твой сынъ такъ часто груститъ, о тебѣ вспоминая!..
Гдѣ ты?.. о, гдѣ ты?.. отвѣть!.. ты не тамъ-ли высоко на небѣ,
Гдѣ свѣтлыя звѣзды горятъ, и глядя на землю мигаютъ,
Точно имъ больно смотрѣть на грѣхи, на страданья людскія!..
Мама! не ты-ли скажи, мнѣ звѣздою далекой мигаешь?..
Видишь, какъ мнѣ тяжело, и на небо зовешь поскорѣе...
Мама! я скоро приду!.. я пришелъ-бы теперь, но не знаю
Страшной дороги къ тебѣ;... путь никто указать мнѣ не можетъ!..
Тщетно я на небо рвусь... но къ тебѣ улетѣть не могу я!..
Тщетно на небо я рвусь... и меня называютъ безумнымъ!..

. . . . . .

Легъ я въ постель, и не въ силахъ забыться:
Думы печальныя сердце томятъ,
Носятся, мучатъ, мѣшаютъ молиться;
—Точно до смерти замучить хотятъ!..
...Вижу я маму; съ слезами во взорѣ
Тихо подходитъ... я слышу во снѣ:..
«Пеля!.. не будетъ ни грусти, ни горя,
«...Пеля!.. скорѣе на небо ко мнѣ!..»
Что это?.. сонъ или призракъ?.. видѣнье?..
Мама! о, гдѣ ты?.. откуда пришла?..
„...Бѣдному сыну въ тоскѣ утѣшенье,
Счастье и радость съ собой принесла!..“

Іюль, 1899 г.

Думы на кладбищѣ.

I.

...Непрочная слава, отрада, несчастье,
Влюбленнаго сердца горячій порывъ,
И тучи печали, и слезы ненастья,
Туманныя грезы далекаго счастья
Въ могилахъ зарыты... на вѣки остывъ!..
Однѣ только плиты, кресты, изваянья
Угрюмо, печально тѣснятся кругомъ,
Но гдѣ вы, умершія чувства, мечтанья?..
Идеи, восторги, труды и желанья?..
—И вы тоже спите таинственнымъ сномъ?..
А мраморъ тяжелый ужели не давитъ?..
Не тѣсно?.. не страшно въ могилѣ сырой?..
А время?.. оно вашихъ мукъ не убавитъ!..
...Со временемъ больше крестовъ здѣсь наставятъ,
Нѣмыхъ изваяній юдоли земной!..

II.

...Тамъ, гдѣ-то въ небесахъ далекихъ непонятно,
Давно душа умершая живетъ...
Одна — любви полна и вѣры благодатной,
Другую злоба лютая гнететъ!..
Гдѣ ты живешь?.. гдѣ ты?.. скажи, душа больная!..
Гдѣ небеса далекія твои?..
Людей, живыхъ людей на вѣки покидая,
Ты о земной жалѣла ли любви?..
Что?.. лучше тамъ тебѣ?.. ты вѣришь?.. видишь Бога?..
Постигла ты весь смыслъ житейскихъ бурь?..
А чувства есть ли тамъ?.. вѣдь здѣсь у насъ немного...
Твоихъ небесъ чиста всегда лазурь?..
Скажи, отвѣть, душа, душѣ моей скорѣе,
Чтобъ могъ я знать, зачѣмъ я долженъ жить;
Пусть будетъ грусть тогда въ моей груди сильнѣе,
Но можетъ быть я буду смерть любить!..

III.

Вотъ надъ свѣжею могилой
Крестъ изъ дерева стоитъ;
Онъ, своею гордый силой,
Въ гробѣ тѣло сторожитъ...

* * *

Жутко мнѣ!.. въ умѣ невольно
Зарождается вопросъ:
Было въ жизни грустно, больно?..
—Ты для смерти этой росъ?..

* * *

Человѣкъ дрожитъ, боится,
Если смерть идетъ за нимъ...
Много лѣтъ еще промчится,
Сожалѣніемъ томимъ,

* * *

Будетъ плакать онъ, какъ прежде,
Надъ могилой дорогой;
Утѣшать себя надеждой,
Убѣленный сѣдиной!..

* * *

...Надъ забытою могилой
Крестъ разрушенный стоитъ;
Онъ, какъ прежде, гордый силой,
Въ гробѣ землю сторожитъ!..

Май, 1901 г.

Сновидѣніе.

Мнѣ снился сонъ, я видѣлъ васъ
Такою кроткой и прекрасной,
И вы смотрѣли на меня
Съ улыбкой нѣжною и ясной;
Качая грустно головой,

Меня какъ будто упрекали,
За что?.. не зналъ, но онъ былъ милъ,
Вашъ взоръ, исполненный печали...
Напрасно я рукой своей
До вашихъ рукъ хотѣлъ коснуться
И ваше имя произнесть;
Я былъ не въ силахъ шевельнуться...
Но мигъ прошелъ... проснулся я,
Исчезло чудное видѣнье!..
Приди, вернись!.. я буду ждать!..
Я буду счастливъ хоть мгновенье!..

. . . . . .

Я жду, грущу, но чудный сонъ
Не возвращается понынѣ...
...Я не увижу никогда
Моей любви, моей святыни!..
Вы, какъ чудесный метеоръ,
Мнѣ поле жизни освѣтили,
Какъ геній свѣта и добра
Вы счастье въ душу мнѣ вселили!
И если я грущу теперь,
То потому, что вы далеко;
Мнѣ больше не увидѣть васъ!—
—Я это чувствую глубоко!..
...Когда за мною смерть придетъ,
Чтобъ унести меня съ собою,
Я буду Господа просить
Безумной, страстною мольбою,
Чтобъ онъ мнѣ чудный сонъ вернулъ,
Чтобъ я своимъ послѣднимъ взоромъ
Опять на мигъ увидѣлъ васъ,
Съ улыбкой грустною, съ укоромъ!..

Февраль, 1899 г.

Экспромтъ товарищу.

Проходятъ мѣсяцы и годы
И быстро, быстро мчатся дни
—Минуты счастія, невзгоды
Уносятъ за собой они!..
Все позабудется земное:
Надежды, горести, любовь;
Все, все уноситъ время злое,
На мигъ одинъ волнуя кровь!..
Плѣняютъ, нѣжатъ и тревожатъ
Недолго юности мечты;
Любить не долго сердце можетъ
И дѣву нѣжной красоты!..
Все въ вѣчность темную умчится,
Ничтожный слѣдъ оставя намъ;
Все передъ вѣчностью смирится,
И съ нею ты смиришься самъ!..

Февраль, 1901 г.

Зима.

Зима... Зима... Поля и горы
Покрыты снѣжной пеленой,
Людскіе утомляютъ взоры
Однообразной бѣлизной...
Картина смерти величавой!..
Мнѣ хорошо знакома ты!..
—Опасны бурныя забавы
Твоей холодной красоты!..
...Несутся хлопья, вѣтеръ воетъ,

Бушуетъ вьюга средь полей,
То обнажитъ, то вновь покроетъ
Волною снѣжною своей:
Овраги, лѣсъ, ручьи, канавы,
Ровняя снѣгомъ все кругомъ,
—Зимы безумныя забавы
Увы!.. не кончатся добромъ...
Спѣши же, путникъ, поскорѣе,
Къ огню, домой, къ семьѣ своей;
Ужъ вѣтеръ воетъ все сильнѣе
И хлопья крутятся быстрѣй!..
Покрыто небо снѣжной мглою,
Вдали не видно ничего,
Вздымаетъ вѣтеръ снѣгъ волною,
Со страшной силой мчитъ его...
Ахъ, бойся, путникъ запоздалый,
Смотри внимательнѣй кругомъ!..
Спѣши, ускорь свой шагъ усталый,
—Не забывайся сладкимъ сномъ!..
Гони опасную истому,
Впередъ, впередъ... не отдыхай!..
Не поддавайся духу злому,
Надеждой сердце не плѣняй!..
Ты хочешь жить... ты хочешь видѣть
Родныхъ, друзей вокругъ себя,
Любить, страдать и ненавидѣть...
—Спѣши, спѣши, иль сонъ тебя
Скуетъ холодною рукою,
Простишься ты съ людьми, съ землею
И съ жизнью бѣдною твоей,
А люди раннею весною
Найдутъ твой трупъ среди полей!..

Январь, 1901 г.

Когда грустно!

Вѣтеръ поетъ свою пѣсню далекую;
Мучится сердце опять;
—Нѣтъ мнѣ не выплакать горя глубокаго;
...Надо терпѣть и страдать!..
Можно терпѣть, если видишь спасеніе,
Миръ дорогой впереди...
—Нѣтъ его, нѣтъ... только горе, сомнѣніе...
—Сердце томится въ груди!..
Какъ же могу я съ улыбкой счастливою
Пѣсню веселую пѣть?..
Такъ глубоко это горе тоскливое!..
...Еслибъ я могъ умереть,
Чтобы не слышать, какъ сердце безумное
Рвется и проситъ любить...
Радость и счастье... веселое, шумное...
Точно помогутъ мнѣ жить,
Если кругомъ тѣ же слезы страданія,
Таже печаль и тоска
Этихъ людей,—вѣдь въ нихъ нѣтъ упованія,—
Крестить безъ вѣры рука!..
...Что эти муки и слезы томленія,
Если я сытъ и одѣтъ?..
Грусть непонятна, напрасны сомнѣнія;
—Мнѣ засмѣются въ отвѣтъ!..
Вѣрю, есть глубже, сильнѣе страданіе:
Голодъ, обида, нужда,
—Жизни веселой въ слезахъ ожиданіе
—Долгая злая бѣда!..
...Вѣрю!.. о, вѣрю — есть люди несчастнѣе!
—Горе блѣднѣетъ мое...
Жизнь ихъ — темница, какъ пытка ужасная;
...Терпятъ же люди ее!..

Рядомъ съ счастливымъ и сытымъ созданіемъ,
Въ корчахъ отъ голода мрутъ!..
—Что передъ ними мой плачъ и страданія?..
—Люди и тѣхъ не поймутъ!..
...Надо глотать эти слезы тоскливыя!
Надо учиться терпѣть!..
...Только не въ силахъ я пѣсни счастливыя
Въ горѣ съ улыбкою пѣть!..

Ноябрь, 1900 г.

Въ безсонную ночь.

Ахъ! зачѣмъ такъ шумитъ этотъ вѣтеръ назойливый,
И все снѣгомъ холоднымъ въ окно мнѣ стучитъ?..
Онъ лишь будитъ въ душѣ моей чувства уснувшія,
Онъ лишь бѣдное сердце напрасно томитъ...

Замолчи!.. перестань! о, не мучь меня бѣднаго,
Дай заснуть, чтобъ забыть всю тоску поскорѣй!..
Хоть на часъ прекрати свою оргію шумную,
Дай забыться душѣ утомленной моей!..

Все погибло теперь!.. Я забытый, покинутый...
О любви я напрасно такъ долго мечталъ
И лелѣялъ въ умѣ своемъ думы завѣтныя;
—Я не въ силахъ бороться... Я слабъ, я усталъ!..

Чу!.. опять зашумѣлъ этотъ вѣтеръ назойливый,
И насмѣшливо дерзкую пѣсню запѣлъ,
Разжигая въ груди моей чувства завѣтныя...
Какъ хотѣлъ я любить... но любить я не смѣлъ!..

Декабрь, 1897 г.

Всадникъ.

Осенью позднею всадникъ съ добычею
Мчится на рѣзвомъ конѣ;
Бродятъ, почуявши волюшку вольную,
Мысли въ его головѣ...
А на лицѣ видны грусть и страданіе,
Скорби, тоски глубина...
Лошадь измучена скачкою бѣшеной,
Въ мылѣ и въ пѣнѣ она...
...Знать, не жалѣетъ коня онъ уставшаго,
Дергаетъ, шпоритъ и бьетъ,
—Лѣвой рукой прижимая красавицу...
...Конь все несетъ и несетъ...

ОНЪ.

«О, потерпи! успокойся!.. не долго ужъ,
«Скоро прискачемъ домой!
«Насъ не догонятъ съ тобой, моя милая,
«—Нынѣ на вѣки я твой!..»

ОНА.

«Боже! мнѣ страшно! тоска непонятная
«Мучитъ и гложетъ меня...
«Топотъ... ты слышишь?.. они еще гонятся!..
«О, не жалѣй же коня!..»

ОНЪ.

«—Если догонятъ и лошадь не выдержитъ
«—Есть револьверъ у меня!..
«Пусть-ка пойдутъ, да со мной потягаются!..
«Я не отдамъ имъ тебя!..
«Ты не смотри, что теперь я измучился
«Страстью, любовью твоей...

«О! я умчу тебя въ даль эту темную;
«—Вѣчно ты будешь моей!..»
Конь напрягаетъ ужъ силы послѣднія,
Капаетъ кровь изъ удилъ;
Всадникъ не видитъ его утомленія...
Бьетъ по бедрамъ, что есть силъ...
Чаще измученный конь спотыкается,
Бѣгъ все слабѣй и слабѣй...
Всадникъ добычу свою драгоцѣнную
Держитъ рукою сильнѣй...

ОНЪ.

«—Я не отдамъ имъ тебя, моя милая,
«Счастье мое и любовь...
«О! я куплю тебѣ жизнью спасеніе...
«—Пусть они льютъ мою кровь...
«...Только возьму съ нихъ я клятву священную,
«Пальцемъ не тронуть тебя!.,
«—Вѣрятъ же въ Бога они, окаянные...
«Жизнь дорогая моя!..
«Если они не дадутъ обѣщанія,
«Лучше съ тобой я умру...
«Нѣтъ!.. нѣтъ, тебя, мое счастье желанное,
«Я не отдамъ никому!..
«Буду тебя, твою жизнь драгоцѣнную
«Жизнью своей защищать!..
«Только... потомъ... я убью тебя, милая;
«Имъ ты не дашься опять!..»
Падаетъ конь; сзади ближе наѣздники,
Нѣжно беретъ онъ ее,
Снова ей шепчетъ слова утѣшенія:
«Радость ты, счастье мое!..
«Кончено все!.. наша лошадь измучилась!..
«Слышишь?.. погоня близка!..
«О! не вини же меня, моя милая,
«Если не дрогнетъ рука,
«Чтобы пустить только пулю послѣднюю
«Въ милое сердце твое...

...Я не хочу, чтобы имъ доставалась ты,
Счастье родное мое!..»

ОНА.

«...Милый!.. убей меня!.. вонъ они ближе все...
«Только тебя я люблю!..
Можетъ спасетъ она, смерть моя лютая,
«Жизнь дорогую твою!..

. . . . . .

ПОГОНЯ.

«Вотъ здѣсь... скорѣе... скорѣе, товарищи!..
«—Лошадь загнали они!..»
Съ лошадью ихъ отыскали наѣздники
Мертвыми въ лужѣ крови!..

Октябрь, 1900 г.

Подражаніе Мольеру.

(Изъ трагедіи „Psyché“).

О, юность, юность, сохрани
Томленье нѣжное любви,
Чтобъ на закатѣ дней своихъ,
Я слезъ ласкающихъ твоихъ
Пролилъ, какъ прежде, вѣры полный,
Всепобѣждающія волны!..
И вдохновеніе мое,
И грезы милыя, и все,
Что долго счастье мнѣ дарило,
И увлекало, и томило,
Давая слезы и печаль...
Чего теперь такъ часто жаль...
Любви желанья и стремленья,
И сердца долгія волненья...

О, юность милая, верни,
И мнѣ для жизни сохрани!..
Любовь имѣетъ много силы,
Такъ дай ее мнѣ до могилы,
Чтобы тоскуя и любя,
Для жизни милой, для тебя
Принесъ я въ жертву всѣ желанья
И счастье лучшее... Мечтанья
Моей тоски, моей любви,
О, юность, юность, сохрани!..

Декабрь, 1900 г.

* * *

Какъ прежде любить я васъ снова хочу,
Съ тоскою, надеждой и мукой.,.
Я къ вамъ всей душою, всей мыслью лечу;
—Мила мнѣ печаль предъ разлукой,
Милы мнѣ наивныя рѣчи опять;
Я счастливъ теперь, какъ и прежде,
И нѣжно любить, и мечтать, и страдать,
И сердце лелѣять надеждой!..
...Мой милый ребенокъ, мой другъ дорогой,
—Вы много мнѣ счастья вернули;
Я людямъ повѣрилъ умомъ и душой,
А люди меня обманули...
Со злобой и грустью на міръ я смотрѣлъ...
...Разбиты мечты и желанья;
И, мучась безумно, я васъ лишь хотѣлъ,
Чтобъ вы облегчили страданья...
И вы, улыбнувшись, вернули мнѣ все:
Надежду, и силы, и грезы;
Я вспомнилъ забытое счастье свое
И первыя милыя слезы!..
И сталъ я, какъ прежде, смотрѣть на людей;
Я время жалѣлъ дорогое...

—Вы дали душѣ одинокой моей
И вѣру... и счастье святое!
Я снова надѣюсь, и жду, и люблю,
И сердце такъ трепетно бьется!..
Съ любовью я пѣсню слагаю свою,
О тѣхъ, кому грустно живется!..

Декабрь, 1900 г.

Филантропамъ.

Сыро и мрачно; по мокрой панели
Пьяный безъ шапки, качаясь, бродилъ...
Жалко, какъ вѣтви отрубленной ели,
Рваные клочья одежды висѣли;
Вѣтеръ холодный ихъ рвалъ и крутилъ...
Громко несвязные звуки порою
Съ хрипомъ летѣли изъ пьяной груди...
Съ бранью грозилъ онъ кому-то рукою
И, потрясая бутылкой пустою,
Силился крикнуть кому-то—«Пусти»...
То, вдругъ, онъ съ плачемъ какимъ-то безумнымъ
Въ грудь себя яростно билъ кулакомъ...
Хрипло кричалъ такъ, и дико, и шумно!..
...Гдѣ... гдѣ въ немъ сходство съ созданьемъ разумнымъ
Божьихъ твореній премудрымъ вѣнцомъ?..

. . . . . .

Люди! смотрите! вѣдь много ихъ, много!..
Скорая помощь давно имъ нужна!..
Пьяный ни жизни не знаетъ, ни Бога,—
—Жизнь ихъ—трактиръ, преступленій берлога,
Счастіе ихъ—это водка одна!..
...Въ душныхъ коморкахъ, а то и безъ крова,
Жены ихъ, дѣти голодныя мрутъ...
Дѣти!.. Они, кромѣ браннаго слова,

Или ничка, обращенья другого,
Ни отъ судьбы, ни отъ жизни не ждутъ!..
Бродятъ забытыя съ грустной мольбою;
Дать имъ на хлѣбецъ... копѣйку одну;
Ходятъ и порознь, и цѣлой толпою,
Бродятъ и думаютъ сами съ собою:
...«Что буду ѣсть?.. гдѣ сегодня засну?..»
Грѣхъ, озлобленье, развратъ съ колыбели,
Вотъ воспитанье... наука одна...
Только бы хлѣба краюшку имѣли,
Или ночлегъ на холодной панели
Имъ на сегодня послала судьба...
Школа разврата, грѣха, преступленья,
Рано печать на ихъ души кладетъ;—
Борются съ жизнью они въ озлобленьи
И безконечное нужно терпѣнье,
Чтобы нести этотъ тягостный гнетъ!..
Вотъ мы рыдаемъ на мягкой постели,
Съ сытымъ желудкомъ и трезвымъ умомъ:
«Эти невзгоды намъ такъ надоѣли,
«Ищемъ мы жизни таинственной цѣли,
«Мучитъ, пугаетъ, что будетъ потомъ!?..»
О, эгоисты! тутъ рядомъ, смотрите,
Множество гибнетъ невинныхъ людей;
Съ плачемъ, съ мольбою зовутъ васъ: «придите!..
«Люди, о, добрые люди, спасите!..
«Насъ... нашихъ бѣдныхъ голодныхъ дѣтей!..»
Люди! не деньгами только одними
Можно и нужно имъ скоро помочь—
—Сжальтесь глубоко, разумно надъ ними,
Думайте мыслями всѣми своими!..
—Люди... поймите... вѣдь жить имъ не въ мочь!..

Ноябрь, 1900 г.

* *
*

Не за себя я молю, одинокаго,
Въ жаркой молитвѣ Творцу Всемогущему...
...Чтобы Ты далъ, Боже, вѣру глубокую
Тяжкое горе напрасно несущему!..
Если томитъ его грусть безпощадная,
Дай ему, Господи, дай упованіе;
Имъ лишь мила ему жизнь безотрадная;
—Вѣра въ Тебя облегчаетъ страданіе!..
Если пугаютъ мечтанья безумныя,
Прошлое давитъ безцѣльно прожитое,
—Дай ему, Господи, вѣру разумную...
—Пусть купитъ счастье слезою пролитою!..
Передъ иконой Твоею сіяніемъ
Смысла полна его жизнь одинокая;
Что побѣждаетъ молитва страданіе
—Пусть убѣдитъ его вѣра глубокая!..
Дай ему, Господи, силу духовную
Вѣрить и ждать отъ Тебя утѣшенія,
Если томятъ его душу грѣховную
Ядъ и страданья нѣмого сомнѣнія!..

Декабрь, 1900 г.

Эгоизму людскому.

Жалобно вѣтеръ рыдаетъ бушующій;
Ищетъ покоя измученный умъ...
Грустно, печально... тамъ, въ сердцѣ тоскующемъ,
Цѣлая буря сомнѣній и думъ!—
Нѣтъ!.. нѣтъ! и я не найду упованія;
Люди давно ужъ не вѣрятъ кругомъ,

...Жизнь ихъ, какъ будто полна ликованія,
Смертію дышетъ, неправдой и зломъ!..
Люди! смотрите!.. вѣдь грѣхъ побѣждающій
Властно и мощно надъ вами царитъ:
Жалокъ весь родъ вашъ больной и страдающій...
— Чтоже такъ долго, такъ крѣпко онъ спитъ?—
Спитъ, потушивъ въ себѣ искру священную,
Право на пламя безсмертной любви;
Жизнь свою бѣдную, жизнь драгоцѣнную
Всю посвятивъ наслажденьямъ крови!
Нѣтъ у насъ воли, нѣтъ сердца, терпѣнія,
Нѣтъ состраданья къ несчастьямъ другихъ;
Вотъ отчего и тоска, и сомнѣніе,—
Чувства и совѣсти голосъ затихъ...
Рѣдко кто счастливъ и руку счастливую
Бѣдному брату въ несчастьи даетъ.—
Кто утолитъ его горе тоскливое?..
Кто облегченье ему принесетъ?..
Мы только личное наше мученіе
Любимъ лелѣять, умѣемъ понять;
Что намъ чужія печали, томленія?—
— Счастье себѣ черезъ нихъ не сыскать!..

Январь, 1901 г.

Романсъ.

Прости меня за нѣжное признанье,
Но я любилъ, какъ не полюбишь ты;
Ты не поймешь моей души страданье...
— Передъ тоской—безсиліе мечты!..
Ничтоженъ умъ, ничтожна жизни сила,
Незримо въ прахъ влекущая меня;
Настанетъ часъ... и скроетъ все могила,
И я паду, на вѣкъ главу склоня!..—

Умчится все, погибнетъ безвозвратно...
...Пускай тебя мнѣ сохранитъ судьба!..
Съ тобой вдвоемъ мнѣ умирать пріятно,
Съ тобой одной была легка борьба!..
Но отъ меня, увы, и ты далеко;
Надежды нѣтъ; въ душѣ печаль и мракъ..
Пойми меня, вѣдь я любилъ глубоко,
Ахъ, не играй моей печалью такъ!..
Но ты молчишь; я не пойму молчанья;
Скажи скорѣй, не мучь еще меня!..
Прости, прости за нѣжное признанье,
И я умру, въ груди тебя храня!..
Приди ко мнѣ... одной улыбкой прежней
Возьми тоску, гнетущую меня...
Прости мое признанье страсти нѣжной;
Пусть я умру, въ груди тебя храня!..

Мартъ, 1901 г.

Сонъ или явь.

Не въ безсолнечный день, не въ ненастную ночь,
Я спою тебѣ пѣсню мою;
Не могу я желанье свое превозмочь,
Не могу, потомучто люблю!..
Я спою тебѣ пѣсню, когда объята
Страстно нѣжнымъ, плѣнительнымъ сномъ,
Спитъ природа, какъ ангелъ, какъ счастье чиста
И томительно тихо кругомъ...
При блестящей лунѣ, при далекой лунѣ
Мысли, чувства бушуютъ безъ сна...
Я смотрю въ вышину, что повѣдаетъ мнѣ
Этихъ темныхъ небесъ глубина?..
...И почудилось вдругъ, что раздался вдали
Поцѣлуя ласкающій звукъ,
И наплывы мечты заглушить не могли
Сердца жаркаго трепетный стукъ...

Вотъ изъ чащи, таинственной чащи лѣсной
Выступаетъ младая чета;
Она нѣжно склонилась къ нему головой
И «люблю» ея шепчутъ уста...

«Я люблю тебя, милый, сегодня сильнѣй
«Въ тишинѣ этой ночи нѣмой,
«Всей тоскою души безпокойной моей;
«...Я хочу, чтобъ навѣкъ ты былъ мой!..

Этой страсти приливъ въ его сердцѣ больномъ
Много чувствъ дорогихъ разбудилъ;
И все тихо, томительно тихо кругомъ
И онъ нѣжно, безумно любилъ...

Такъ любилъ, что порой онъ о жизни земной
Вспоминалъ, какъ виномъ опьяненъ...
И приникъ къ ней, и обнялъ горячей рукой,
А кругомъ ужъ свѣтлѣлъ небосклонъ...

. . . . . .

Ну!.. прощай! мнѣ пора!.. далеко, далеко
Ждутъ меня дорогіе друзья...
Ахъ, страданье въ груди велико, глубоко...
Я жалѣю... мнѣ жалко тебя!..

Онъ такъ нѣжно, такъ тихо, такъ грустно шепталъ,
И заплакала горько она;
Онъ, какъ вѣтеръ, на быстромъ конѣ, ускакалъ;
Она плачетъ печальна, грустна...

И я слышу вдали раздается глухой
Этотъ плачъ, полный жгучей любви;
Онъ волнуетъ, онъ мучитъ средь ночи больной
Безпокойныя мысли мои!..

Іюнь, 1901 г.

Отчего?

Отчего въ мое сердце закралась любовь,
Ты скажи мнѣ, мой другъ, моя Нина?
Отчего такъ бушуетъ, кипитъ моя кровь,
Точно въ морѣ клокочетъ пучина?

Отчего я такъ жажду увидѣть тебя,
Говорить и смѣяться съ тобою?
Ты мой ангелъ, мой богъ, ты кумиръ для меня,
Ты въ мечтахъ неразлучно со мною!

Когда вижу тебя, мое сердце горитъ,
Такъ отрадно, усиленно бьется,
И ласкаетъ, и мучитъ, зоветъ и томитъ,
И къ тебѣ всѣми силами рвется.

Не сердись на меня, что тебя я люблю;
Я тобой быть любимымъ не чаю...
Но тобой я дышу, для тебя я живу,
И томлюсь, и люблю, и страдаю!..

Январь, 1898 г.

Злость.

Вотъ мнѣ душно опять; тамъ на сердцѣ кипитъ
И клокочетъ нѣмая досада;
Всякій глупый пустякъ меня мучитъ и злитъ...
И удачею сердце не радо!..
То не грусть, гдѣ жалѣешь и любишь людей,
То не горя глубокаго муки,
Нѣтъ! мнѣ жаль моихъ милыхъ далекихъ идей...
И ломаю я въ ужасѣ руки,

Потому что погибли на вѣки мои
Всѣ надежды, мечты, упованья;
Только слезы, досада и грусти однѣ
Мнѣ въ груди умножаютъ страданья...
Потому что не въ силахъ въ груди побѣдить
Сожалѣній безумную муку...
Не могу я бездушныхъ людей убѣдить,
Имъ съ улыбкой протягивать руку...
Но я вижу, что глупо, безсмысленно все;
Впереди еще жизни такъ много...
И не въ силахъ заставить я сердце свое
Вспомнить снова и вѣру, и Бога!..
Я вѣдь знаю, что ночь эта злая пройдетъ,
Позабуду тоску и страданья...
Да! но счастье мое никогда не придетъ,
Не вернутся мечты упованья!..
Не вернется любовь дорогая ко мнѣ,
Что горючія слезы убили,
И забытыя грезы напрасно во снѣ,
Мнѣ такъ долго все счастье сулили!..
Тамъ кругомъ безконечное море людей,
Незнакомые, чуждые люди...
Не найду ли я въ нихъ воплощенье идей,
Не вложу ль имъ участіе въ груди?..
О, какія безумныя мысли опять...
Точно люди когда понимали,
Что возможно безъ словъ и безъ грусти страдать
Отъ одной безконечной печали...
И хохочетъ кругомъ это море головъ,
И сильнѣй въ моемъ сердцѣ страданья;
Я томлюсь глубоко и безъ мысли, безъ словъ,
Мнѣ погибшія жалко мечтанья!..
Ахъ, зачѣмъ говорить!?.. все блѣдно передъ тѣмъ,
Что въ груди моей бѣдной творится...
...Не поймутъ... и понять не желаютъ совсѣмъ;—
«Онъ теперь нездоровъ — усмирится...»

Октябрь, 1900 г.

* *
*

Всей своей бѣдной душой полюбилъ я тебя, дорогая!..
Ночью и днемъ о тебѣ въ забытьи ежечасно мечтаю!..
Страстно желалъ бы тебя я обнять, о, мой ангелъ небесный,
Глазки твои цѣловать и любить, какъ теперь, безконечно!..
О! какъ милы для меня тѣ минуты свиданья съ тобою!..
Ты словно солнце царишь надо мной, озаряя лучами
Бѣдное сердце мое, потрясенное жизнію грустной...
Оля... пойми! я бы душу свою... безпокойную душу,
Все бы на свѣтѣ отдалъ за любовь твою, о, моя радость!..
О! неужели любовь моя такъ и погибнетъ напрасно!?..
Оля!.. отвѣть поскорѣй!.. я страдаю, я жажду отвѣта!..
...Плачешь ли ты; съ тобою въ душѣ плачу слезами твоими...
Если сидишь ты грустна; приласкать бы тебя мнѣ хотѣлось...
Сердцемъ твоимъ я грущу и въ душѣ я страдаю съ тобою...
Милая Оля!.. я жизнь бы отдалъ за мигъ любви мимолетной!..
Святъ для меня тотъ день, когда тебя я увидѣлъ впервые:—
Ты въ моемъ сердцѣ зажгла тогда пламень любви непонятной...
Бьется тобою теперь оно, мое бѣдное сердце...
Въ душу вселилась мою... я страдалъ, о тебѣ помышляя!..
Я вспоминаю, глядѣвъ на тебя, дни моей юности свѣтлой!..
Ты увидала въ душѣ моей все, что такъ долго хранилъ я,
Все, что къ тебѣ я питалъ, чего самъ разгадать не сумѣлъ бы!

Декабрь, 1897 г.

Въ альбомъ.

Ужъ скоро можетъ быть разлука
Знакомство наше прекратитъ,
И въ грудь мою тоска и скука,
На крыльяхъ грусти прилетитъ.
И вы забудете, конечно,
Поэта юнаго мечты,

Но онъ ихъ будетъ помнить вѣчно,
Средь вѣчныхъ слезъ и суеты!..
Какъ солнце раннею весною,
На міръ проснувшійся глядитъ,
И благодатной теплотою,
Согрѣть его скорѣй спѣшитъ;
Такъ мысль о васъ во дни страданій
Прольетъ чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Среди толпы воспоминаній,
Въ моей душѣ желанный свѣтъ!..
О, дайте мнѣ отвѣтъ правдивый,
На грустный зовъ души моей!..
. .Я жду покорный, терпѣливый,
Возврата грезъ минувшихъ дней!.

Мартъ, 1898 г.

Ужъ вечеръ, и томный, и нѣжный...

Ужъ вечеръ, и томный, и нѣжный,
Окуталъ туманомъ поля,
Порвался звукъ пѣсни мятежной;
Окончена пѣсня моя!..
Но дышетъ отвагой, какъ прежде
Могучая сильная грудь...
Но все еще свѣжи надежды!..
...—Безумное сердце, — забудь!..
Забудь навсегда безвозвратно
Ненужныя чувства свои,
Порывы мечты благодатной
И нѣжныя пѣсни любви!..
И люди тебя не оцѣнятъ,
И други тебя не поймутъ!..
Имъ грустныя пѣсни замѣнятъ,
Веселыя—лучше споютъ!..

...Мнѣ жалко отваги и силы,
Мнѣ хочется мыслить и пѣть...
Еще далеко до могилы!..
—Вѣдь рано еще умереть!..
Нѣтъ!.. съ этимъ послѣднимъ аккордомъ
Не кончится пѣсня моя!..
...Я молодъ... я сильный и гордый...
Еще не измучился я!..
Несись моя пѣсня, какъ прежде!..
—Авось, и пойметъ кто нибудь!..
...Во мнѣ еще свѣжи надежды...
И дышетъ, волнуется грудь!..
Быть можетъ, потомъ я сумѣю
Сильнѣе и лучше сказать,
И нѣжною пѣснью своею
Людей я заставлю рыдать!..
Быть можетъ, и трудъ, и желанья,
Оцѣнятъ и взвѣсятъ потомъ...
—За грусть, за нѣмыя страданья,
Быть можетъ, хоть вспомнятъ добромъ...
...Ужъ вечеръ, и томный, и нѣжный,
Окуталъ туманомъ поля;
Несется звукъ пѣсни мятежной:
—Не кончена пѣсня моя!.

Апрѣль, 1901 г.

Въ камерѣ душевно-больного.

(Монологъ).

...Не мучь, не мучь меня!.. ты видишь?.. я страдаю...
Смотри, какъ много слезъ пролилъ я эту ночь!..
Я до сихъ поръ еще... я до сихъ поръ рыдаю,
...Но ты побудь со мной, а вы ступайте прочь!..
Ахъ... что же? вамъ смѣшно?.. что я васъ прогоняю!..
...Я знаю! я смѣшонъ... я блѣдный и худой...

Такъ вѣрьте жь мнѣ теперь, что я васъ презираю!..
Идите къ чорту всѣ!.. всѣ съ глазъ моихъ долой!
...А ты, печаль моя... любовь моя родная...
Сядь ближе... здѣсь... вотъ такъ... не покидай меня!..
Съ тобою не страшна неправда мнѣ людская...
...Умру любовь къ тебѣ въ душѣ своей храня...
Зачѣмъ и ты... сейчасъ... жестокая, смѣялась?..
Теперь и ты меня своимъ не признаешь?..
Вѣдь ты одна, одна на всей землѣ осталась,
Которую люблю... и ты меня клянешь!?..
...Ну, чтожъ! кляни теперь и смѣйся надо мною
За то, что я всю жизнь отдалъ любви больной!..
...Что я убилъ себя своею же рукою,
И гибну до сихъ поръ, и жалкій, и смѣшной!..
Я вѣрилъ, говорилъ, что ты меня жалѣла,
Что ты, одна лишь ты, рыдала здѣсь со мной...
И увести меня отъ злыхъ людей хотѣла,
Въ далекій, лучшій міръ, гдѣ злобы нѣтъ земной!..
Я ждалъ тебя... я звалъ, я плакалъ и томился...
Я вещи всѣ собралъ: вотъ туфли и бѣлье...
Я напролетъ вчера всю ночь до дня молился...
...Не слышалъ, видно, Богъ, моленіе мое!..
Чтожь!.. уходи и ты!.. пусть буду одиноко,
И грустно жизнь свою печальную кончать!..
...Но помни!.. завтра я уѣду самъ далеко,
Чтобы людей, людей несносныхъ не видать!..
...Я всюду слышу смѣхъ, ехидный и лукавый...
Онъ душу, душу всю ворочаетъ во мнѣ!..
Возьми къ себѣ меня!.. возьми, о, Боже правый!..
...Ты знаешь!.. я Христа видалъ вчера во снѣ!..
Онъ подошелъ ко мнѣ... и все стоялъ, молился,
И на меня смотрѣлъ, и плакалъ надо мной,
А послѣ, послѣ мнѣ... ты знаешь, кто приснился?..
Да здѣшній извергъ-врагъ... предатель этотъ злой...
А послѣ?.. больше сновъ какъ будто я не видѣлъ...
Ахъ!.. вамъ смѣшно опять?!.. да! лучше-бъ я молчалъ!..
...Мнѣ право хочется, чтобъ я васъ ненавидѣлъ!..
...За что меня Ты такъ, о, Боже, наказалъ?..

...А раньше, милая, а раньше ты любила...
Да!.. нѣжно, горячо... какъ я теперь люблю...
Какая же теперь, скажи, какая сила
Былую, милую любовь взяла твою!..

...Я помню весну молодую...
Я помню былую любовь..
Я помню тебя, дорогую...
...Теперь не любить тебя вновь!..
Оставьте!.. не мучьте, уйдите!..
Забудьте, что я еще живъ!..
...Все, все отъ меня унесите,
И письма, и бархатный лифъ,
Подушки, кровать, одѣяло ..
...Нѣтъ... милый!.. нѣтъ, другъ дорогой...
Люби, какъ любила, бывало...
Останься, останься со мной!..
Я вижу, какъ люди смѣются,
Но, другъ мой, не смѣйся хоть ты!..
Пусть снова воскреснутъ, проснутся
Былыя родныя мечты!..
...Какъ душно!.. какъ страшно!.. смотрите!
Вотъ тамъ ко мнѣ кто-то идетъ!..
О ужасъ!.. кто это?.. спасите!..
— Онъ здѣсь былъ всю ночь напролетъ,
Глядѣлъ на меня и смѣялся,
И что-то другимъ говорилъ...
Мой голосъ опять оборвался;
—Я выбился вовсе изъ силъ!..

. . . . . .

10-е іюля, 1901 г. 3½ ч. ночи.

* * *

Не томи мое сердце напрасной тоской!..
Я не въ силахъ терпѣть испытанья...
Какъ боецъ послѣ битвы, усталый, больной
Я молю у тебя состраданья!..

О! отвѣть мнѣ хоть ласковымъ словомъ однимъ! —
Пусть на зовъ мой, и грустный и нѣжный
Ты, какъ прежде, отвѣтишь мечтаньямъ моимъ,
Какъ на призывъ любви безмятежной!..
Исцѣли мое бѣдное сердце отъ ранъ,
Хотя словомъ любви и участья...
Дай, какъ прежде, обнять мнѣ твой дѣвственный станъ
И разсѣять тоску и ненастье...
О! хоть разъ повтори, что ты любишь меня!..
— Я прижму тебя къ сердцу сильнѣе!..
Я пожертвую всѣмъ!.. я умру за тебя!..
— Полюби же и ты горячѣе!..

Май, 1898 г.

Послѣ чтенія „Петербургскихъ трущобъ" (Крестовскаго).

Кончилъ я книгу читать и остался въ раздумьи глубокомъ...
Образы, лица, герои... толпа въ безконечномъ движеньи...
Счастье ихъ, горе, удачи, печали и грѣхъ безпощадный
Ярко встаютъ предо мною... такъ жутко и страшно на сердцѣ!
...Вотъ одному была жизнь, точно сонъ безконечно пріятный,
Все удавалось всегда; и неправдой и правдою рѣдкой
Жизнь побѣждалъ онъ легко, съ безконечно спокойной улыбкой...
Вѣчно томится другой: неудачи, страданья и горе,
Злыя обиды людей безсердечныхъ, имѣющихъ силу...
Мучитъ, кидаетъ его эта жизнь, какъ игрушку какую,
Топчетъ въ пучину грѣха и смѣется надъ чувствомъ завѣтнымъ
И, исковеркавъ, бросаетъ безъ силъ этой смерти свирѣпой...
Жилъ я жизнію ихъ... я вмѣстѣ страдалъ и мучался съ ними,
Негодовалъ на судьбу, на людей, постоянно жестокихъ,
Гадкихъ и скверныхъ людей, безъ души и безъ совѣсти въ сердцѣ...
Топятъ и мучатъ другихъ эти люди за деньги, за плату,
Грабятъ друзей безпощадно, и имя, и честь сохраняя...
Гдѣ же получатъ они за дѣла на землѣ воздаяніе?..

Развѣ потомъ, умеревъ, они Богомъ отвержены будутъ?..
Страшно и больно за нихъ... и жалѣешь ихъ сердцемъ невольно...
. . . . . .
Если же вспомню я бѣдныя жертвы страданья и горя,
Такъ тяжело на душѣ... мнѣ такъ жаль ихъ, невинныхъ и милыхъ!..
Боже!.. о, Боже!.. за что всю-то жизнь они горе терпѣли
И отъ людей, отъ судьбы постоянныя злыя обиды?..
...Сколько терпѣнія въ нихъ и любви къ этимъ людямъ жестокимъ!..

Ноябрь, 1900 г.

Дочь позора.

Нѣтъ! тебѣ состраданья не встрѣтить.
Нищеты и несчастія дочь!..
Некрасовъ.

Бѣдныя жертвы людскихъ развлеченій...
Жизнь ваша: пьянство, развратъ и позоръ...
...Жаль этихъ «Божьихъ погибшихъ твореній»,
Можетъ быть стоилъ онъ многихъ мученій,
Первый безстыдно ласкающій взоръ!..
Можетъ быть страшной и горькой цѣною
Первыя ласки она продала
И отдалась со слезами, съ тоскою,
Послѣ борьбы безконечной съ собою
Безднѣ глубокой порока и зла!..
Тотъ, кому первому чувство нѣмое,
Вѣруя свято, дарила она,
Такъ осквернилъ ея счастье родное,
Первое, милое счастье, святое...
Грезы влюбленнаго, чистаго сна!..
Только такъ поздно она отгадала,
Что никогда онъ ее не любилъ;
Бѣдная долго, безумно рыдала,
Мучилась горько и горько страдала:
Онъ ея сердце навѣки разбилъ!..
Свѣжій, веселый, съ улыбкой лаская
Мысли о новой побѣдѣ своей,

Онъ говорилъ, навсегда покидая,
«О, успокойся, моя дорогая,
«Снова вернусь черезъ нѣсколько дней!..»
Дни проходили. Тоска ожиданья,
Горе въ конецъ истомили ее...
...Бросилъ... уѣхалъ... напрасны рыданья;
Сердца разбитаго злыя страданья
Долго терзали и мучили все!..
Не было денегъ; она продавала
Цѣнныя вещи и платья свои...
...Уже нужда, нищета наставала...
...Все безнадежно она ожидала,
Плача о первой погибшей любви!..

. . . . . .

Злой, безсердечный!.. жестокой рукою
Ты вѣдь ее отъ семьи оторвалъ!..
Все-то она позабыла съ тобою,
Ты жъ, обезчестивъ, на битву съ судьбою
Бросилъ потомъ... ты... ея идеалъ!..
Что же, скажи мнѣ, какое спасенье
Ждетъ эту жертву забавы твоей?..
То, что тебѣ было блажь, развлеченье,
— Ей послужило причиной паденья...
— Что можетъ быть безсердечнѣй и злѣй?!.
Ты осквернилъ ея душу и тѣло
Дерзкой своею и гадкой рукой...
Мучилъ, обманывалъ долго и смѣло;
Счастье ея навсегда улетѣло...
— Видишь, теперь она стала какой!..
Какъ объяснишь ты свое преступленье?
Чѣмъ искупишь всю вину передъ ней?..
О! неужели ей нѣтъ ужъ спасенья?..
Ты ее самъ вѣдь довелъ до паденья...
—...Будь же доволенъ побѣдой своей!..

Ноябрь, 1900 г.

Ахъ, ты жизнь моя!..

(Пѣсенка).

Ахъ, ты жизнь моя,
Жизнь печальная,
Что дала ты мнѣ
Одинокому?..

Грусть-кручинушку,
Горе лютое,
Злобу сильную
И безвѣріе!..

Ночью темною
Спать не хочется;
Жизнь страшитъ меня
Непонятная...

Мчится день за днемъ
Быстро въ прошлое,
Въ даль туманную
Неизвѣстности...

Всѣ мечты мои,
Всѣ желанія
Ужъ давнимъ давно
Поразрушились!..

Только мысль одна
Неотвязная
Часто жжетъ меня
Ожиданіемъ...

Это мысль о ней,
Нѣжной, трепетной,
Злой любви моей...
Жаль мнѣ, жаль ее...

Безъ любви мнѣ жить
Такъ не хочется!..
Жизнь страшитъ меня
Одинокая!..

Ахъ! вернись любовь,
Счастье милое,
Ахъ! приди опять,
Страсть мятежная!..

...Что мнѣ жизнь моя?
Горе лютое,
Безъ любви — все мракъ,
Все мученіе!..

Оттого-то я
Ночью темною
Не могу заснуть,
Успокоиться,

Не могу забыть
Счастье прошлое
И былой любви
Грусть знакомую!..

Я любить хочу
Съ новой силою,
Я вернуть хочу
Счастье прошлое!..

Но наступитъ день,
—Жизнь беретъ свое,
И любить опять
Нѣтъ желанія!..

И смѣшна мнѣ ночь
Съ ея мукою,
Съ ея мыслями
Безпокойными...

И опять страшитъ
Жизнь печальная;
—Впереди тоска
И сомнѣніе!..

Ахъ, люби, люби,
Сердце бѣдное!
Быстро дни летятъ
Невозвратные!..

Унесутъ они,
Увлекутъ съ собой
Темной ноченьки
Думы милыя!..

Разобьютъ мечты,
Осмѣютъ печаль
И пройдетъ любить
Мнѣ желаніе!..

.. Безъ любви мнѣ жить
Такъ не хочется,
Жизнь страшитъ меня
Непонятная!..

Январь, 1901 г.

Новому столѣтію

...Что готовитъ намъ вѣкъ этомъ новый?
Любопытный, невѣдомый вѣкъ...
Облегчитъ ли вѣнецъ онъ терновый,
Что такъ долго несетъ человѣкъ?..
Не научитъ ли правдѣ разумной
Вѣрѣ сильной и жизни иной,
Гдѣ свободы нѣтъ дикой, безумной,
Съ ея страстью грѣховной и злой?..
Образованный, практикъ реальный,
Девятнадцатый вѣкъ улетѣлъ;
Такъ споемъ ему гимнъ погребальный,
—Онъ все сдѣлалъ, что могъ и умѣлъ!..
Онъ пожралъ наши лучшія силы,
Наши лучшія чувства убилъ...
Нашихъ предковъ святыя могилы
Святотатственно онъ осквернилъ!..

Вѣкъ ума, безсердечный, жестокій
Отучилъ онъ насъ вѣрить, любить...
И оставилъ онъ слѣдъ въ насъ глубокій:
Трудно честному честно прожить!..

Постоянный источникъ страданій,
Насъ гнетущихъ печалей и бѣдъ
Исковеркалъ такъ много созданій
Этотъ страшный, мучительный слѣдъ:

Только денегъ давящая сила,
Завладѣвъ нами, властно царитъ;
Передъ нею безсильна могила;
Поколѣнья она сокрушитъ!..

Передъ золотомъ все преклонилось,
Все: и вѣра, и знанье, и духъ;
Человѣчество сномъ опьянилось;
Въ людяхъ свѣтъ Божьей правды потухъ!..

Человѣкъ побѣждаетъ природу
Геніально повсюду кругомъ;
Но во зло дорогую свободу
Обращаетъ холоднымъ умомъ!..

Что для *сердца* намъ дали науки?..
Наши души безвѣрья полны!..
Вѣдь мы гибнемъ отъ внутренней муки,
И сердца наши чувствомъ бѣдны!..

...Я хочу, чтобы вѣкъ этотъ новый,
Новый путь къ старой правдѣ открылъ,
Чтобы мракъ безконечно суровый
Онъ разсѣялъ и счастіемъ былъ

Для людей... Чтобъ проснулися люди
Отъ невѣрія тяжкаго сна;
Пусть теперь въ ихъ безсильныя груди,
Новой жизни вселится весна!..

Вѣрю! явится геній могучій,
Въ этотъ новый, невѣдомый вѣкъ,
И разсѣетъ онъ мрачныя тучи,
И возстанетъ отъ сна *человѣкъ*!..

Онъ любовью и силой духовной
И умы, и сердца побѣдитъ:
Онъ мракъ жизни пустой и грѣховной,
Свѣтомъ Божьей любви озаритъ!..

31 декабря, 1900 г.

* *
*

Я долго съ тобою сегодня гулялъ;
Мы много о всемъ говорили,
Я только о главномъ, какъ прежде молчалъ;
За что мы другъ друга любили?...
Давно я хотѣлъ разспросить у тебя:
...Скажи откровенно скорѣе:
Зачѣмъ такъ печально и глупо любя,
На жизнь я глядѣлъ веселѣе?..
И съ каждою новой улыбкой своей,
Мнѣ море любви открывая,
Ты нѣжно шептала: «люби горячѣй,
И жизнь, и людей забывая!..»
И вотъ я любилъ и весь міръ забывалъ,
И вѣрилъ, и ждалъ, и томился...
—Вѣдь я же твои недостатки видалъ!..
— Зачѣмъ я такъ глупо влюбился?..
Такъ много въ тебѣ и поступковъ и думъ,
Которыя мнѣ не по мысли,
Вѣдь ихъ осуждаетъ холодно мой умъ...
—Зачѣмъ я люблю?.. Поразмысли!..
Вотъ видишь и ты недостатки мои,
И споришь такъ часто со мною,
Нѣтъ! разумъ нашъ, видно, далекъ отъ любви;
Мы глупы и слѣпы съ тобою!..

Январь, 1901 г.

* * *

Пусть тебя эти звуки, лаская, зовутъ
То къ печали, то къ счастью со мной,
И далеко отъ прозы земной унесутъ,
Въ царство грезъ и любви неземной!..
...Если грустно тебѣ и въ усталой груди
Сердце бьется съ тоской, безъ надеждъ впереди
Я хочу, чтобъ ко мнѣ ты, страдая, пришелъ
И въ мечтахъ моихъ вѣру, отвѣты нашелъ...
Я хочу, чтобы ты научился любить,
Я хочу тебѣ міръ новой вѣры открыть!..
Мои милыя грезы, родныя мечты,
Для тебя я слагалъ, чтобы понялъ ихъ ты!..
Мчится вѣтеръ свободный въ высокихъ горахъ,
Нагоняя на горцевъ прохладу и страхъ,
И боится, и жмется привычный черкесъ,
И, встревоженъ отъ сна, тихо шепчется лѣсъ...
Пусть, свободенъ, какъ вѣтеръ, мой стихъ принесетъ,
Тебѣ вѣры прохладу и грусть унесетъ...
Ты услышишь меня, и встревожитъ отъ сна,
И разбудитъ тебя моей пѣсни волна!..
Приходи же ко мнѣ, о, мой братъ дорогой!..
Я хочу тебѣ счастье, любовь и покой
Принести своимъ нѣжнымъ, свободнымъ стихомъ:
Я хочу, чтобы ты былъ утѣшенъ потомъ;
Прочитавши мой стихъ, чтобъ вздохнулъ ты легко
И подумалъ, подумалъ о немъ глубоко!..
...Я хочу тебѣ счастья, мой братъ дорогой!..
—Я хочу приласкать тебя нѣжной рукой!..

Февраль, 1901 г.

Весенніе мотивы.

Была весна кругомъ. Лѣса, поля и горы
Встрѣчали солнца лучъ улыбкою любви,
И зелень нѣжная людей ласкала взоры...
Весна, опять весна несла дары свои!..
Несла отраду, миръ, и счастье и забвенье,
Отъ мрачныхъ думъ зимы, холодной и сѣдой;
Все было символомъ природы возрожденья,
Давало новый смыслъ утраченный зимой,
Природѣ радостной, полямъ, горамъ высокимъ,
И солнцу яркому и легкимъ облакамъ,
Звало къ любви былой... къ былымъ мечтамъ глубокимъ,
...Сулило счастіе, восторгъ и силы намъ!..
...Шумящіе ручьи неслись неудержимо
Съ высокихъ дальныхъ горъ на влажныя поля...
А въ сердцѣ несся рой надеждъ, неуловимо,
—Быстрѣе шумнаго весенняго ручья!..
Хотѣлось жить, любить; хотѣлось ждать и рваться,
Въ лазуревую даль сверкающихъ небесъ...
Всѣмъ было радостно съ зимою разставаться,
Всѣ ждали отъ весны и счастья, и чудесъ...
И ихъ несла она, прекрасная, съ собою,
И въ нѣжной зелени проснувшихся лѣсовъ,
Въ полетѣ вѣтерка живительной волною,
И въ запахѣ полей, и въ шумѣ ручейковъ!..
...Но было грустно мнѣ и только ты умѣла
Улыбкою мою улыбку вызывать!..
Одна, лишь ты одна тогда меня жалѣла
И я любилъ тебя весною называть!..
Да! ты была весна!.. Ты мнѣ несла съ собою
Отраду, миръ, покой и много новыхъ силъ!..
За что?.. за что теперь я разлученъ съ тобою?..
—Я какъ весну тебя, прекрасную, любилъ!..

...И вотъ теперь опять близка, ужъ наступаетъ
Красавица весна, полна чудесъ и сновъ...
Печаль знакомая мнѣ сердце наполняетъ;
— Мнѣ хочется тебя, и плакать я готовъ!..
Приди! приди ко мнѣ, когда весна проснется,
И разбуди весну въ груди моей больной!..
Зимой забытое ко мнѣ опять вернется:
Надежды, счастіе, съ тобой, моей весной!..
...Что мнѣ весна теперь? что радость возрожденья,
Разбуженныхъ ручьевъ далекій шумъ и плескъ,
Что мнѣ веселый видъ природы обновленья,
И солнца вешняго животворящій блескъ?..
Когда со мною нѣтъ тебя, весна родная,
Далекая моя и милая весна!..
...Когда я мучаюсь въ разлукѣ изнывая,
...Приди и разбуди меня отъ злого сна!..

Февраль, 1901 г.

Смерть.

Скоро, скоро жизнь промчится,
Пролетитъ, какъ ночи сонъ!..
—Духъ для жизни возродится;
Вѣченъ духъ!.. безсмертенъ онъ!..
Отъ сомнѣній, отъ печали
И отъ пылкихъ чувствъ моихъ,
Что такъ часто волновали
Полный грусти нѣжный стихъ,
—Смерть на вѣки дастъ спасенье,
Побѣдитъ и покоритъ!..
Прочь безумное сомнѣнье!..
Близко, близко смерть стоитъ!..
Жизнь пройдетъ, какъ темной ночи
Сонъ неясный и пустой;
— Жить, терпѣть не хватитъ мочи
—Смерть примчится за тобой!..

Будетъ жалко разставаться
Съ жизнью этой — бурнымъ сномъ,
Будешь ты рыдать и рваться,
Въ жизнь съ ея гнетущимъ зломъ!..
Все напрасно!.. Ты, безсильный,
Жалкій, слабый и больной,
Обратишься въ прахъ могильный,—
Смерть умчитъ тебя съ собой!..
...Много горя, мало счастья
Ты извѣдалъ и узналъ...
Ты другихъ людей несчастья
Малодушно презиралъ!..
Ты за призракомъ незримымъ
Долго гнался и бѣжалъ,
Ты страстямъ своимъ любимымъ
Все служилъ и угождалъ!..
Ты не вѣрилъ, ты смѣялся,
Рѣдко искренно любилъ;
Только тѣлу отдавался,
Только тѣлу ты служилъ!..
Оглянись, что было прежде!
...Стыдно, больно за тебя!..
Въ сердцѣ мѣста нѣтъ надеждѣ;
Скоро кончится борьба!..
Смерть стоитъ передъ тобою!..
—Жизнь свою закрыла дверь!..
Ты смѣялся надъ судьбою,
Что же плачешь ты теперь?..
Что дрожишь и тщетно руки
Простираешь къ ней съ мольбой?..
Да! твои жестоки муки;
Такъ назначено судьбой!..
...Плачь, пока въ очахъ есть слезы;
Смерть жестокую моли,
Чтобъ вернулись жизни грезы
И опять впередъ влекли!..

Февраль, 1901 г.

Конь.

Не быстрый вѣтеръ мчится въ полѣ,
Не вихорь злобный листья рветъ,
То скачетъ конь, одинъ на волѣ
—Стальной подковой землю бьетъ...

То онъ подпрыгнетъ; какъ волною
Густою гривою тряхнетъ,
И легкой сильною ногою
На воздухъ прахъ съ земли взовьетъ...

То онъ быстрѣй, чѣмъ чайка въ морѣ,
Свой хвостъ по вѣтру распустивъ,
И низко голову склонивъ...
...Играетъ, скачетъ на просторѣ!..

Февраль, 1901 г.

Meditation.

Почему?.. отчего?.. какъ начну я писать,
Такъ въ груди моей буря клокочетъ?..
И тоска начинаетъ мнѣ сердце терзать,
И любви оно, бѣдное, хочетъ?..
...Какъ возьму я перо... почему? отчего
Просыпаются въ сердцѣ страданья?..
...Почему, если въ комнатѣ нѣтъ никого,
Заглушить я не въ силахъ терзанья?..
И сильнѣй, и печальнѣе стихъ зазвучитъ,
Полный грусти, и горя, и муки,
Если рядомъ со мною никто не сидитъ...
И дрожатъ лихорадочно руки?..

И печальныя мысли несутся толпой,
...То мнѣ жалко прошедшаго счастья,
То сжимается сердце глубокой тоской,
То чно вспомнилъ забытую страсть я!..
То мнѣ жалко людей, этихъ бѣдныхъ людей,
И досадно, что я между ними
Непонятенъ съ толпой своихъ лучшихъ идей,
Съ дорогими мечтами своими!..
Ахъ! откуда оно, это горе мое,
И напрасныя муки, и слезы?..
Да!.. жалѣю я юности счастье свое
И далекія милыя грезы!..
Улетѣли онѣ далеко, далеко...
О! какъ рано онѣ улетѣли!...
Мнѣ ихъ жалко теперь, мнѣ ихъ жаль глубоко...
—Онѣ многаго дать не успѣли!..
Отчего ты такъ рано умчалась, весна,
Со своею грозой мимолетной?..
Милою юности нѣжной и счастья полна,
И печали слезой быстролетной?!..

Мартъ, 1901 г.

Приближеніе весны.

Скоро весна приближается:
Солнышко грѣетъ теплѣй:
Пѣніемъ птицъ оглашается,
Темная чаща вѣтвей...

Кажется, сердце уставшее
Новою жизнью живетъ;
Долгую зиму проспавшее,
Нынѣ съ весною встаетъ...

Въ чудныя ночи забвенія,
Въ тихія ночи весны,
Кажется, жизнь—наслажденіе,
...Полные счастія сны!..

Горе, несчастье прожитое,
Все забываешь весной;
Радость и счастье забытое,
—Вспомнишь весенней порой!..

Дивныя ночи весеннія,
Чары открывши свои,
Намъ говорятъ о прощеніи
Чудныя рѣчи любви...

—Легче, отраднѣе дышется,
Вѣришь, и любишь сильнѣй...
...Пѣнье далекое слышится,
Гдѣ-то поетъ соловей...

Мѣсяцъ и звѣзды блестящія,
Все о любви говорятъ;
Счастье какое-то спящее,
Вновь разбудить въ насъ хотятъ!..

Мартъ, 1898 г.

Въ безсонницу.

...Не могу я любить, вѣрить въ счастье и ждать,
И страшитъ меня жизнь впереди!..
Мнѣ хотѣлось бы все прекратить, оборвать,
Чтобы сердце не билось въ груди!..
Я забылъ, что мнѣ милое дѣтство дало,
Когда въ жизнь я вступилъ, полонъ силъ,
Что манило меня, что влекло и звало...
Я забылъ, что я прежде любилъ!..
Догораетъ свѣча... все слабѣй огонекъ...
—Это жизнь догораетъ моя;
Предназначенный срокъ моей жизни истекъ,
...Вотъ все меньше... и меньше огня!..
Еще вспышка одна... и настанетъ потомъ
Тьма, гнетущая нервы мои:
И не будетъ ни свѣта, ни жизни кругомъ,
Ни людей, ни меня, ни любви!..
...Я опять о любви!.. я не могъ позабыть,
И въ минуту страданья о ней!..
Значитъ хочется мнѣ еще жить и любить...
Что же съ грустью ношусь я своей?..

Это только болѣзнь, злыя муки любви,
Чувство грусти безумной во мнѣ,
...Чѣмъ же мнѣ усыпить эти нервы свои?...
Ихъ болѣзнь, на яву и во снѣ?..

Февраль, 1901 г.

Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду.

Ночь... тихая, чудная лѣтняя ночь
Царила надъ спящей землей,
Закрывъ ее легкимъ покровомъ, точь въ точь,
Какъ мать закрываетъ любимую дочь,
Отъ стужи холодной зимой...
Все спало кругомъ; только тамъ, за горой,
Гдѣ садъ Геѳсиманскій лежалъ,
Гдѣ гордыя пальмы качали листвой,
Одѣтый туманомъ и мглою ночной,
Христосъ на колѣняхъ стоялъ...
За грѣшныхъ людей возсылалъ Онъ мольбу
Создателю тлѣнныхъ міровъ,
Небесному Богу, Благому Отцу,
И потъ капалъ съ кровью по жаркому лбу;
—Онъ сердцемъ молился... безъ словъ...
И взоръ Его дивною вѣрой дышалъ...
И очи блистали слезой;
Онъ кротко на звѣздное небо взиралъ,
Томился глубоко и горько страдалъ,
Молился невинной душой...
А звѣзды дрожали и гасли порой
На сумрачномъ небѣ ночномъ...
Зеленыя пальмы качали листвой,
И мѣсяцъ надъ садомъ парилъ золотой,
—И было все тихо кругомъ...
...Ужъ алой полоской блеснула заря,
Христосъ все молился и ждалъ:

«Да минуетъ, Отче, Мя чаша сія!..
«Да сбудется воля Святая Твоя!..»
...И новыя слезы ронялъ...
Вдругъ... что это?.. садъ словно ожилъ; кругомъ
Мелькаютъ и блещутъ огни,
И слышатся крики въ туманѣ ночномъ;
То воины ночью пришли за Христомъ,
Учителя ищутъ они!

Межъ ними смущенный предатель идетъ;
Тоска ему душу томитъ...
Онъ злобу въ груди своей грѣшной несетъ;
Она его душитъ, она его жжетъ,
И воинамъ онъ говоритъ:
«Вотъ здѣсь... за горою... молился Христосъ!..
«Недавно Его я видалъ!
«Вотъ слѣдъ на травѣ Его крови и слезъ!..»
И факелъ зажженный Іуда поднесъ,
Къ землѣ, гдѣ Спаситель стоялъ.

..Христосъ выступаетъ на встрѣчу врагамъ,
Готовый терпѣть за людей,
И боль, и страданья, и муки, и срамъ,
Готовый подать злымъ, жестокимъ сердцамъ,
Спасеніе смертью Своей...
Іуда лобзаніемъ грѣшнымъ своимъ,
Ланиты Христа осквернилъ;
Подходитъ онъ, жгучей досадой томимъ:
«Я здѣсь, мой Учитель!.. что скажешь Ты имъ?..»
Въ смущеньи предатель спросилъ...

«О, здравствуй, Іуда, ночною порой,
«Зачѣмъ ты явился, скажи?..
«Зачѣмъ ты нарушилъ Мой сонъ, Мой покой?..
«Зачѣмъ ты пришелъ съ этой шумной толпой?
«...Лобзаешь ланиты Мои?..»

. . . . . .

Свершилося... Предалъ Іуда врагамъ,
Учителя Бога, Христа!..
Несчастный!.. онъ видѣлъ теперь, что и самъ

Готовъ бы упасть къ Его чистымъ ногамъ,
—Рыдать у подножья креста!..
Предатель! безплодны рыданья твои!
Скрывайся! бѣги отъ людей!..
...Но смерти позорной себѣ не ищи!
И съ жизнью не кончатся муки твои;
—Не сбросишь тяжелыхъ цѣпей!..

Ноябрь, 1897 г.

* *
*

Поймешь ли ты меня? поймешь ли ты, скажи,
Когда я всѣ мечты, всѣ чувства, всѣ желанья,
И горе страстное тоскующей любви,
—Все передалъ тебѣ... Безумное страданье,
Больной души моей, скажи, поймешь ли ты?..
Смотри! я старъ душой, вѣдь эта жизнь разбила
Про счастье милое любимыя мечты;
Она во мнѣ, увы, надежды всѣ убила...
...Что для меня теперь осталось впереди?..
Скажи, молю тебя! вѣдь страсти и надежды
Ужъ не вернутся вновь къ измученной груди,
Когда не мило все, что свято было прежде!..

. . . . . .

Печаль въ душѣ моей... мнѣ душно и темно...
Поймешь ли ты меня, когда, страданья полный,
Я вновь приду къ тебѣ, сказать «люблю» одно,
И слезъ не удержу своихъ, какъ море волны?..
Не смѣйся надо мной, не осуждай напрасно,
Мою любовь къ тебѣ и слезы, что я лилъ;
Вѣдь послѣ долгихъ мукъ, жестокихъ и ужасныхъ,
Цѣною этихъ слезъ, рѣшимость я купилъ!..

Январь, 1901 г.

Донъ-жуанъ.

...Сынокъ мамаши, баричъ нѣжный,
Лицей съ трудомъ окончилъ онъ...
Порывы юности мятежной
Ужъ пронеслись, какъ бурный сонъ.
Ужь близокъ, близокъ возрастъ зрѣлый;
Ему теперь подъ тридцать лѣтъ...
Самонадѣянный и смѣлый,
Веселой молодежи цвѣтъ,
Дрожать заставить онъ сумѣетъ
Красотки сердце до сихъ поръ;
Она поднять глаза не смѣетъ,
Сидитъ, конфузится, краснѣетъ,
Его лукавый встрѣтивъ взоръ...
Для всѣхъ невѣстъ женихъ желанный,
Встрѣчаетъ всюду онъ почетъ,
И львомъ въ гостиную идетъ
Онъ позже всѣхъ на вечеръ званный...
«Qu'il est charmant!..», «ахъ душка!..» «милый!»
Дѣвицы, дамы говорятъ...
«Какой чарующею силой
«Горитъ его прекрасный взглядъ!..»
И глазки щурятъ и косятъ...
Мамаши! прячьте поскорѣе
Своихъ красавицъ дочерей!..
Онъ всѣхъ соперниковъ сильнѣе,
Неотразимъ огонь очей
И обаяніе рѣчей,
Неотразимы взгляды, жесты...
—Ловите жениха, невѣсты!..
...Сердецъ онъ много побѣждалъ,
И даже въ женихахъ бывалъ,
Но ненадолго... лучше, право:
Придти, увидѣть, побѣдить,

Услышать судъ себѣ и славу,
Укоръ отрадный заслужить
И... позабыть свою забаву!..
...И онъ плѣнялъ и забывалъ
И новымъ флиртомъ наслаждался,
Забавѣ новой предавался
И часто такъ жестокъ бывалъ,
Что самъ потомъ надъ ней смѣялся,
Надъ бѣдной жертвою своей
Забавы дерзкой, безсердечной...
Онъ... онъ, который былъ для ней
Кумиръ... виновникъ муки вѣчной!..
...Сначала грезы дѣвы нѣжной
Нежданнымъ счастіемъ смутилъ:
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ
Покой души ея мятежной;
Взялъ душу, сердце отъ нея
И святотаинственной рукою
Отъ дома оторвалъ ее,
Глумился надъ ея тоскою,
Безчестно клялся, увѣрялъ,
Что любитъ, любитъ безраздѣльно:
...Она навѣки безпредѣльно
Его единый идеалъ,
Что онъ ей жизнь свою отдалъ
И нѣтъ ему теперь милѣе
На цѣломъ свѣтѣ никого,
И съ каждымъ днемъ любовь сильнѣе
Въ груди страдающей его!..
И отдавались, и любили
И свято вѣрили ему;
Съ желанной свадьбой торопили,
Не довѣряя ничему,
Что про него ни говорили...
«Въ такой душѣ, въ такихъ очахъ...
«Ma chére, не можетъ быть обмана!...
«Любовь, душа въ его рѣчахъ...
«...Онъ не похожъ на донъ-жуана,

«Онъ такъ правдивъ, правдивъ во всемъ!..»
Какой-то барышни влюбленной
То были отзывы о немъ;
(...Онъ погубилъ ее потомъ!..)

Февраль, 1901 г.

Ночью.

Безумная злоба, мятежная злоба,
Зачѣмъ ты кипишь и терзаешь меня?..
—Настанетъ минута и крышка отъ гроба
Закроется плотно и молотъ, звеня,
Забьетъ, застучитъ надъ моей головою;
Забуду я злобу, тоску и печаль
...И счастье съ непрочной красою земною
Умчится навѣкъ, и не будетъ мнѣ жаль!..
А сердцѣ нѣмое, увы! позабудетъ
И женскую ласку, и нѣгу любви;
Ни горя, ни жизни, ни чувства не будетъ,
Ни злобы безсильной въ холодной груди!..
Ничтожныя слезы!.. горючія слезы!..
Зачѣмъ подступаете къ горлу опять?..
Пора бы мнѣ знать, что обманчивы грезы!..
Пора бы давно научиться страдать!..
Что жизнь съ своимъ краткимъ блаженствомъ и мукой!..
Что чувства?.. непрочныя чувства земли?..
Все слабо, все блѣдно предъ вѣчной разлукой!..
—Смѣшны передъ смертью восторги любви!..
Жестокія муки, напрасныя муки,
Что стоите вы передъ смертью нѣмой?..
...Я плачу... ломаю безсильныя руки;
—Мнѣ жалко... мнѣ жалко печали земной...

Мартъ, 1901 г.

Пѣсня.

Я спою тебѣ пѣсню печали моей,
О любви, о далекой любви;
—Только, милый, потомъ ты не смѣйся надъ ней,
Ты пойми эти слезы мои!..
Я спою тебѣ пѣсню о счастьи быломъ,
О былой улетѣвшей веснѣ,
Какъ настало потомъ это горе кругомъ...
Какъ томитъ на яву и во снѣ!
Захватила меня этой жизни волна;
То несетъ и играетъ со мной;
То ласкаетъ, и мучитъ, и нѣжитъ меня...
И хочу я умчаться съ волной
Далеко, далеко отъ земли и людей
Въ міръ невѣдомыхъ, радостныхъ грезъ,
Вмѣстѣ съ пѣснью, печальною пѣснью моей,
Полной муки, и грусти, и слезъ!..
Но мѣшаютъ мнѣ пѣть эти люди кругомъ.
Злобный смѣхъ заглушаетъ меня;
И молчу я, съ тревогою въ сердцѣ своемъ
Злую горечь обиды храня...
Не могу я, не въ силахъ я долго молчать,
Бьется стихъ, какъ о камень волна...
Мнѣ хотѣлось бы много и горько рыдать...
—О, вернись, дорогая весна!..
Пѣтъ на свѣтѣ сильнѣй этой муки моей,
—Этой жажды безумной «сказать...»
Этихъ слезъ надъ могилой погибшихъ идей,
Только сердце могущихъ терзать!..
Что ты плачешь и ноешь, ничтожный поэтъ?..
Смѣло пой, говори и пиши!..
Неужели тебя испугалъ этотъ свѣтъ?..
—Что за глупая робость души!..

...Не замолкну я, нѣтъ!.. буду пѣть и писать,
Пока сердце трепещетъ въ груди!..
Пока кровь горяча не могу я молчать!..
О!.. уйди, эта робость... уйди!..

Мартъ, 1900 г.

Вильгельмъ и Гарольдъ.

(Эпизодъ изъ эпохи завоеванія Англіи норманнами).

Вотъ снова Вильгельмъ ополчился могучій;
Гарольду за дерзость поклялся отмстить...
Въ сраженьи послѣднемъ Гарольду лишь случай,
Норманновъ достойныхъ помогъ побѣдить...
...И зависть, и злоба волною кипучей,
Давно ужъ терзали Вильгельмову грудь...
Желаніемъ мщенья давно пламенѣя,
Теперь онъ въ далекій направился путь:
Онъ мчится съ дружиной къ стѣнамъ Певенсея,
—Скорѣй уничтожить Гарольда злодѣя!..

Приплывъ къ Андеридѣ, давно знаменитой,
Послалъ онъ дружину на берегъ крутой,
Но берегъ, недавно войсками покрытый
Гарольда,—теперь былъ безмолвный, пустой...
...Послѣднимъ, лучами заката облитый,
Въ ладьѣ своей пышной Вильгельмъ приставалъ:
Тамъ съ крикомъ встрѣчали Вильгельма солдаты,
Когда же онъ, вдругъ поскользнувшись, упалъ,
—Всѣ смолкли, мечтой суевѣрной объяты:
«То Богъ свою волю открылъ ему свято...
«Дурная примѣта!.. о, случай проклятый!..»

Вильгельмъ же со смѣхомъ воскликнулъ дружинѣ:
«Зачѣмъ вамъ пугаться, друзья?.. я держу,

«Смотрите! руками всю Англію нынѣ!..
«Сразимъ мы Гарольда!.. я слово сдержу!..
«Недаромъ мы плыли по грозной пучинѣ!..»
И крови ни капли Вильгельмъ не пролилъ,
Прошедши по римской старинной дорогѣ,
На сѣверъ, къ Гастингсу... и въ пѣсняхъ хвалилъ.
Съ дружиною храброй онъ Господа Бога...
И лагерь раскинуть велѣлъ у порога...

Изъ жадности только, иль мстить имъ желая,
Онъ воинамъ грабить страну повелѣлъ,
Повсюду гонцовъ отъ себя разсылая...
—Онъ знать о Гарольдѣ скорѣе хотѣлъ...
И мчались посланцы, отъ края, до края...
...Что? скрылся, Гарольдъ?.. ужъ не хочешь войны?..
Напрасно!.. не жди отъ Вильгельма пощады!..
Что?.. славы твоей не исполнились сны?..
—Пусть смерть тебѣ будетъ побѣды наградой!..
...Сыны Альбіона!.. вы вѣрно не рады!?..

На третьи же сутки одинъ изъ посланныхъ,
Къ властителю съ вѣстью дурной прискакалъ:
«Гарольдъ, побѣдитель могучій, избранныхъ,
«Сто тысячъ солдатъ на Вильгельма собралъ,
«И мчится, какъ бѣшеный онъ на норманновъ,
«Вильгельмъ!.. пожалѣй своихъ вѣрныхъ норманнъ!..»
Вильгельмъ не смутился; велѣлъ, чтобъ живѣе
Полки приготовились; знакъ уже данъ...
«На битву!.. на битву, друзья, — веселѣе!..
«Коней осѣдлайте... и скачемъ скорѣе!..»

Дѣйствительно, храбрый Гарольдъ собирая
Гускарловъ и старое войско свое,
Готовился въ битву, давно уже зная,
Что злобный Вильгельмъ ополченъ на его
Страну дорогую родимаго края...
Всѣмъ сердцемъ желалъ онъ Вильгельма сразить,
Созвалъ полководцевъ: Маркера, Эдвина:

«Вильгельма намъ надо, друзья, проучить...
«Такъ двинемся храбро!.. мужайся, дружина!..»
...И всѣ покорились словамъ властелина...
. . . . . .

...Не вѣтеръ деревья по лѣсу ломалъ,
Не листья отъ вихря шумѣли;
—То храбрыхъ норманновъ Гарольдъ побѣждалъ,
И, гордый побѣдой, уже ликовалъ,
А стрѣлы враговъ все летѣли...
Но, что это?.. вдругъ измѣнилась судьба?..
—Три брата Гарольдовыхъ пали?...
...Рѣдѣли ряды; продолжалась борьба,
И съ кликомъ побѣды сливалась мольба;
Норманновъ опять побѣждали!..

На хитрость пошелъ тутъ Вильгельмъ удалой;
Собравши послѣднія силы,
На свѣжемъ конѣ онъ пустился горой,
Съ своей небольшою, но храброй толпой,
На саксовы копья и вилы...
И дрогнули саксы, и кровь полилась,
И бросились въ бѣгство безумно...
Тутъ грозная бойня людей началась...
Гарольдъ испугался: откуда взялась
Ихъ сила?.. Но дики и шумны
Ихъ крики напрасны, и сдвинулъ войска
На гору Гарольдъ, сожалѣя,
И снова могучая сыплетъ рука
Удары... и крови струится рѣка,
То бьютъ англичанъ не жалѣя...
Гускарлы храбры и тверда ихъ броня,
Лишь копья ломали норманны...
Опять подъ Вильгельмомъ убили коня,
А стрѣлы летятъ все, о броню звеня....
«Погибни, Гарольдъ окаянный!..
«Пускайте вы къ небу стрѣлу за стрѣлой,
«Поранимъ ихъ головы, руки!..»

—Воскликнулъ дружинѣ Вильгельмъ удалой,—
«Проломимъ ихъ шлемы!..» И пали толпой
Гаскарлы, не вытерпѣвъ муки...
Вдругъ чья-то Гарольда пронзила стрѣла;
Упалъ онъ съ коня боевого...
И дикая удаль норманновъ взяла,
Дружина Вильгельма поетъ, весела:
«Дождались мы дня дорогого!.»
Предъ Богомъ колѣна Вильгельмъ преклонилъ:
«О, Боже! ты далъ мнѣ побѣду!..»
И, плача отъ счастья, онъ Бога молилъ:
«Прости, что я крови такъ много пролилъ!..
«—Теперь побѣдилъ я сосѣда!..»

. . . . . .

То поле народъ суевѣрный зоветъ,
«Сраженія мѣстомъ» понынѣ;
И слухъ ходитъ: будто тамъ, изъ года въ годъ,
Кровавыя пятна, какъ дождикъ пойдетъ,
Видны на широкой равнинѣ...

1-е декабря, 1900 г.

Это сердца разбитаго сдержанный вопль...

О! мнѣ грустно, мнѣ больно; зачѣмъ надо мной,
Вы всегда такъ жестоко смѣялись?..
Вѣдь вы жизни моей возмутили покой!..
—Вы хотѣли влюбить меня нѣжной игрой...
И достигли, чего домогались!..
Нѣтъ! не въ силахъ я сердца больного унять!
Что творится со мной, я не знаю;
То я плакать хочу и не въ силахъ рыдать..
То я тщетно стремлюсь въ сердцѣ бурю унять,
И жестоко... и глупо страдаю!..
Все, что въ сердцѣ своемъ я сумѣлъ заглушить,
И холоднымъ трудомъ, и наукой...

Вѣрьте! все, что хотѣлъ я забыть, усыпить,
Тотъ огонь, что тогда удалось мнѣ залить,
Вы зажгли во мнѣ съ новою мукой!..
Что мнѣ дѣлать съ огнемъ?.. онъ пылаетъ, горитъ,
И такъ больно, такъ медленно мучитъ!..
...Потушите скорѣй въ бѣдномъ сердцѣ моемъ,
Этотъ бурный огонь!.. пусть забуду о немъ!..
—Онъ сожжетъ меня, съ жизнью разлучитъ!..
Вамъ не жалко меня?.. вы смѣетесь опять?..
Вы раздуть этотъ пламень хотите?...
...Самъ его я теперь ужъ не въ силахъ унять...
...Вы не можете сердца больного понять!..
Пожалѣйте меня и спасите!..

Іюнь, 1899 г.

Крестьяне.

Я люблю поля широкія,
Милой родины моей,
Рѣки быстрыя, глубокія,
Гладь и ширь ея степей!..
Я люблю семью свободную,
Бѣдныхъ русскихъ мужиковъ,
Я люблю всю жизнь народную,
Деревенскихъ простаковъ!
Я люблю ихъ пѣсни вольныя
Про свободу и печаль;
Думы милыя, привольныя,
Мнѣ ихъ часто, часто жаль!..
Я люблю зимой суровою,
Игры, пляски поселянъ,
Хоть стары, но вѣчно новыя,
Сани, горы, сарафанъ!..
Я люблю народъ измученный,
—Оплотъ родины моей,

Горькимъ опытомъ наученный,
Жить съ печалью своей.
Отъ цѣпей рабовъ спасенные,
Александровой рукой,
Ждутъ они, непросвѣщенные,
Свѣта съ грустью и тоской...
Люди грамоту великую,
Не забудутъ никогда,
Годъ, какъ цѣпи рабства дикаго,
Съ нихъ сложили навсегда.
...Я люблю порою лѣтнею,
Слушать пѣсни косарей
Про дубинушку столѣтнюю,
Милой родины своей!..
Наступило воскресеніе,
Слышенъ колокола звонъ,
Весь народъ пришелъ въ волненіе,
—Позабылъ покой и сонъ...
Лица ихъ простыя, честныя,
Вѣры, счастія полны,
Сотворили знамя крестное,
—Горе, бѣдность не страшны!..

Январь, 1901 г.

Море.

Ласково, нѣжно о берегъ высокій
Плещется море холодной волной;
Точно мотивъ напѣваетъ далекій,
Пѣсню поетъ о любви неземной...
Берегъ лобзая струею холодной,
Страстно поетъ оно скаламъ нѣмымъ:
«Вѣтеръ голодный бушуетъ свободно,
«Шлетъ вдохновенье онъ волнамъ моимъ.

«Мнѣ онъ несетъ то покой и прохладу,
«То безконечную муку тоски...
«Знаю я въ жизни одну лишь отраду:
«Пѣть постоянную пѣсню любви!
«Много ужъ лѣтъ я, безбрежный, мятежно
«Вамъ эту пѣсню, о, скалы, пою...
«То я ласкаю васъ страстно и нѣжно,
«Грустно, печально и тихо люблю...
«То, разсердившись, волну за волною
«Бурно любя, посылаю на васъ...
«Осенью поздней и ранней весною,
«Пылъ мой безумный еще не угасъ!..»
Слушаютъ скалы безстрастно, безмолвно
Страстно-безумную пѣснь старика;
Пѣснѣ внимаютъ они хладнокровно,—
Имъ непонятна любовь и тоска...

. . . . . .

Что жъ ты, съ непрошенной пѣснью своею
Къ скаламъ несешь свои волны, старикъ?..
Брось, замолчи... надъ любовью твоею
Скалы смѣются... ты старъ и великъ!
Ты нарушаешь величья созданье,
Благоговѣніе, въ скалахъ къ тебѣ!
Что имъ любви твоей нѣжной признанье?
Что въ твоей страстной, мятежной мольбѣ?
Плескъ только слышатъ... имъ чувства не надо,
Чужды имъ бурныя страсти любви;
Имъ непонятны тоска и отрада...
Брось эти нѣжныя пѣсни свои!..

Декабрь, 1900 г.

Ревность.

О, непонятныя, безсмысленныя муки,
Порывы ревности несносной и глухой...
Я мучаюсь, томлюсь, свои ломаю руки
И по саду брожу, какъ дикій звѣрь лѣсной...
Стремлюсь залить теперь любви горячей пламя,
Какъ бурей, ревностью раздутое въ огонь,
Бушующій въ груди такъ дерзко и свободно...
Прочь, ревность лютая... оставь меня, не тронь!..
...Но гдѣ мнѣ?.. Боже мой! напрасно я стараюсь
Убить змѣю въ себѣ и смерти вынуть ядъ,
Какъ звѣрь подстрѣленный, опять къ окну бросаюсь
И въ эту темноту вперяю дикій взглядъ!..
Любить... любить ее... все чувствовать, все видѣть
И слезы жакія въ мученіи глотать...
И самую любовь безумно ненавидѣть...
О, Боже!.. если бъ могъ я только правду знать!..
О, еслибъ стало силъ забыть мученья эти,
Въ груди глухое чувство ревности разбить,
Забыть любовь свою, забыть все, все на свѣтѣ
И сердце бѣдное отъ мукъ освободить....
. . . . . .

Точно бичъ, любовь карающій,
Мукой сердце наполняющій,
Голосъ твой, больной, рыдающій
Слышу, слышу я въ груди...

Вотъ оно... волной холодною,
Страшной, дикою, свободною,
...Точно дикій звѣрь голодною,
—Чувство ревности, тоски

Непонятной, злой, убійственной
Сильной, жгучей и таинственной,

Но увы!.. теперь единственной,
Заливаетъ грудь мою..

Гонитъ слезы непонятныя,
Дорогія, благодатныя...
Что уносятъ въ необъятную
Даль жестокую тоску,

Лишь на мигъ... потомъ страданія,
Съ новой силою рыданія
И нѣмыя трепетанія
Сердца бѣднаго въ груди!..

...А любовь... любовь безсильная,
Страстью, нѣжностью обильная,
Прочно, какъ плита могильная
Держитъ всѣ мечты мои!..

Іюль, 1900 г.

Акростихъ.

Конченъ томительный путь, но не видно зари на востокѣ ..
Ангелъ по небу плыветъ и рыдаетъ надъ бѣдной землей
...Точно помогутъ землѣ его чистыя, добрыя слезы;
Ясной зари не видать... ангелъ, не лей своихъ слезъ!..

Февраль 1901 г.

* * *

Отчего твои глазки чудесныя
Такъ задумчиво, грустно глядятъ;
Будто горе какое-то тайное
Они снова повѣдать хотятъ?..
Отчего по щекамъ слезы горькія
Часто капля по каплѣ бѣгутъ?..

Неужели тебя, моя милая,
Ужъ невзгоды такъ рано гнетутъ?..
Посмотри!.. вотъ весна просыпается!..
Какъ тепло, какъ свѣтло на душѣ!..
—О! зачѣмъ ты грустишь, моя милая,
—Еще счастіе есть на землѣ!..
Слышишь?.. гдѣ-то вдали заливается
И такъ дивно поетъ соловей?..
—Онъ доставитъ тебѣ исцѣленіе
Мимолетною пѣснью своей!..
Нѣжной музыки, дивной, чарующей
Эти звонкія трели полны;—
Ты забудешь невзгоды, несчастія:
Опьянятъ тебя чары весны!..
А когда эту пѣснь упоенную
Прекратитъ на востокѣ заря,
—Улетитъ твоя грусть непонятная
И наполнится счастьемъ душа!..
Пусть всегда, когда горе незримое
Твое сердце томитъ и гнететъ,
Соловей тебѣ пѣсню влюбленную,
Свою лучшую пѣсню споетъ!..

Мартъ, 1897 г.

Дѣдъ и внучка.

...«Сегодня вечеръ тихій, ясный,—
«Такой спокойный и прекрасный;
«Онъ нѣжитъ, онъ томитъ меня
«Какой-то силой непонятной;
«Все дышетъ счастіемъ весны,
«Природы чистой, благодатной...
«Мечты забытыя и сны,
«И грезы юности туманной
«Встаютъ неясной чередой

«За роемъ, новый рой желанный!..
«Давно ли ждалъ и увлекался?..
«Мечтамъ восторженнымъ, слѣпымъ...
«Наивнымъ грезамъ отдавался?..
«Любилъ, и, вѣруя въ любовь,
«Непрочнымъ счастіемъ плѣнялся?..
«Давно, давно остыла кровь!..
«Люби весну, моя родная,
«Я съ юныхъ лѣтъ ее люблю...
«И до сихъ поръ, ужъ жизнь кончая,
«Я все люблю весну мою!..
«Люблю я шумъ ручьевъ бѣгущихъ
«И зелень нѣжную лѣсовъ...
«Отъ думъ тоскливыхъ, думъ гнетущихъ
«Навѣкъ избавиться готовъ,
«Когда поетъ мнѣ пѣсню нѣжно
«Въ безмолвьи ночи соловей...
«—Я вѣрю свято, безмятежно;
«Вся жизнь мнѣ кажется милѣй!..»
Такъ говорилъ старикъ и слезы
Изъ глазъ поблекнувшихъ текли;
Онъ вспомнилъ, бѣдный, счастья грезы,
Мечты далекія свои...
А внучка слушала, внимала
Его восторженнымъ рѣчамъ,
Ихъ чуткимъ сердцемъ понимала
И дѣтски вѣрила мечтамъ...

Февраль, 1901 г.

Позднее сожалѣніе.

Моя душа полна огнемъ безсильной муки...
Какъ жаль мнѣ васъ теперь, разбитыя мечты!..
Зачѣмъ замолкли вы, чарующіе звуки...
—Зачѣмъ завяли вы, волшебные цвѣты?..

Еще не такъ давно въ груди моей свободно
Кипѣла гордая, горячая любовь...
Вѣдь я любилъ тебя такъ чисто, благородно,
—Но... охладѣлъ теперь... теперь остыла кровь!..
Какъ оправдаться мнѣ?.. быть можетъ я случайно
Постигъ тайникъ и міръ души твоей младой?..
И въ немъ быть можетъ все, что раньше было тайной.
Я разгадалъ своей влюбленною душой?..
Быть можетъ мысль о томъ, что счастье быть любимымъ
Не мнѣ, не мнѣ дано безжалостной судьбой...
(..Вѣдь все же вѣрилъ я своимъ восторгамъ мнимымъ!..)
...Быть можетъ эта мысль убила образъ твой!...
Мнѣ жаль горячихъ чувствъ... мнѣ жаль ее, нѣмую,
Увы, теперь уже погибшую любовь!..
О! Не суди меня!.. я плачу и тоскую,
Грущу и мучаюсь... но не любить мнѣ вновь!..
Какъ сонъ промчались дни, отрадные, святые,
Когда я могъ... тебя, когда я смѣлъ любить,
Зачѣмъ вы далеко, мечтанья золотыя?..
Я до сихъ поръ еще васъ не могу забыть!..
...Вотъ, я стою одинъ, свои ломая руки...
...О, жаль мнѣ, жаль мнѣ васъ, разбитыя мечты!..
Зачѣмъ замолкли вы, чарующіе звуки?..
Зачѣмъ завяли вы, волшебные цвѣты?..

Апрѣль, 1898 г.

Бурная ночь.

Полночь. Вѣтеръ безпокойный
Бьется, стонетъ и реветъ,
И хохочетъ, и рыдаетъ...
И бушуетъ, и поетъ...
Вотъ, гонимы вѣтромъ злобнымъ,
Тучи темныя летятъ,

И, какъ будто бы другъ друга,
Перегнать они хотятъ...
Мѣсяцъ скрылся, звѣздъ не видно,
Все кругомъ покрыто тьмой...
Только молнія мгновенно,
Освѣщаетъ мракъ ночной...
Птицы спавшія проснулись,
Въ страхѣ темный лѣсъ шумитъ;
—Гдѣ-то каркаетъ ворона,
Сычъ пронзительно кричитъ...
На душѣ тоскливо, страшно...
Думы мрачныя влекутъ,
И въ больномъ воображеньи,
Привидѣнія встаютъ...
Вѣдьмы, лѣшіе рѣзвятся,
Въ дикой пляскѣ круговой,
Между тучами несутся,
Вѣтра бурнаго игрой...
Въ деревняхъ проснулись люди;
Въ избахъ, набожно крестясь,
Просятъ Бога, чтобы буря,
Поскорѣе пронеслась...

Мартъ, 1898 г.

* * *

Я хочу, чтобы въ безмолвьи ночи,
Хоть на мигъ остались мы одни,
На меня твои смотрѣли очи,
Ты бы мнѣ клялась въ своей любви.

Я хочу обнять тебя, родная,
Цѣловать, и плакать, и любить.
Милый ликъ съ любовію лаская,
О любви съ тобою говорить!

Чтобы тамъ, на небѣ мѣсяцъ ясный
Высоко надъ нами тихо плылъ,
И, какъ сонъ далекій и прекрасный,
Для меня твой чудный голосъ былъ!..

Чтобы мы въ безумномъ упоеньи,
Вѣкъ клялись другъ друга не забыть,
И уста въ нѣмомъ благоговѣньи,
Въ поцѣлуй хотѣли-бъ тихій слить.

А кругомъ пускай весна младая,
Мирно спитъ покойной ночи сномъ.
Пусть теперь вернутся грезы мая...
И весна, весна царитъ кругомъ!

Аврѣль, 1898 г.

Другу.

О, милый, милый другъ, мнѣ больно сознаваться,
Что я хочу, какъ всѣ, и славы, и похвалъ,
И жалко мнѣ съ мечтой любимою разстаться,
Мой другъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я печатать сталъ.
Не осуждай меня... такъ строго и сурово
Не говори о зломъ желаніи моемъ.
Пойми, пойми его, оно тебѣ не ново,
Оно царитъ давно среди людей кругомъ!
...Я хочу побѣдить думы, чувства людей,
Воплощеніемъ мысли своей.
И горячей волной, быстролетной волной,
Принести въ грозной бурѣ покой.
Я хочу, чтобы сердце забилось сильнѣй,
Отъ наплыва желанныхъ идей,
Что давно зарождались невнятно въ груди,
Оставаясь всегда впереди...

Пусть же черствое сердце забьется хоть разъ,
И закапаютъ слезы изъ глазъ!
Пусть съ улыбкой счастливой придешь ты сказать,
Что тебѣ было легче страдать!..
Я хочу, я хочу, чтобы думы мои,
Волновали мечтанья твои!
Часто долго томлюсь я въ безсонную ночь,
И мнѣ больно, мнѣ жалко не въ мочь;
Я хотѣлъ бы кричать всею грудью своей,
Чтобы тронуть бездушныхъ людей!..
..Но я буду бороться съ безсильемъ моимъ,
Дорогою мечтою томимъ,
И людской приговоръ не наложитъ цѣпей,
На свободу завѣтныхъ идей...
Пусть цѣною печальныхъ и радостныхъ грезъ,
Я куплю себѣ счастье безъ слезъ!..

Іюль, 1901 г.

* *
*

О, зачѣмъ теперь васъ нѣтъ со мною?..
Такъ кругомъ печально и темно;
Ночи мракъ глядитъ въ мое окно;
Все полно зловѣщей тишиною!..
Только вы своей улыбкой милой
Грусть мою могли бы унести,
...Но васъ нѣтъ... я вамъ сказалъ «прости!..»
—Жизнь безъ васъ— холодный мракъ могилы!..
...Вотъ опять любви моей мечтанья
Въ эту ночь заснуть мнѣ не даютъ!..
—Счастье мнѣ съ собою не несутъ,
Тяжки вы, больной души страданья!..

Мартъ, 1899 г.

Отецъ и дочь.

(Отрывокъ изъ недоконченной старинной поэмы).

I.

...Съ тѣхъ поръ промчался мѣсяцъ цѣлый,
Какъ незнакомецъ молодой,
Красавецъ ловкій и умѣлый,
Увезъ души ея покой...
Ея, моей красотки милой,
Незнавшей горя никогда.
Стряслась нежданная бѣда...
Какой-то непонятной силой,
Ее влечетъ къ нему, къ нему,
И злому чувству своему,
Она боится дать названье...
Какъ прежде, Настя не поетъ,
Въ груди печаль, тоска, страданье;
Она въ слезахъ кого-то ждетъ...
Сердечко робкое трепещетъ
И замираетъ и болитъ...
Какъ прежде, взоръ ея не блещетъ,
Она не ѣстъ, она не спитъ...
Въ туманномъ сумракѣ полночи,
Неотразимо передъ ней,
Встаютъ и долго смотрятъ очи...
И грусть, тоска еще сильнѣй!
Старикъ отецъ понять не можетъ,
Что дочку бѣдную томитъ,
Какое горе Настю гложетъ,
О чемъ печалитъ и груститъ.
«Скажи мнѣ, Настя дорогая,
«О чемъ ты плачешь въ тишинѣ?
«Что значитъ грусть твоя нѣмая,
«При этой радостной веснѣ?
«Скажи мнѣ, кто тебя обидѣлъ,

«Дочурка рѣзвая моя?
«Одна, одна ты у меня!
«Люблю твой смѣхъ веселый, звонкій,
«И пѣсни милыя твои,
«Твой голосокъ пріятный, тонкій:
«Онъ веселитъ мечты мои!..
«Теперь я смѣха дорогого,
«Увы! не слышалъ ужъ давно...
«Мнѣ тоже грустно; все темно...
«О! пожалѣй отца родного!...»

II.

И Настя грустную головку
Къ отцу склонила на плечо,
И, обнимая горячо
Отца дрожащею рукою,
Ему сквозь слезы говоритъ:
«Мнѣ лучше, папа, ты со мною;
«Тоска давно меня томитъ...
«Какъ будто что-то дорогое
«На вѣкъ покинуло меня...
«Ахъ! я не знаю, что такое;
«Мнѣ непонятна грусть моя...
«Не милъ мнѣ солнца свѣтъ весенній,
«И нѣжный ропотъ ручейковъ
«И зеленѣющихъ лѣсовъ,
«Далекій шумъ, родной, знакомый...
«Я долго вечеромъ сижу,
«И грудь моя полна истомой,
«Я въ даль туманную гляжу...
«Мнѣ плакать хочется безумно,
«И даже слезъ желанныхъ нѣтъ,
«А сердце бьется сильно, шумно,
«Тревожнымъ мыслямъ мнѣ въ отвѣтъ!
«Прости меня, мой папа милый,
«Что я встревожила тебя!
«О, дорогой! спаси меня

«Отъ этой непонятной силы,
«Тоски навязчивой моей!..
«Томленья муки безконечной,
«Въ груди моей несносны, вѣчны,
«О! съ каждымъ днемъ они сильнѣй!..»
И Настя, папу обнимая,
Не удержала слезъ своихъ...
«Не плачь, не плачь, моя родная!..»
Сказалъ старикъ... и самъ затихъ,
Рукою слезы утирая...

. . . . . .

Тянулись дни тоскливо, скучно,
Для бѣдной дѣвочки моей,
И днемъ, и ночью передъ ней
Стоялъ все тотъ же онъ, далекій,
Туманный образъ дорогой...
Предметъ тоски ея глубокой,
Печаль души ея больной...

III.

. . . . . .

«Приди ко мнѣ, мой другъ далекій,
«Желанный, милый, дорогой...
«Возьми печаль тоски глубокой,
«Верни душѣ моей покой!..
«Приди ко мнѣ, мой богъ прекрасный,
«Незримый царь души моей...
«Какъ лѣтній день, какъ солнце ясный,
«Хочу, хочу я быть твоей!..»
Такъ плачетъ Настя ночью темной,
И сонъ бѣжитъ ея очей,
И съ новой ночью горячѣй,
Еще томительнѣе муки...
И ихъ виновника она
Зоветъ, зоветъ, ломая руки...
О, злая боль въ груди сильна!..
Пылаютъ щеки, блещутъ очи,

И косы расплелись волной;
Въ нѣмой тиши прозрачной ночи
Ей слышенъ голосъ дорогой...
. . . . . .
И Настя бѣдная рѣшила
Его, далекаго искать,
И со слезами все сказать,—
Что выше воли эта сила,
Что мочи нѣту ей страдать!
. . . . . .
Отысканъ поводъ; лошадь взята;
И вотъ поѣхала она,
Нѣмымъ сомнѣніемъ объята,
Вся новыхъ, лучшихъ чувствъ полна,
Горя рѣшимостью безумной,
—Верстъ за пятнадцать, въ городъ шумный...
Сквозь слезы, блѣдная, съ мольбою,
Краснѣя говоритъ она,
Какъ бы на казнь осуждена
Несправедливою судьбою,
Своей тоской приведена...
..«Я васъ давно, давно искала!..
«Души моей желанный миръ
«Для васъ я, милый, потеряла...
«Я васъ люблю!.. вы мой кумиръ!..»
И Настя жаркими устами
Припала... тутъ къ его устамъ
...И обняла его руками...
«О, Настя милая, я самъ
«Люблю, люблю тебя глубоко
«И жалко мнѣ, что ты далеко...
«Ты счастье мнѣ съ собой несла
«...Ты мнѣ открыла... ты дала
«Желанный свѣтъ средь мрака ночи,
«...Съ тѣхъ поръ твои нѣмыя очи
«Все блещутъ, блещутъ предо мной
«И освѣщаютъ мракъ ночной....
«Какъ сонъ, туманный и далекій,

«Твой голосъ часто слышу я,
«И онъ зоветъ, зоветъ меня,
«Давая жизни смыслъ глубокій!..»

IV.

Онъ говорилъ и сердце Насти
Внимало съ трепетомъ рѣчамъ;
...Въ отвѣтъ ея безумной страсти
Въ любви онъ признавался самъ!..
. . . . . .
Мнѣ жаль тебя, ребенокъ бѣдный,
Не стоитъ онъ любви твоей!—
Въ его душѣ, увы!—безслѣдны
Печаль и страсть твоихъ рѣчей!
Не стоитъ онъ твоихъ мученій,
Тоски твоей не утолитъ!..
Онъ рабъ порочныхъ наслажденій,—
—Желанье быстро пролетитъ!..
Ты, роза юная весною,
Мила, прелестна и нѣжна,
Злой, безсердечною рукою
Отъ лепестка оторвана!..
Ахъ, жаль мнѣ, жаль мнѣ бѣдной Насти,
Какъ бы послушна вышней власти,
Мечтѣ, кумиру своему,
Бѣдняжка отдалась ему ..
А онъ, кумиръ!.. палачъ жестокій,
Мечты и счастіе разбилъ;
Миръ безмятежный, миръ глубокій
Навѣкъ унесъ и осквернилъ!..
. . . . . .
Онъ Настю звалъ въ свои подруги,
Въ любви ей клялся безъ конца
И все просилъ, чтобы отца
Теперь она не извѣщала,
Что любитъ нѣжно онъ ее:
«Я сердце отдаю свое,

«Я весь въ твоей желанной власти,
«Я жизнь отдамъ тебѣ свою
«Въ залогъ моей безумной страсти»;
—Такъ говорилъ онъ бѣдной Настѣ;
«Тебя одну навѣкъ люблю!..»
И Настя съ вѣрою глубокой
Внимала голосу его;
Онъ здѣсь, онъ съ ней, родной, далекой
...Онъ не жалѣетъ ничего
Для друга сердца своего!..
...Мнѣ жаль тебя, отецъ несчастный,
Не зналъ ты дочери своей!—
Ея натуры пылкой, страстной...
—Не понялъ смыслъ ея рѣчей!..
Отъ злой любви она страдала,
Безумно въ первый разъ любя,
Для ней покинула тебя
И ночью темною рыдала!..
...Старикъ хлопочетъ, ѣздитъ, ищетъ
—Никто не знаетъ, гдѣ она:
Съ весной умчалася весна,
Покинувъ дома кровъ родимый...
...Въ слезахъ, сидящимъ у крыльца,
Я вижу бѣднаго отца;
Онъ плачетъ здѣсь, тоской томимый,
Въ мечтахъ о дочери любимой
Лепечетъ долго въ тишинѣ:
«Ахъ Настя, Настя дорогая,
«Дочурка милая, родная,
«Приди, вернись опять ко мнѣ!..»
...Заходитъ солнце золотое,
Старикъ груститъ въ мечтахъ о ней:
«Гдѣ ты, дитя мое родное,
«Съ нѣмою печалью своей?..
«Ужъ столько дней твой голосъ нѣжный,
«Вблизи себя не слышалъ я!..
«Печаль души твоей мятежной
«И прежде мучила меня!..»

Старикъ груститъ, старикъ тоскуетъ,
И ночи долгія безъ сна,
Все таже мысль его волнуетъ:
Что съ ней случилось? гдѣ она?..

V.

Играютъ хлопья, вѣтеръ свищетъ;
Мятель бушуетъ и поетъ...
По лѣсу волкъ голодный рыщетъ
И кости голыя грызетъ...
Звонъ колокольчика несется...
...Почти совсѣмъ занесена
Лошадка, въ дровни впряжена,
Рысцей усталою плетется...
На дровняхъ дѣвушка сидитъ;
Дрожитъ отъ холода и жмется
И вдаль съ тревогою глядитъ,
А снѣгъ кругомъ крутитъ и вьется...
...Вѣдь это Настя! Боже мой!
Одна, на дровняхъ въ вьюгу злую!..
Ахъ, Настя, Настя, что съ тобой?..
Что значитъ ликъ тревожный твой
И эта жалкая одежда?..
...Скажи! куда ты ѣдешь въ ней?..
Въ твоихъ глазахъ ужъ нѣтъ надежды!..
Ужъ не блеститъ твой взоръ, какъ прежде:
Я не узналъ твоихъ очей!..

. . . . . .

Бушуетъ вьюга, вѣтеръ злится,
Холодный снѣгъ крутитъ и вьетъ;
Лошадка въ дровняхъ чуть тащится...
Тревога Настина растетъ...
Она дрожитъ, она боится
Свирѣпой вьюги, стужи злой...
Сильнѣй и гуще снѣгъ крутится,
Все скрыто бѣлой снѣжной мглой...

Ей въ вихрѣ чудится порою,
Какой-то страшый хороводъ:
Несутся духи чередою,
Шумящей, бурною толпою,
И все быстрѣй, быстрѣй ихъ ходъ ..
...Они поютъ, они хохочутъ,
Кружатся, пляшутъ въ вышинѣ...
...Кричать напрасно Настя хочетъ;
Ей страшно, душно, какъ во снѣ...
А вьюга злая все сильнѣе,
Лошадка выбилась изъ силъ...
Кругомъ становится темнѣе,
...Ужъ вечеръ быстро наступилъ...
Темно. Кругомъ ни зги не видно,
Лишь вьюга жалобно реветъ,
И злобно снѣгъ кругомъ мететъ...

IV.

«...Приди... приди, мой другъ далекій!..
Лепечетъ Настя, какъ во снѣ,
«Ахъ, страшно, душно, жалко мнѣ...
«Я здѣсь, какъ въ пропасти глубокой!..
«Ко мнѣ, мой папа дорогой!..
«Прости ты дочь свою родную,
«Пойми любовь ея больную...
«О! сжалься, сжалься надо мной!...
«Онъ говорилъ, что будетъ вѣчно
«Меня лелѣять и любить,
«Что съ нимъ я буду жить безпечно,
«Его любимымъ другомъ быть
«Мнѣ было счастіе, конечно!..
«Вѣдь я люблю, люблю его,
«Безумно, страстно, непонятно...
«Себя сгубила для него,
«Забыла жизнь, тебя и все,
«Что прежде вѣрой, счастьемъ было,
«Всю жизнь я въ жертву принесла,

«Тому, котораго любила
«И для котораго ушла,
«Ушла, покинувъ кровъ родимый,
«Тебя, мой папа дорогой,
«Такъ нѣжно съ дѣтскихъ лѣтъ любимый,
«Не осуждай поступокъ мой!..
«Я потерпѣла наказанье...
«Тяжелый грѣхъ мой искупленъ;
«За ту любовь, за то признанье...
«За всѣ жестокія страданья
«—Меня изъ дому выгналъ онъ! .
«...Когда тебя увижу снова,
«Я, дочь преступная твоя,
«Не мучь еще жестокимъ словомъ,
«Не осуждай, молю тебя!..
«О! свой позоръ я искупила,
«Цѣной мученій дорогихъ;
«Виновна-ль я, что я любила
«Всей страстной силой чувствъ своихъ?..
«Прости меня, отецъ далекій,
«Въ послѣдній разъ молю тебя!..
«Прости позоръ любви глубокой!
«Прости! и я умру любя!..
«Умру съ душой спокойной, ясной,
«Засну средь этой вьюги злой,
«И даже образъ тотъ прекрасный,
«Не возмутитъ души покой!..
«...Я сплю... глаза мои закрыты!..
«...Мнѣ лучше... сладко и тепло...
«...Мечтанья скорбныя забыты...
«И впереди свѣтло... свѣтло!..»

. . . . . .

Играетъ вьюга, вѣтеръ воетъ,
И снѣгъ вздымаетъ и крутитъ,
Холодной мглою небо кроетъ,
А Настя... крѣпко, крѣпко спитъ!...

. . . . . .

Эпилогъ.

Не перенесъ отецъ утраты,
Любимой дочери своей;
Кѣмъ были свѣтлы и богаты,
Мечты и грезы прежнихъ дней...
Онъ умеръ раннею весною,
Ужъ дряхлымъ, дряхлымъ старикомъ;
Угасъ съ безумною тоскою,
Въ зломъ одиночествѣ своемъ...
Прощаясь съ жизнью, умирая,
Онъ Настю долго звалъ къ себѣ:
«Приди съ весной, моя родная!
«Промчался годъ, а ты мольбѣ
«Не внемлешь, дочка дорогая!..»
. . . . . .
А Настю послѣ отыскали,
Замерзшею среди полей,
...И на кладбищѣ закопали,
И крестъ поставили надъ ней...
...Такъ жизнь окончила она,
Своей любовью сражена!..
...Но гдѣ же тотъ герой безпечный?
Читатель спроситъ у меня,
Гдѣ этотъ рыцарь безсердечный?
Ужели, честь свою храня,
Онъ до сихъ поръ невинныхъ губитъ,
За то, что тѣ, не знавъ его,
Ужъ слишкомъ глубоко полюбятъ,
Всей силой сердца своего?..
Конечно, такъ!.. теперь, какъ прежде,
Онъ губитъ, губитъ, не щадя,
Ни душъ, ни чувства, ни надежды,
А только прихоть и себя!..
Когда о смерти бѣдной Насти,
Потомъ случайно онъ узналъ,
То, вспомнивъ о забытой страсти

Ея къ себѣ, онъ такъ сказалъ:
«Мы всѣ, кто раньше, кто позднѣе,
«Для жизни умереть должны...
«—Живи! пока въ груди сильнѣе
«Желанье, лучше, веселѣе,
«Прожечь года своей весны!..
«Мнѣ жаль ее... мнѣ жаль, конечно!..
«...Но чѣмъ же я виновенъ былъ?..
«Вѣдь я любить не могъ же вѣчно!»
—Увы! ты вовсе не любилъ!..

Заключеніе.

Когда будешь ты, другъ, эту повѣсть читать,
Не ищи въ ней веселыхъ забавъ...
Если ты, мой читатель, умѣешь страдать,
Ты увидишь, что авторъ былъ правъ!..
Льются слезы волной въ этой жизни земной,
Наша жизнь эгоизма полна;
Будетъ счастливъ лишь тотъ, кто, храня свой покой,
Въ опьяненьи пріятнаго сна,
Не жалѣетъ людей для забавы своей...
Рабъ позорныхъ, но сладкихъ страстей!..
Наша жизнь создана, какъ могила темна,
И не видно зари впереди...
Но я вѣрю глубоко, вернется весна...
..Чувство правды проснется въ груди...
Засіяетъ кругомъ надъ заманчивымъ зломъ
Свѣтъ добра, красоты и любви,
Заиграетъ на насъ животворнымъ лучемъ,
И забудемъ мы страсти свои!..

Кронштадтъ. Апрѣль, 1901 г.

Посвящается К. А.

Когда въ полночный часъ, разбитый и усталый,
Я излѣчить стремлюсь безсонницы недугъ,
И, бросившись въ постель, напрасно спать стараюсь,
Къ ней, къ ней усталый умъ влечетъ меня, мой другъ!..

* * *

И слышу звуки я далекихъ, дивныхъ пѣсенъ,
Какія въ юности слыхалъ когда-то я,
И, кажется, душа отъ этихъ звуковъ чудныхъ,
Томится, нѣжится, болитъ, страдаетъ вся!..

* * *

То вдругъ мнѣ кажется, что въ волнахъ фиміама,
Передо мной она... прекрасна и блѣдна;
О, какъ жалѣю я, что въ тяжкій день разлуки,
Мнѣ не пришло на умъ, что эта жизнь одна!..

* * *

...Уже не въ первый разъ, средь ночи непроглядной,
Больная... блѣдная... съ страдальческимъ лицомъ,
Съ улыбкой горькою и влажными глазами,
Опять стоитъ она... Прійди! прійди потомъ!..

* * *

Прійди ко мнѣ тогда, когда зефиръ ласкаетъ,
Верхи младыхъ березъ и листья шевелитъ,
Когда душа моя въ восторгѣ замираетъ,
А сердце бѣдное огнемъ любви горитъ!..

* * *

О! я хочу, чтобъ все, чтобъ все напоминало,
Твою любовь ко мнѣ, умершую съ тобой,
Чтобы твоя тоска мнѣ душу наполняла
И еслибъ я страдалъ, страдала ты со мной!..

* * *

Но что это?.. кругомъ молчаніе нѣмое;
Вдругъ слышу голосъ я... печально онъ звучитъ:

«О, сынъ мой!.. не грусти!.. придетъ, настанетъ время,
«Тоска въ душѣ твоей на вѣки замолчитъ!..

* * *

«Ты будешь веселъ вновь, судьбу благословляя,
«Ты снова будешь жить съ надеждою въ груди,
«И думы мрачныя въ забвеньи оставляя,
«Узнаешь, наконецъ, и счастіе земли!..»

Октябрь, 1900 г.

Нѣчто о любви.

Позабывши тревогу ненастнаго дня,
Позабывъ неудачи свои,
Ты послушай, мой милый, послушай меня;
Я спою тебѣ пѣсню любви!

* * *

Ахъ, такъ много поется и пѣлось о ней,
И тебѣ ужъ не нова она...
Намъ знакома любовь и съ печалью своей,
И туманнаго счастья полна!..

* * *

И въ безлунную, темную лѣтнюю ночь,
Мы, мечтая о страсти, не спимъ...
Шепчетъ матери тихо влюбленная дочь:
«Умереть я хотѣла бы съ нимъ!..»

* * *

Умереть!.. для чего, почему умереть?
Вѣдь для жизни же счастье людей...
А другой говоритъ: «я хочу улетѣть
Далеко вмѣстѣ съ милой моей!

* * *

Чтобъ не знать о печали и скорби земной,
Чтобы съ ней никогда не грустить...»

Отъ земли не уйдешь далеко, милый мой,
На землѣ будешь жить и любить!

* * *

Горячо полюбивъ, если лучше ты сталъ,
Если хочешь честнѣе прожить,
Если ближе блеститъ впереди идеалъ,
То ты долженъ... ты долженъ любить!

* * *

И не только при свѣтѣ далекой луны,
Или страстью своей опьяненъ...
Это жизнь для тебя, а то были лишь сны;
Помни, быстро уносится сонъ!

* * *

И слѣда не оставитъ онъ въ жизни твоей.
И не сдѣлаетъ лучшимъ тебя...
Нѣтъ, люби на яву, сердцемъ, мыслью своей,
Чтобы сдѣлаться лучшимъ любя!

* * *

Пусть любовь будетъ лучшій, могучій рычагъ,
Чтобы худшее все заглушить...
Пусть высоко поднимешь ты знамя и стягъ,
Чтобы смѣло и гордо любить!

* * *

Такъ любить, чтобы душу и сердце свое,
Отучить отъ неправды земной,
Такъ любить, чтобы вѣра, и знанье, и все,
Только правдѣ служило родной!..

Іюнь, 1901 г.

Молитва.

Когда душа моя тоскуетъ,
И сердце ноетъ и болитъ,
Когда послѣдній лучъ надежды
Во мнѣ ужъ больше не горитъ,

Тогда спѣшу я чистымъ сердцемъ
У Бога помощи молить,
Чтобы молитвою душевной,
Страданье сердца утолить...
Я говорю: «Творецъ всесильный,
«Лишь Ты одинъ поймешь меня!
«Пошли отраду, утѣшенье;
«...Я вѣрю, Господи, въ Тебя!..»
...И вѣрю, что моя молитва,
Въ душѣ безслѣдно не пройдетъ,
Что жизнью новой, безмятежной,
Больное сердце заживетъ!..

Декабрь, 1896 г.

* *
*

Умираетъ она; быстро гаснутъ и тухнутъ мечты молодыя,
Догораетъ любовь въ ея сердцѣ мятежномъ и пламя въ очахъ;
Вотъ, рыдая, толпятся вокругъ ея ложа друзья и родные,
И ихъ блѣдныя щеки, глаза, выражаютъ томленье и страхъ...

Что боятся они?.. развѣ смерть, какъ и жизнь безпощадно жестока?
Что рыдаютъ такъ горько надъ ней, безконечной тоскою полны?..
Когда тѣло умретъ, отъ земли духъ свободный умчится далеко,
И витать будетъ тамъ, высоко, гдѣ лишь грезы витали и сны!..

Іюль, 1901 г.

Нѣжно плещетъ волны море голубое...

Нѣжно плещетъ волны море голубое,
Точно пѣсню мнѣ печальную поетъ...
Ахъ, волна, возьми, умчи меня съ собою;
Эта жизнь меня пугаетъ и гнететъ!..

Покажи страну мнѣ, что безъ слезъ печали,
Гдѣ помочь сумѣютъ, гдѣ утѣшатъ насъ!
Мчи, волна, скорѣй, чтобъ люди не видали;
Вѣдь людской, ты знаешь, такъ завистливъ глазъ!..
Прибѣгутъ, увидятъ... ахъ, умчи скорѣе...
Еще нѣтъ людей докучливыхъ кругомъ!..
...Но волна въ отвѣтъ лишь плещется нѣжнѣе,
Блещетъ, отливаясь яснымъ серебромъ:
«Не могу умчать я, не могу, мой милый,
«Нѣтъ страны такой, куда стремишься ты!..
«Отчего такъ скученъ, грустный и унылый?..
«Что тревожитъ сердце?.. что гнететъ мечты?..»
О печали сердца я повѣдалъ морю,
Голубому морю, ласковой волнѣ,
И въ мятежномъ сердцѣ облегчилось горе,
Освѣжились грезы; стало легче мнѣ!..
...Нѣжно плещутъ волны, плещутъ и играютъ,
И о берегъ бьются, и на берегъ льнутъ;
Мнѣ отрадой тайной душу наполняютъ;
...То надежды шепчутъ, то любовь несутъ!..

Іюль, 1901 г.

* * *

Позабыли люди, какъ бывало прежде
Трепетало сердце, жаркихъ грезъ полно,
Какъ сулили много для души надежды,
Какъ безъ чувствъ бывало пусто и темно!
Позабыли люди, осквернили люди
Идеалы вѣры и мечты родной...
И въ борьбѣ со злобой ихъ изныли груди;
...Безъ души,—безъ свѣта бродятъ въ тьмѣ ночной!..
Размѣняли люди думы, чувства, грезы
На покой безличной и больной мечты,
Подавили вѣру, осушили слезы
И лишили сердце прежней красоты.

Вмѣсто идеаловъ чистыхъ и высокихъ
Золотой телецъ бездушный насъ зоветъ...
Мы забыли счастье, трепетъ чувствъ глубокихъ;
Жизнь томитъ и мучитъ, безъ поры гнететъ!..
...Ахъ! проснись... опомнись, оглянись скорѣе!
Жизнь души къ себѣ забытую зови!..
Станетъ все кругомъ, и лучше, и свѣтлѣе...
Пожалѣетъ сердце о былой любви!..
Будешь рваться вѣрить, будешь ждать участья,
Будешь въ сердцѣ правду и тепло носить...
И другимъ, другимъ подавъ источникъ счастья,
Будешь брата нѣжно, какъ себя любить
. . . . . .
Ночь темна, но близко, близко свѣточъ ясный,
Заблеститъ разсвѣтъ и дрогнетъ сонъ земли,
Засіяетъ скоро гордый и прекрасный
Идеалъ могучей правды и любви!..
Быстро мчится время и года несутся,
И несутся жизни въ бездну бытія...
Я глубоко вѣрю, что сердца проснутся
И разсвѣта жаждетъ вся душа моя!..

Сентябрь, 1901 г.

Поздно...

(мелодекламація).

Поздно... заснуть не могу; милыя думы и грезы
Снова, какъ прежде, со мной въ сердцѣ мятежномъ моемъ...
Снова хочу заглушить страстныя, жгучія слезы...
Образы мысли растутъ... носятся, плачутъ кругомъ!
Снова тебя я хочу въ мглѣ этой ночи, родная,
Руки ломая зову... слышишь ли, другъ дорогой?..
...Вздохъ мой несется къ тебѣ... долго дрожитъ, замирая,
...О, почему тебя нѣтъ здѣсь этой ночью со мной?..

Вижу я очи твои... плачутъ онѣ и смѣются,
Нѣжно глядятъ издали, душу терзая мою...
Милые прежніе дни!.. больше они не вернутся...
...Гдѣ вы, далекіе дни!.. Снова тебя я люблю!..
Что въ твоемъ сердцѣ?.. Скажи!.. Помнишь ли слезы былыя?
—Грустно и тяжко теперь... милая, помнишь?—Скажи?..
Вечеръ въ тѣнистомъ саду... наши мечты молодыя...
Помнишь далекіе дни?.. трепетъ мятежной души?..

Сентябрь, 1901 г.

* * *

Ты мучишься, мой другъ, загадкою томимый
Надъ подавляющею тайной бытія?..
Но это до тѣхъ поръ вопросъ неразрѣшимый,
Пока матеріи покорна жизнь твоя!

Душа способна дать тебѣ отвѣтъ правдивый
На все, что жалкій умъ не въ силахъ разгадать,
Когда языкъ души, языкъ краснорѣчивый
Ты съ юныхъ лѣтъ привыкъ и хочешь понимать!

Сентябрь. 1901 г.

Въ сумерки.

Вечеръ спускался на землю уставшую;
Въ улицахъ шумъ замолкалъ...
Первую звѣздочку, нѣжно блиставшую,
На небѣ я замѣчалъ...

Плакало въ сердцѣ желанье мятежное
Съ милой звѣздой говорить;
Чувство далекое, ясное, нѣжное
Звало мечтать и любить...

Тихо качались деревья высокія;
Страстно шептались они;
Мысли мои, мои думы глубокія
Миръ непонятный несли...

...Милые образы, лица неясныя
Чудятся въ сумракѣ мнѣ;
Звуки желанные, звуки прекрасные
Жгутъ и томятъ, какъ во снѣ...

Дѣтства далекаго, дѣтства желаннаго
Слушалъ знакомый мотивъ,
Чувствуя въ сердцѣ отраду туманную,
Вѣры и счастья приливъ...

Другъ!.. Ты повѣришь?.. не я вѣдь единственный
Вечеръ и грезы люблю!..
Въ нихъ глубина этой грусти таинственной...
...Понялъ ли пѣсню мою?..

Сентябрь, 1901 г.

Осенніе мотивы.

Другъ мой, о, другъ мой, скажи, что такъ сегодня уныло
Солнце на землю глядитъ, будто печалитъ оно?..
Другъ мой, скажи, отчего сердце такъ больно заныло,
Грустно, тревожно дрожитъ, слезъ, сожалѣній полно?..
Другъ мой, скажи, гдѣ теперь наши былыя надежды?..
Ими вѣдь люди живутъ, ими лишь дышутъ они!..
Помнишь, бывало, давно... какъ мы надѣялись прежде?
Помнишь, какъ прежде съ тобой ждать и любить мы могли?..
«Осень настала теперь; видишь?.. листы пожелтѣли;
Солнце все рѣже на насъ хмуро и грустно глядитъ!»
Другъ мнѣ сказалъ и слезой очи его заблестѣли...
«Съ нами природа сама плачетъ, тоскуетъ, груститъ...»

Сентябрь, 1901 г.

* * *

Быстро мчится вѣтеръ, мчится и рыдаетъ
И на волю рвется изъ оковъ земныхъ;
Тамъ, въ груди мятежной, сердце замираетъ,
Бьется и трепещетъ, полно чувствъ больныхъ...

На свободу рвется сердце молодое
Изъ цѣпей толпы, гдѣ душно и темно,
Чтобъ забыть навѣки скучное и злое,
Все, что жизнью нашей для земли дано...

Что создали сами, чувства, вѣры чужды,
Что лелѣемъ нынѣ, жизнь души губя...
...Побѣдилъ разсудокъ черствый сердца нужды;
Но бездушной жизнью не спасти себя...

Посмотрите, люди: сухо и безцвѣтно,
Полна прозы скучной наша жизнь течетъ!
Спитъ, заснуло сердце... сердце безотвѣтно;
Духъ его бросаетъ, жизнь его гнететъ!

Сентябрь, 1901 г.

Надсону.

О, милый, дорогой... сейчасъ мнѣ грустно стало
И ты, одинъ лишь ты, отвѣтилъ на печаль.
...Отвѣтилъ и послалъ слезу мнѣ, какъ бывало,
И грусть, и душу всю унесъ куда-то вдаль!

Зачѣмъ такъ рано ты, сраженъ его рукою,
Вкусивъ смертельный ядъ и ложь его статей,
Недугомъ удрученъ, печалью и тоскою,
Зачѣмъ такъ рано ты забылъ своихъ людей?

Забылъ, покинулъ насъ: ужель на вѣкъ разбита
Та арфа дивная?.. аккордъ едва дрожитъ..
Вѣдь не одна слеза была тогда пролита,
И не одинъ изъ насъ тебя, какъ прежде чтитъ!..

Вотъ, ты покинулъ насъ... ушелъ и взялъ съ собою
Сердца людей, отъ сна разбуженныхъ тобой;
Безъ вѣры, безъ души мы боремся съ судьбою,
И гибнемъ безъ любви, сраженные борьбой!..

Бывало, увлеченъ твоею грустью милой,
Бездушный человѣкъ томился и вздыхалъ;
Его влекло къ тебѣ какой-то тайной силой:
Ты миръ души ему и сердца открывалъ!..

. . . . . .

Октябрь, 1901 г.

* *
*

Не теперь, а давно, въ миломъ дѣтствѣ моемъ,
Я слыхалъ въ чьемъ-то сердцѣ, любимомъ, родномъ,
Эти нѣжныя звуки печали...
...Я не слышу теперь... и мнѣ кажутся сномъ
Отголоски плѣнительной дали!..

* * *

Послѣ, въ грохотѣ бури и въ шумѣ валовъ,
Въ жгучихъ вопляхъ страданій людскихъ голосовъ,
Я не слышалъ ту пѣснь дорогую...
Много скучныхъ и длинныхъ промчалось годовъ;
До сихъ поръ я о пѣснѣ тоскую!..

* * *

Но мнѣ чудится часто, что сердце полно
Этихъ звуковъ родныхъ, и трепещетъ оно,
И горитъ, и дрожитъ, замирая...
Можетъ снова мнѣ счастье узнать суждено
Въ этихъ звукахъ далекаго рая!..

* * *

Онъ—весь, юность и грусть этотъ милый мотивъ:
Въ немъ я жду то печали, то счастья приливъ;
Онъ, тотъ образъ родной и любимый,
Мнѣ напомнитъ яснѣй, чтобъ сильнѣй полюбивъ,
Былъ я счастливъ и грустью томимый!..

Октябрь, 1901 г.

Мученія слова.

Мученія слова, горячаго слова,
Мученія мысли и чувства въ груди
Мнѣ тяжки, томительно тяжки оковы...
И только надежда блеститъ впереди!..
Блеститъ и сулитъ дорогую свободу,
Свободу мечты и завѣтныхъ идей,
Когда я скажу дорогому народу
Всю правду о жизни безпечныхъ людей!..
Сочувственнымъ сердцемъ страдая со мною,
Мнѣ другъ, сожалѣя, «увы!» говоритъ...
«Не сладить тебѣ съ этой умной толпою!..
«Все пошлой насмѣшкой она оскорбитъ!..
«Безумецъ! тебя не послушаютъ люди!
«Безумецъ! тебѣ не позволятъ сказать!..
«Не вложишь ты чувства въ бездушныя груди!»
...Но, другъ, не могу я... не въ силахъ молчать!..

Сентябрь, 1901 г.

„О, голосъ милый, голосъ нѣжный"...

О, голосъ милый, голосъ нѣжный,
Меня опять коснулся ты!
Мнѣ дорогъ твой призывъ мятежный:
Ты жизнь, ты свѣтъ моей мечты!..

Бывало, полонъ грусти тайной,
Я жду тебя услышать вновь;
И вдругъ одинъ мотивъ случайный,
Напомнитъ мнѣ мою любовь!..
Зефира страстный, нѣжный лепетъ
Въ срединѣ ночи и за нимъ,
Древесныхъ листьевъ томный трепетъ
Несетъ тебя мечтамъ моимъ!..
И въ нѣжномъ шопотѣ зефира
Твой тихій шопотъ слышу я·
Онъ мнѣ несетъ отраду мира,
Поетъ... баюкаетъ меня!..
Вотъ я заснулъ... я сплю и ясно
Теперь ужъ слышу голосъ твой,
Такой спокойный и прекрасный,
Такой знакомый и родной!..
Ты говоришь, что жизни сила
Насъ въ бездну горестей несетъ,
Лишь неизбѣжная могила,
Отъ горя жизни насъ спасетъ...
Ты говоришь о грусти прежней,
О той любви своей былой;
И я внимательнѣй, прилежнѣй,
Твой голосъ слушаю родной!..
И вотъ...—во снѣ вѣдь все возможно,
Во снѣ ничто не удивитъ,—
Изъ мрака грустно и тревожно,
Знакомыхъ пара глазъ глядитъ...
Все ближе, ближе образъ милый,
И голосъ громче и яснѣй.
Забилось сердце съ новой силой:
Я жду тебя, любви моей...
Ты подошла... лицо покрыто
Какой-то странной бѣлизной:
Твои глаза блестятъ открыто
Отвагой, грустью неземной...
Звучитъ твой голосъ: «я любила,
«Теперь насталъ желанный часъ:

«Смотри! открытая могила,
«Давно ужъ ожидаетъ насъ!..

«Ликуй!.. тамъ въ тѣсномъ, душномъ свѣтѣ
«Лишь слезы горя мы найдемъ,
«Грѣховъ, пороковъ, злобы сѣти...
«...Забудемъ міръ! умремъ!.. умремъ!..»

Я понялъ все и страшно стало:
—Тамъ жизнь манитъ меня къ себѣ,
—Здѣсь ты, и то, что ты сказала...
И жизнь и смерть въ твоей мольбѣ!..

«Прости меня, мой другъ любимый,
«Прости!» безъ воли я сказалъ;
«Я буду жить тоской томимый,
«Я такъ любилъ, но я не зналъ!.

«Не зналъ, что ты придешь за мною,
«Любовь для смерти сохраня;
«Подхваченъ жизненной волною,
«Я жить хочу... пойми меня!..»

И вдругъ растаяло видѣнье,
Исчезли милыя черты;
Въ глазахъ туманъ... въ душѣ волненье,
Въ умѣ — разбитыя мечты!..

...Проснулся я... и страсть, и горе,
Опять къ себѣ меня зовутъ!..
...Такъ бурно плещетъ жизни море!..
...Такъ быстро волны насъ несутъ!..

Я часто слышу голосъ нѣжный;
Уныло, скорбно онъ дрожитъ,
Ужъ нѣтъ той милой страсти прежней;
...Не миръ, а горе мнѣ сулитъ!..

Октябрь, 1901 г.

На смѣхъ людской.

О, какъ бы я хотѣлъ, теперь, съ моей тоскою,
Припасть въ слезахъ къ тебѣ, къ груди твоей родной,
Чтобы обнять тебя дрожащею рукою...
Ты греза, ты мечта, мечты моей больной!..

...Бездушный человѣкъ сейчасъ нахальнымъ смѣхомъ
Отвѣтилъ на призывъ жить сердцемъ и душой,
И дерзкій смѣхъ толпы раздался злобнымъ эхомъ,
Ворвался въ душу мнѣ съ мучительной тоской!..

Онъ осквернилъ мой міръ надеждъ и упованій,
Мой чудный міръ мечты, фантазіи и грезъ,
Жестоко осмѣялъ плоды моихъ мечтаній...
Мнѣ больно, душно, другъ!.. мнѣ тяжело до слезъ!..

Я говорилъ всегда: «что свѣта осужденье?..
„Не скажетъ правды мнѣ нашъ пошлый, лживый свѣтъ!»
—Но развѣ это судъ такое отношенье?
—Вѣдь только пошлый смѣхъ мечтамъ моихъ отвѣтъ!..

Мнѣ тяжко, другъ, спаси! я слышу надъ собою,
Ни строгій приговоръ подкупленныхъ судей,
Ни даже клевету... о, другъ, къ тебѣ съ мольбою,
Припасть въ слезахъ хочу... спаси отъ злыхъ людей!..

Я душу всю вложилъ въ размѣръ моихъ созвучій,
Не разъ слезу ронялъ и вѣрилъ всей душой,
Что не страшна гроза, что пронесутся тучи,
...Мой другъ!.. мой милый другъ... зачѣмъ ты не со мной?!.

О! я-бъ сказалъ тебѣ въ одномъ мятежномъ взорѣ,
Что значитъ смѣхъ людей, которыхъ я люблю,
...Но жалоба моя умретъ въ житейскомъ морѣ!..
—О, другъ, я грудь твою слезами оболью!..

Октябрь, 1901 г.

Пѣсня вечерняя.

Другъ, смотри! я бодрый снова,
Смѣло жду судьбы рѣшенье;
Жажда мысли, жажда слова,
Мнѣ приноситъ обновленье!..
Съ новой силой, съ лучшей силой
Жизнь души зоветъ и манитъ;
Прежней грустью, чистой, милой,
Сердце снова биться станетъ!..
Другъ, смотри! ужъ вечеръ близко...
Вечеръ быстро наступаетъ...
Стало солнце низко, низко;
Лучъ его едва играетъ...
Море тихо волны плещетъ,
Словно шепчетъ что-то нѣжно;
Ужъ звѣзда зажглась и блещетъ,
Блещетъ кротко, безмятежно...
Тихо, тихо спитъ природа...
...Сонъ спокойный, сонъ прекрасный,
...Вотъ въ пространствѣ небосвода,
Выплылъ къ звѣздамъ мѣсяцъ ясный...
Другъ! ты слышишь? сердце бьется,
Бьется шибко, замираетъ...
Видишь? мнѣ звѣзда смѣется,
Нѣжно, ласково играетъ!..
Я хочу сказать сильнѣе,
Я хочу, чтобъ люди знали,
Что душа любви полнѣе,
Въ пѣснѣ, грусти и печали!..
Другъ! я вѣрю, вѣрю снова,
Что настанетъ обновленье,
И несетъ мнѣ жажда слова
Свѣтъ, любовь и примиренье!..

Октябрь, 1901 г.

„Не могу я сказать, какъ хотѣлъ бы сказать...“

Не могу я сказать, какъ хотѣлъ бы сказать,
Чтобъ услышали люди меня...
Громче криковъ толпы я не въ силахъ кричать;
Я могу только сердцемъ скорбѣть и страдать,
Злую горечь безсилья храня!..

* * *

Не польется мотивъ животворной волной,
На устахъ замираютъ слова...
Только ранней весной, только съ милой весной,
Оживаютъ и сердце и духъ мой больной...
Что тогда мнѣ людская молва?!.

* * *

Пусть сильнѣе и громче поетъ фарисей;
Этотъ голосъ меня не смутитъ!..
Я скажу, что весна жизни черствыхъ людей
Вѣру въ счастье несетъ позабытыхъ идей,
Что она ихъ спасетъ, оживитъ!..

* * *

Я скажу, какъ мнѣ сердце велитъ разсказать;
Всею страстью завѣтныхъ рѣчей
Передамъ, что толпа заставляла молчать,
Что давно я хотѣлъ и не могъ передать,
Громче стоновъ и криковъ людей!..

* * *

И теперь, когда осень глядитъ мнѣ въ окно,
Стонетъ вѣтеръ и дождикъ шумитъ,
Льется милый мотивъ, такъ безцвѣтно блѣдно,
И груститъ мое сердце, безсилья полно,
Такъ мучительно больно груститъ!..

* * *

Не могу я сказать, какъ желалъ бы сказать;
Пѣсня осени мрака полна;
Но молчать!.. что безъ пользы напрасно молчать,
Когда хочется пѣсню родную слагать...
О, вернись, дорогая весна!..

Октябрь, 1901 г.

Ёлка и тополь.

(Аллегорія).

...Злой вѣтеръ листья по полю,
И кружитъ, и несетъ,
А елка шепчетъ тополю,
И нѣжно къ вѣткамъ льнетъ:

«Покинуты, оторваны,
«Отъ жизни и людей,
«Голодны и оборваны,
«Съ кручиною своей

«Здѣсь бродятъ люди по полю;
«Ты слышишь плачъ и стонъ?..»
Сказала елка тополю,
И закачался онъ...

Дрожа главой высокою
Листвой затрепеталъ;
Съ такой тоской глубокою,
Онъ елочкѣ сказалъ:

«Мнѣ жаль людей страдающихъ,
«И гибнущихъ людей,
«Любви не понимающихъ,
«И жизни прежнихъ дней!..

«Бездушные, жестокіе,
«Другъ друга бьютъ они;

«Отъ чувствъ, отъ грезъ далекіе,
«Безъ сердца и любви!..

«И жалко ихъ, и хочется
«Спасти отъ доли злой,
«И къ людямъ сердце просится,
«Съ печалью и тоской...»

Тряхнувъ вѣтвями стройными,
Мой тополь замолчалъ;
Листами страстно знойными,
Онъ елочку обнялъ...

«Пойдемъ же, милый, милый мой,
«Пойдемъ спасать людей!..»
«...Я старъ!.. нѣтъ больше силы той!..»
Отвѣтилъ тополь ей...

«Такъ вотъ, какъ елку любишь ты?..
«О, тополь, тополь мой...
«Слова любви забудешь ты!..
«Не надо!.. Богъ съ тобой!..»

...И елка, грусти полная,
Качнулась отъ него;
«Печали, тополь, полна я!..
«Не надо ничего!..»

Октябрь, 1901 г.

Счастливы тѣ, кому въ осень ненастную грезятся ласки весны...

О! туда, въ страну иную,
Тамъ, гдѣ небо голубое;
Но веснѣ я вновь тоскую;
Жаль мнѣ время дорогое!..

Осень, осень, ты приносишь
Сколько смерти, слезъ, печали,
Безсердечно жнешь и косишь,
Что съ любовью созидали!..

Холодъ, мракъ, туманъ, ненастье,
Горе въ сердцѣ, въ мысли бѣдной...
Гдѣ весна? гдѣ грезы счастья?..
—Или все прошло безслѣдно?..

О, весна! бывало прежде,
Ты своей красою нѣжной
Мнѣ сулила жизнь, надежды,
Вздохъ несла любви мятежной...

О, весна, весна родная...
Ты далеко, я тоскую...
...Осень скучная и злая!..
—Я хочу въ страну иную!..

Въ ту страну, гдѣ вѣчно, вѣчно
Ты царишь во всей природѣ;
Люди тамъ добрѣй, сердечнѣй,
—Люди лучше на свободѣ!..

Здѣсь такъ рѣдко, такъ немного,
Ты блестишь... и быстро мимо!..
...Нѣтъ души, не знаютъ Бога!
—Осень въ родинѣ любимой!..

По тебѣ, весна, тоскуя,
Шлю привѣтъ туда, далеко...
Всей душой къ тебѣ хочу я,
Въ царство милаго востока!..

...Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ злится,
Бьется, плачетъ, завывая;
Мнѣ весна, мнѣ счастье снится!..
—Гдѣ же ты, весна родная?..

Октябрь, 1901 г.

„Отчего такъ пусто въ сердцѣ одинокомъ?..“

Отчего такъ пусто въ сердцѣ одинокомъ?
—Безъ тоски, безъ грусти я душой скорблю;
Тяжко бродятъ мысли въ сумракѣ глубокомъ;
—До сихъ поръ мнѣ больно, до сихъ поръ люблю!..
Да! теперь, теперь, когда разбито счастье,
Жизнь мечта, надежда сердца моего,
—Позабыть не въ силахъ дорогую страсть я;
Все мнѣ счастье снится... жаль до слезъ его!..
Все, что было прежде дорого и мило,
Такъ ласкало душу, такъ влекло мечты,
—Жизнь пришла и сразу унесла, разбила;
Разлетѣлись грезы, отцвѣли цвѣты!..
Нѣтъ! не вѣрю, другъ мой, нѣтъ, приди любимый!
Возврати надежду... тяжко, душно мнѣ!..
Я забыть хочу вопросъ не разрѣшимый;
Жизнь забыть хочу я въ мимолетномъ снѣ!..
О! я плачу, видишь? другъ, утѣшь и нѣжно
Отзовись, какъ прежде на печаль мою...
Слышишь? сердце бьется, бьется такъ мятежно...
.. До сихъ поръ мнѣ больно!.. до сихъ поръ люблю!..

Октябрь, 1901 г.

Смерть природы.

Засыпаетъ природа въ мечтахъ о веснѣ;
Дорогую весну вспоминая,
Что-то нѣжно и слабо лепечетъ во снѣ,
Какъ больное дитя умирая.

Изъ за тучъ выплываетъ спокойно луна,
Озаряя картину паденья;
Безучастно и холодно смотритъ она
И не жаль ей земли разрушенья.

Ей не жалко простора зеленыхъ полей,
Такъ ласкающихъ взоры весною
И довольныхъ, веселыхъ, счастливыхъ людей,
Вновь ожившихъ усталой душою.

Въ ночь весны, когда нѣги природа полна,
Дышетъ страстью луна золотая,
Но теперь далеко нѣга, страсть и весна...
И луна, такъ бездушно нѣмая,

Такъ уныло, безстрастно глядитъ съ высоты...
Свѣтъ угрюмый, холодный, могильный.
О! мнѣ жалко весны, жаль души, красоты,
— Жаль, что жизнь передъ смертью безсильна!

Октябрь, 1901 г.

Пѣсня отца.

Спи, мой младенецъ, родной и любимый,
Спи, мой сынокъ дорогой!
Помни, что скоро, недугомъ томимый,
Я разлучаюсь съ тобой!

Слушайся сердца и станешь ты сильный
Правдой и вѣрой своей,
Мыслью, любовью и чувствомъ, обильный
Властью могучихъ рѣчей!

Въ мрачную осень и въ бурю страданій
Будешь ты крѣпокъ душой;
Злую печаль, муку слезъ и терзаній
Люди забудутъ съ тобой!..

Октябрь, 1901 г.

„Тамъ, гдѣ небо голубое..."

Тамъ, гдѣ небо голубое,
Тамъ, гдѣ море плещетъ нѣжно,
Тамъ полны сердца людскія
Красоты, любви мятежной.
Ночью вѣтеръ шепчетъ томно,
Страстно листьями играя,
А на небѣ звѣзды шепчутъ,
Блещутъ, радостно мигая.
Легкій вѣтеръ къ людямъ мчится
И волнуетъ кровь людскую;
Онъ несетъ имъ шепотъ листьевъ
И кручину дорогую.
Если сердце грусти полно,
Шепотъ тотъ на грусть отвѣтитъ,
Если сердце плакать хочетъ—
Плачъ любви звѣзда замѣтитъ.
Тамъ, гдѣ небо голубое,
Гдѣ звѣзда такъ нѣжно блещетъ
И волна, волну цѣлуя,
Пѣсню страсти тихо плещетъ...
Тамъ иначе сердце бьется,
Тамъ иначе люди любятъ,
Тамъ слеза иная льется,
Если жизнь любовь погубитъ!..
...Я хочу душой мятежной
Въ ту страну съ тобой умчаться;
Съ пѣсней грустной, съ пѣсней нѣжной
Я не буду разлучаться!..
Я услышу листьевъ шепотъ —
И вложу въ размѣръ созвучій;
...Волнъ морскихъ согласный ропотъ
Я сложу въ аккордъ могучій!..

Я слезой печали властной
Окрылю свой стихъ мятежный
И на призывъ грусти страстной
Сердце мнѣ отвѣтитъ нѣжно!
О! туда, мой другъ любимый,
Гдѣ поймутъ печаль людскую,
Гдѣ мечтой любви томимый
Ты прольешь слезу иную!

Октябрь, 1901 г.

„Ириди ко мнѣ, Христосъ!.."

Приди ко мнѣ, Христосъ, приди Христосъ далекій,
Приди и научи любить, какъ Ты любилъ!
Я жду Тебя давно, больной и одинокій.
Христосъ! приди ко мнѣ... я выбился изъ силъ!

О! я хочу вернуть былое упованье...
О! я любить хочу; пойми меня, Христосъ,
Чтобъ воплотить души высокое призванье,
Чтобы нести свой крестъ, какъ Ты, страдая несъ!

Приди, приди Христосъ... и, полный вдохновенья,
Къ Тебѣ сердца людей сумѣю я позвать!
Чтобъ пали люди ницъ въ порывѣ примиренья,
Предъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ враговъ своихъ прощать!

Христосъ, я жду Тебя! и сердцемъ одинокимъ
Я рвусь къ душѣ Твоей высокой и святой...
Стремлюсь къ любви Твоей, къ мечтамъ Твоимъ глубокимъ.
Приди ко мнѣ, Христосъ, и я пойду съ Тобой!..

Пойду, куда велишь, безъ ропота сомнѣнья,
Безъ тяжкихъ мукъ души, незнающей Тебя...
И буду звать людей слезами вдохновенья,
И буду умирать, прощая и любя!

Приди... Христосъ, приди... смотри, какъ я страдаю,
Какъ жить душой хочу для вѣры и любви!
...И день, и ночь, Христосъ, я о Тебѣ мечтаю...
Приди ко мнѣ, приди! услышь мольбы мои!

Октябрь, 1901 г.

Посвящается Е. П. К.

Жалѣлъ ли я тебя—не знаю:
—Есть чувство глубже и сильнѣй.
Но, другъ, съ тобой лишь вспоминаю
Я грезы юности моей!

Октябрь, 1901 г.

Христосъ

Не силою меча, не страхомъ осужденья,
Сердца людей къ себѣ Онъ мощно призывалъ;
Онъ говорилъ душѣ для жизни и спасенья,
Онъ за людей своихъ возлюбленныхъ страдалъ!...

* * *

И голосъ тотъ звучалъ любви могучей силой,
Среди земныхъ грѣховъ, среди мірскихъ скорбей,
Зовя весь родъ людской, болѣзненный и хилый,
Къ безсмертной истинѣ божественныхъ рѣчей...

* * *

Но гордая толпа, въ порывѣ ослѣпленья,
Насмѣшкой встрѣтила высокую любовь,
И распяла Его въ безумномъ озлобленьи,
Измучивъ, пролила Его святую кровь...

* * *

А Онъ рыдалъ за нихъ, безропотно страдая,
А Онъ еще пришелъ къ мучителямъ своимъ,
Съ любовью кроткою къ Себѣ ихъ призывая,
О счастьѣ ихъ мечтой завѣтною томимъ...

* * *

На этотъ разъ толпа рѣчамъ Его внимала
И много душъ слезой отвѣтило Ему;
Страдальца горсть людей Спасителемъ назвала,
Отдавъ себя Христу и Богу своему...

* * *

Въ тяжелые года жестокаго гоненья,
Когда христіанинъ въ мученьяхъ умиралъ,
Съ молитвой за убійцъ, съ улыбкой примиренья,
Тогда народъ Христа распятаго позналъ!..

* * *

Позналъ и полюбилъ страдающаго брата
Всей силою души разбуженной своей...
И вѣрой жизнь людей была чиста и свята...
...Но, человѣкъ!.. теперь, что... что ты сдѣлалъ съ ней?.

* * *

Для виду есть у насъ религія былая,
Но мы не чтимъ душой Учителя любви;
Мы, каждый день Христа гоня и распиная,
Кричимъ съ насмѣшкою: «распни Его!.. распни».

* * *

И весь огромный міръ, почти безъ исключенья,
Наружно только чтитъ Спасителя людей;
...За мигъ, единый мигъ людского наслажденья,
Готовъ попрать любовь и вѣру прежнихъ дней!..

. . . . . .

* * *

И намъ не жаль Христа!.. не жаль любви забытой!..
—Того ли ждалъ Христосъ отъ міра своего,
Когда въ крови, въ слезахъ, измученный, избитый.
Небесному Отцу молился за него!?..

Опомнись, человѣкъ! съ печалью сожалѣнья,
Прійди въ слезахъ къ Христу, любящему тебя,
И Онъ проститъ тебя и дастъ тебѣ спасенье,
И ты поймешь, какъ жить, враговъ своихъ любя!..

Ноябрь, 1901 г.

---

* *
*

Если ты боленъ душой одинокою,
Если тоскливо въ груди,
Братъ! къ истомленному скорбью глубокою,
Къ бѣдному другу прійди!..

Сердцу усталому, сердцу разбитому
Грусть твоихъ думъ не чужда:
Другу далекому, другу забытому
Въ любящемъ сердцѣ нужда!..

Грустью взаимной, слезою согласною
Онъ твое сердце пойметъ;
Рѣчью безмолвною, рѣчью безгласною
Душу отъ горя спасетъ!

О! прійди же, братъ любимый,
Плакать къ другу своему..
Грустью, скорбью слезъ томимый
Упади на грудь къ нему!..

Только онъ, съ тобой рыдая
Злыя думы облегчитъ;
Утѣшая и лаская
Вѣрой сердце оживитъ!..

Съ нимъ поплачешь,—легче станетъ
Вновь глядѣть на міръ людей;
Снова солнце счастья встанетъ
Въ блескѣ радужныхъ лучей!..

...Жизнь... она не такъ сурова;
Грусть ея не такъ страшна;
Жизнь людская вѣчно нова ..
...Даль въ туманѣ чуть видна...

Ноябрь, 1901 г

Поэту.

(Памяти Надсона)

Онъ въ жертву милаго, любимаго искусства
Больную жизнь свою короткую принесъ
И, освящая стихъ могучей силой чувства,
Давалъ такъ много думъ, дарилъ такъ много грезъ...

Но съ первыхъ же шаговъ, когда еще ребенкомъ
Онъ въ смѣлый звучный стихъ мечту свою вложилъ,
Поэта встрѣтила толпа со смѣхомъ звонкимъ;
Смѣялись всѣ надъ тѣмъ, что онъ печаль любилъ...

Что скорбный стихъ его дышалъ тоской мятежной;
И не хотѣли скорбь поэта понимать...
И не хотѣли знать, *что* въ каждой пѣснѣ нѣжной
Безчувственнымъ сердцамъ онъ силился сказать!..

Онъ грустью разбудить хотѣлъ въ душѣ уснувшей
Глубоко спящій міръ печали и мечты
И сказкой о любви, о горести минувшей
Навѣять образы забытой красоты...

И онъ ихъ разбудилъ; вдругъ мигомъ отлетѣли
Злой, черствый эгоизмъ и будничный разсчетъ
И люди образовъ, какъ жизни захотѣли;
...Мечта поэта ихъ волнуетъ и зоветъ!..

Ноябрь, 1901 г.

Больная

«Да, милый, уходи! я не хочу съ тобою
«Печаль души моей измученной дѣлить;
«Пусть буду гибнуть я, сраженная борьбою;
«Тебя, любимаго, не въ силахъ я губить!..»

Такъ говоритъ она, съ улыбкою печальной
Качая головой красивою своей...
«Я удалить хочу разлуки часъ прощальный,
«...А тамъ... а тамъ пусть жизнь окончится скорѣй!..

«...Нѣтъ, ...нѣтъ, не говори!..» ей милый отвѣчаетъ...
«Не говори, что ты погибнешь безъ меня!
«Моя душа съ твоей томится и страдаетъ,
«Одну любовь къ тебѣ ревнивую храня!..»
. . . . . .

Недугъ томитъ, гнететъ и тѣло побѣждаетъ;
Жестокій злой недугъ уноситъ жизни цвѣтъ;
Она горитъ, горитъ и быстро догораетъ;
...Въ худомъ лицѣ красы былой и тѣни нѣтъ!..

«Да, милый, уходи!—со мною быть опасно;
«Ты слышалъ, что вчера нашъ докторъ говорилъ?..
«Вдругъ перейдетъ къ тебѣ!.. я кашляю ужасно...
«...Такъ много въ воздухѣ чахоточныхъ бациллъ!..»

...Она!.. ужель она?.. какъ страшно измѣнилась!
—Мечтаетъ грустно онъ, главу свою склонивъ;
Невольная слеза изъ глазъ его скатилась...
...Она... умретъ теперь, а я останусь живъ!

Ужасная болѣзнь! жестокія мученья!..
...Вдругъ перейдетъ ко мнѣ томительный недугъ?..
И жизнь промчится вся, быстрѣе сновидѣнья!..
...Нѣтъ, я уйду... прощай, мой бѣдный, бѣдный другъ!..

«...Прощай! прощай пока: меня сегодня звали
«Я... знаешь, слово далъ... неловко... не сердись!..

. . . . . .

Двѣ горькія слезы изъ глазъ больной упали
...И съ кровью алою слились!..

Ноябрь, 1901 г.

Сумасшедшій.

(Монологъ).

...Нѣтъ! гордость снова мнѣ мѣшаетъ помириться
Съ мечтой моей любви, позорною мечтой!..
...Вдругъ ночью этою опять она приснится,
Съ своей холодною и страшной красотой!
Что стану дѣлать я?.. куда отъ сна дѣваться?..
Я не могу, не въ силахъ вынести его!..
...Но это пустяки... я стану раздѣваться...
...Нѣтъ... нѣтъ, не страшно мнѣ сегодня ничего!..
Я такъ усталъ за день; онъ былъ такой тяжелый;
Меня весь этотъ день, ты знаешь, какъ пугалъ
Холодный трупъ ея?.. но видишь? я веселый!...
Да впрочемъ я давно печальнымъ не бывалъ!..
Я разскажу тебѣ! но только сядь поближе...
...Ты точно страшенъ мнѣ!.. я такъ тебя боюсь!..
...Поправь подушки... такъ... устрой мнѣ ноги ниже...
Нѣтъ, прежде, чѣмъ начать, я Богу помолюсь!..
Чтобъ не пришла опять она, мертвецъ холодный;
Я днемъ могу терпѣть, а ночью тяжко мнѣ!..
Ты знаешь?.. знаешь?.. я вѣдь ночью не свободный...
...Мнѣ мать умершая является во снѣ!..
Такъ ты уйди пока, а я начну молиться...
...Христосъ! простишь ли Ты, что я ее люблю?..
Прости, прости Христосъ... пусть мнѣ она не снится;
Я муки тяжкія и днемъ едва терплю!..
Вѣдь Ты могучъ, Христосъ! я слабый и безсильный,
Измученный, больной; такъ помоги же мнѣ!..

Пусть холодъ мертвенный, пусть голосъ замогильный,
Мнѣ не является злымъ призракомъ во снѣ!..
Ну, сядь опять сюда!.. Вотъ я и помолился!..
Теперь я убѣжденъ; она ужъ не придетъ!..
Въ молитвѣ, знаешь, я такъ сладко позабылся...
...Чей голосъ слышу я?.. Ужель *она* зоветъ?..
Она!.. Уйди!.. *Она*... Какъ холодно, какъ страшно!
Скорѣй, скорѣй уйди!.. она идетъ ко мнѣ...
...Ужъ близко подошла... блестятъ глаза ужасно,
...Но кто же тамъ еще шевелится въ окнѣ?..
Прошу, уйдите всѣ; я долженъ съ ней остаться
Вдвоемъ наединѣ и много говорить...
Эй!.. кто въ окошкѣ тамъ? какъ смѣли вы смѣяться?
...Вы думали нельзя умершаго любить?..
Вы думали нельзя все слить въ одномъ аккордѣ,
Рыданья, смерть, мольбу и жгучую любовь?..
Я такъ люблю ее, но слишкомъ я ужъ гордый!..
Нѣтъ силъ все передать и въ жилахъ стынетъ кровь!
Зачѣмъ пришла опять?.. за что меня ты мучишь!..
Скажи! передъ тобой чѣмъ я виновенъ былъ?..
Ты съ жизнью такъ меня въ концѣ концовъ разлучишь,
За то, что я тебя до мукъ, до слезъ любилъ!..
Она молчитъ... молчитъ... опять мнѣ нѣтъ отвѣта!..
Ну не безбожно-ль такъ тебѣ меня терзать?..
Я вовсе не боюсь красиваго скелета...
Но только честь свою не дамъ я оскорблять!..
Я гордъ!.. я никому глумиться не позволю,
Повѣрь, я за себя сумѣю постоять!..
Всѣ слезы выплакалъ... и все мнѣ жалко волю...
...Эй, люди!.. мертвеца изъ камеры убрать!..
О, воля милая, о, воля дорогая!..
Какъ жалко мнѣ тебя!.. тюрьма томитъ, гнететъ,
И мучитъ день меня, и тяжка ночь нѣмая;
Все страшный призракъ тотъ заснуть мнѣ не даетъ!..

. . . . . .

Люди, люди, о, спасите!
Я вамъ много денегъ дамъ;

Пожалѣйте, отпустите;
Вовсе я не нуженъ вамъ!..
Жизнь промчится скоро, скоро...
...Смерть нежданно подойдетъ,
Но любовь, — моя опора;
Люди!.. жизнь меня зоветъ!..

. . . . . .

Шибко, тяжко сердце бьется:
Я измученъ, я разбитъ;
...Кто-то тамъ опять смѣется,
Пусть Господь его проститъ!..

Ноябрь, 1901 г.

* * *

...Ужъ вечеръ, и томный, и нѣжный,
Окуталъ туманомъ поля;
Порвался звукъ пѣсни мятежной;
—Окончена пѣсня моя!..
Пролиты послѣднія слезы
Мученій любви дорогой;
Забыты далекія грезы,
Забытъ безмятежный покой!
Какъ прежде я жить не умѣю,
Какъ прежде любить не могу,
И думать о счастьѣ не смѣю,
И въ будущемъ счастья не жду!
На землю ужъ ночь опустилась,
Ужъ звѣзды видны въ небесахъ,
А пѣсня со мною простилась:
Ни жизни, ни свѣта въ мечтахъ!..
Мнѣ душно, такъ тяжко и больно
Гнетутъ эти мысли мои,
А сердце трепещетъ невольно
Печалью забытой любви...

...Забыта!.. ужели забыта?..
Ужель не вернется она?..
И арфа на вѣки разбита,
...И въ вѣчность умчалась весна?..
...Нѣтъ, слышу я звуки родные,
Горячее сердце дрожитъ;
Вернулись мечты золотыя,
И пѣсня какъ будто звучитъ...
Далекое солнце играетъ
Огнемъ животворныхъ лучей;
Туманъ на поляхъ исчезаетъ,
И пѣсни я жду горячѣй!..
. . . . . .
Ужъ звуки желанные льются,
Плѣнительной грезы полны,
Голубятъ, и жгутъ, и смѣются,
Сквозь слезы любви и весны!..

Апрѣль, 1901 г.

Поздно... Тихо кругомъ...

Поздно... Тихо кругомъ; шумный городъ заснулъ,
Темной ночи одѣвъ покрывало;
Сонъ въ объятья свои меня вновь потянулъ...
О!.. заснуть бы, какъ прежде бывало,
И увидѣть во снѣ не обманъ дорогой,
А ее, воплощенье мечты золотой,
Очи, полны любви и печали,
Что весь день мое сердце терзали,
Что весь день улыбались и плакали мнѣ;
...Еслибъ вновь увидать эти очи во снѣ!..
Поздно... Городъ заснулъ; ночь безъ звѣздъ, ночь темна;
Ужъ двѣнадцать на башнѣ пробило...
Я все жажду, все жду драгоцѣннаго сна,
О, зачѣмъ мое сердце любило!..

О, зачѣмъ я не зналъ, что одинъ только разъ
Можетъ плакать любовь, льются слезы изъ глазъ!
...Пусть возьметъ меня сонъ поскорѣе;
Я во снѣ полюблю горячѣе,
Позабуду, какъ день мою душу томилъ,
...Полюблю, какъ никто никогда не любилъ!..
Поздно... Тихо... Все спитъ; только въ сердцѣ моемъ
Рѣютъ образы, чувства и грезы...
Если-бъ могъ я забыться спасительнымъ сномъ;
Такъ мнѣ тяжки теперь эти слезы!..
Что я плачу?.. зачѣмъ?.. вѣдь не все ли равно,
Если сердце мое разлюбило давно,
Мнѣ и сонъ полюбить не поможетъ,
Что же грусть меня лютая гложетъ?..
Вѣрно жалко любви... о, вернись!.. о, прійди!..
...Только сумракъ ночной, только сонъ впереди!..

Ноябрь, 1900 г.

Молодая чета.

«Нѣтъ, не страшитъ меня жизнь эта, нѣтъ не страшитъ меня горе!»
Ласково другъ говорилъ, дорогую подругу цѣлуя...
Другъ говорилъ и ласкалъ, а у ногъ его пѣнилось море,
Пѣнились волны, въ прибоѣ сердитомъ мятежно бушуя...

«Что говорить намъ теперь о печали, моя дорогая!..
«Будемъ съ улыбкой встрѣчать, и невзгоды, и грусть, и страданья,
«Будемъ любить горячо, эту скучную жизнь забывая!..
«...Если дѣйствительность счастья не дастъ, — принесутъ намъ мечтанья!..»

Другъ говорилъ, а внизу бушевало сердитое море,
Грозно шипѣли валы, бѣлой пѣной друзей обдавая...
..Что это?.. вдругъ налетѣло нежданное страшное горе!..
Валъ накатилъ на скалу и разсыпался, грозно рыдая.

Нѣтъ никого на скалѣ, орошенной волною мятежной:
Съ бѣшеной яростью мчится прибой, на прибой налетая...
Въ пѣснѣ бунтующихъ волнъ слышно столько печали безбрежной,
Точно имъ жалко теперь, что погибла любовь золотая!..

Ноябрь, 1901 г.

Памяти Гоголя.

(Къ близкому 50-ти лѣтію со дня смерти Н. В. Гоголя).

Ты умеръ, но голосъ, твой голосъ могучій,
Которымъ ты Русь такъ безсмертно воспѣлъ,
Пройдетъ чрезъ столѣтья волною кипучей,
Какъ вѣтеръ Украйны, свободенъ и смѣлъ!..
Томиться и плакать сквозь смѣхъ непонятный,
Смѣяться сквозь слезы съ героемъ твоимъ
Мы стали велѣньемъ мечты благодатной,
...И весело жизни мы грусть побѣдимъ!..
Вотъ образъ Оксаны, красавицы гордой...
А вотъ и Данило съ женой молодой;
Вотъ пѣсни привольной несутся аккорды,
«Що вітры» Украйны, страны дорогой!..
...Вотъ темная ночь на Ивана Купала;
Собралися парни и дѣвки толпой...
«Казачеству слава!..»—кричитъ запѣвало,
И весело грянулъ припѣвъ удалой!..

* * *

Гоголь старый, Гоголь милый,
Гоголь вѣчно молодой,
Ты открылъ съ безсмертной силой
Жизнь Россіи дорогой!..

Ты Украйны міръ привольный,
Намъ такъ живо описалъ;
...Край веселый, край раздольный,
Онъ еще милѣе сталъ!..

Вопль Тараса, плачъ Андрея,
Стонъ казачки молодой,
Тайной грустью пламенѣя,
Слышу, слышу надъ собой!..

Ты воспѣлъ нашъ Днѣпръ широкій,
Гордость родины своей...
...И просторный, и глубокій
Мчится онъ среди степей...

Ты подслушалъ въ бурю злую,
Плескъ его сердитыхъ волнъ!..
Ты воспѣлъ страну родную,
Къ ней любви горячей полнъ!..

Ты заставилъ насъ смѣяться,
Съ плачемъ грусти золотой,
Пробужденнымъ сердцемъ рваться,
За плѣнительной мечтой!..

Ночью майской, ночью ясной,
Ты открылъ намъ міръ мечты,
Міръ фантазіи прекрасной,
Міръ народной простоты!..

Вѣдьмы, черти, домовые,
Вій съ глазами до земли,
И русалки молодыя
Пѣли пѣсни намъ свои!..

Гоголь старый, Гоголь милый,
Гоголь вѣчно молодой,
Ты открылъ намъ съ дивной силой
Жизнь Россіи дорогой!..

Ноябрь, 1901 г.

* * *

Я тебѣ передамъ, что въ горячемъ бреду
Мнѣ заснувшая ночь разсказала,
Какъ среди камышей на туманномъ пруду
Группа нимфъ молодыхъ ночевала.

Какъ плясали, кружились и пѣли онѣ
О забвеніи въ страсти мятежной...
И какъ билось горячее сердце во мнѣ,
Пробужденное пѣснею нѣжной...

Я сижу у пруда, пораженъ, удивленъ,
А въ груди моей буря клокочетъ,
Неужели ихъ пѣсни и смѣхъ только сонъ?
Что же сердце мятежное хочетъ?..

. . . . . .

Іюль, 1901 г.

Дорогой памяти.

...О, если бъ ты теперь пришла ко мнѣ, родная,
Чтобъ оживить мой духъ, чтобъ сердце разбудить;
И жизнь души своей, и думы забывая,
О, какъ бы сталъ тогда твой сынъ тебя любить!..
Я-бъ такъ внималъ тебѣ! слезой такой печали
Отвѣтилъ бы тебѣ на призывъ дорогой,
Что люди бы ничѣмъ меня не удержали,
Идти къ тебѣ... туда, и быть всегда съ тобой!..
Здѣсь, кто пойметъ меня? и любящей душою
Кто пожалѣетъ жизнь разбитую мою,
Когда тебя, тебя не будетъ, мать, со мною...
...Вѣдь здѣсь одну тебя такъ свято я люблю!..

И вотъ теперь, когда на судъ толпы суровой,
Я шлю мой первый трудъ... плоды моей мечты,
Я отъ тебя, о, мать, хочу услышать слово,
И видѣть милыя, любимыя черты!..
...Прійди, прійди ко мнѣ... благослови, родная,
Мой первый страшный шагъ по трудному пути!..
И смѣло я пойду, съ любовью призывая
Всѣхъ къ истинѣ святой незыблемо идти!..
То не слова одни! вѣдь пережито мною
Такъ много этихъ думъ, такъ много этихъ грезъ;
Я рвусь любить людей... и съ каждою весною
Все больше грезъ въ душѣ... любимыхъ, милыхъ грезъ!..
...Промчится годъ одинъ, а, кажется, промчался
Огромный міръ мечты... огромный міръ людей...
Все пронеслось, какъ сонъ, и я одинъ остался,
Съ толпою жалкою непонятыхъ идей!..
...Но ты поймешь меня! ты мать моя родная!..
О, мнѣ никто, никто тебя не замѣнитъ...
Съ тобою не страшна мнѣ будущность нѣмая,
И приговоръ людей жестокихъ не страшитъ!..

. . . . . .

Съ мечтою о тебѣ, завѣтною мечтою,
Я людямъ шлю свой трудъ... Когда они меня
Рѣшатся осмѣять, то будешь ты со мною,
Рукою любящей спасая и храня!..

Ноябрь, 1901 г.

Молись, дитя мое!..

Молись, дитя мое!.. дитя мое, молись!
Молись, пока въ груди еще не гаснетъ вѣра,
Пока, велѣніемъ могучаго примѣра,
Мечты сомнѣнія въ тебѣ не завелись!..

Молись, пока людей еще не знаешь ты!
... И сердцемъ пламеннымъ, и жаркою слезою
Зови Христа къ себѣ, и будетъ Онъ съ тобою
... Сойдетъ къ тебѣ съ Своей небесной высоты!..

Молись, дитя мое, и жизнь, и міръ забудь!..
Въ одномъ порывѣ слей и думы, и мечтанья;
Молитва облегчитъ и унесетъ страданья...
... Какъ солнце, озаритъ грядущей жизни путь!..

Молись, дитя мое, пока мечты твои
Чисты, какъ небеса, лазурны и высоки,
Отъ скорби и грѣха, отъ горькихъ думъ далеки...
... Молись, молись, дитя!... — мечты свои храни!..

Декабрь, 1901 г.

Часть вторая.

ПРОЗА.

Странная женщина.

...Да, это была странная, непонятная женщина... До сихъ поръ я не въ силахъ разгадать ея души, до сихъ поръ я не понимаю ея, хотя раздѣляю съ восторгомъ ея безумныя чувства... теперь ея нѣтъ на землѣ, но я часто ощущаю, чувствую ея присутствіе гдѣ-то вблизи меня... и въ такую минуту я не могу вѣрить, что ея нѣтъ и на вѣки не будетъ здѣсь, что она умерла... Ее звали Аглаей: я не буду говорить, какъ жила Аглая; разскажу только, какъ умирала она въ тихую лѣтнюю ночь съ улыбающимся лицомъ, съ открытыми, ясными, глубокими глазами. Я видѣлъ ее уже умершей... никогда смерть не казалась мнѣ такой кроткой, такой чистой и примиряющей!..

Она всегда говорила, что не боится смерти, что неизбѣжное будущее жизни пугаетъ гораздо болѣе: я не вѣрилъ, а теперь убѣдился, что это была правда.

Былъ часъ ночи. Я сидѣлъ у себя и писалъ, когда вдругъ сильный короткій стукъ въ стекло заставилъ меня невольно вздрогнуть... я открылъ форточку; въ окнѣ и передъ нимъ не было никого и ничего; только тихая, до болѣзненности тихая ночь ласково и томно парила надъ чутко заснувшей природой... я подошелъ къ окну: прямо передъ окномъ стояла Аглая, стояла вся блѣдная, съ полуоткрытымъ ртомъ и страшно блестящими глазами... Что это было?... призракъ?.. или она сама? или просто непонятная галлюцинація?.. Мнѣ стало страшно... „Аглая...— закричалъ я,—Аглая!.. зачѣмъ ты здѣсь?.. зачѣмъ ты пришла?.. отчего ты молчишь, такая блѣдная и печальная?..“ На глазахъ

ея заблестѣли слезы... изъ груди вырвалось судорожное глухое рыданіе: я не въ силахъ былъ слушать этотъ безумный плачъ и... дрожащій, испуганный отскочилъ отъ окна, бросился въ другую комнату; нервы мои были напряжены; мнѣ хотѣлось плакать также мучительно, какъ плачетъ тамъ передъ окномъ Аглая... Я сидѣлъ на низкомъ турецкомъ диванѣ: положивъ локти на колѣни, я крѣпко сжалъ виски руками и старался подавить въ себѣ усиленное несносно-мучительное біеніе сердца. Вдругъ снова сильный короткій стукъ заставилъ меня вскочить съ дивана... Передо мной, простирая блѣдныя, почти прозрачныя руки, стояла плачущая Аглая, сама вся бѣлая и страшная, какъ бы не живая... такая невыразимая скорбь была написана на ея блѣдномъ лицѣ, что страхъ, невольный безотчетный страхъ наполнилъ снова все существо мое...

...На другой день слуга нашелъ меня безъ чувствъ, лежащимъ у турецкаго дивана; докторъ сказалъ, что это нервы сильно расходились отъ постоянныхъ ночныхъ занятій и далъ мнѣ какой-то дряни съ бромомъ... Скоро я узналъ, что Аглая умерла въ ту самую ночь: умерла дикою, непонятною смертью; ее нашли мертвою, сидящей у письменнаго стола съ перомъ въ рукахъ; передъ нею лежало неоконченное письмо на мое имя. Оно было написано лихорадочнымъ, нервнымъ неразборчивымъ почеркомъ; я съ большимъ трудомъ узналъ и разобралъ знакомую руку. Вотъ что писала, умирая, Аглая:

„...Да, близко, близко, я чувствую, я вижу ее, эту никому непонятную смерть. Раньше чѣмъ встанетъ надъ вашей землей блестящее лучезарное солнце и люди начнутъ новый день, чтобы опять жить, раньше чѣмъ я окончу это письмо къ тебѣ, мой милый, мой далекій, мой живой... меня не будетъ, я умру! да, умру!.. я чувствую, вѣрю, что умру. Никогда не жаждала я такъ безумно узнать поскорѣе, что такое, эта, міру непонятная, смерть. Никогда сердце мое не билось такъ страстно, какъ теперь, передъ скорымъ, близкимъ, но не страшнымъ концемъ.

Понятнѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ когда либо для меня, теперь и ничтожество этихъ маленькихъ, гордыхъ, дерзкихъ людей, до сихъ поръ незнающихъ, для него живутъ они, жалкіе, на землѣ и безсиліе мысли человѣческой, бѣдной мысли, которая стремится познать и не можетъ познать... Прости меня, но вѣдь то, что

ты прочтешь здѣсь, никто у васъ никогда тебѣ не скажетъ... вѣдь я теперь ужъ умерла на половину, но моя смерть, странная, удивительная смерть!.. Вѣдь я здоровая, молодая... а она, смерть, идетъ ко мнѣ, и мнѣ кажется, что если бы я бросила теперь это письмо и легла на постель, — жизнь догорѣла бы такъ быстро... быстро. Но я употребляю всѣ усилія моей воли, моего ума и моей руки, чтобы сидѣть такъ и писать, писать тебѣ все, что я чувствую и переживаю теперь, всю глубину моего страннаго состоянія, моей агоніи; и только, когда закоченѣетъ рука моя и голова перестанетъ повиноваться волѣ... только тогда прервется это письмо...

Мнѣ не жаль жизни, и смерть не страшна, повторяю тебѣ: не страшно мнѣ, что глаза не видятъ ничего кругомъ, кромѣ этой бумаги, этихъ строкъ; я ничего не слышу, ни стука часовъ, стоящихъ на столѣ предо мною, ни даже біенія собственнаго сердца; кругомъ тишина, и мнѣ чудится, что вся я лечу стремительно въ какую-то бездонную незримую пропасть, лечу безшумно, вмѣстѣ съ этимъ столомъ и съ этой бумагой... Мысли бурныя, новыя мысли нахлынули на меня горячей, увлекающей, дикой волной, несутъ меня и ласкаютъ... и едва, едва успѣваетъ рука записывать, что проносится въ горячемъ мозгу, и что клокочетъ въ сердцѣ. Страшныя, дикія ощущенія. Точно этой пропасти нѣтъ конца, и никогда, никогда не будетъ; точно что-то до того властное, до того могучее и сильное охватило все существо, что нѣтъ предѣла этой власти... душа моя испытываетъ новыя, невѣдомыя дотолѣ чувства: она торжествуетъ теперь свое отдѣленіе отъ ненавистнаго тѣла, которое столько мучительныхъ, долгихъ годовъ дерзко привязывало ее къ землѣ... Безграничная свобода желаній, думъ, чувствъ, мечтаній... постоянная, непонятная живущему свобода... До моихъ ушей, среди окружающей, почти абсолютной тишины доносятся теперь какіе-то голоса, какіе-то неясные, далекіе, туманные звуки... съ каждой минутой они все громче и громче... это словно громъ и лязгъ какихъ-то тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпей, голоса и стоны человѣческіе... но меня не пугаютъ, не страшатъ эти стоны; я лихорадочно прислушиваюсь къ хаосу звуковъ и начинаю наконецъ различать отдѣльные слова, возгласы, даже цѣлыя мысли, произносимыя какимъ-то страннымъ, напряженнымъ, то безна-

дежно-грустнымъ, то радостнымъ голосомъ... „живой.. живой... вотъ онъ, живой...“ слышу я,—„онъ идетъ къ намъ... уже близко, скоро... какой онъ грустный!.. какія муки, какая боль на его лицѣ! Какія горькія слезы въ его глазахъ! Онъ жалѣетъ людей ему не хочется разставаться съ жизнью... жалкое, ничтожное существо! Если бы только онъ зналъ, куда и на что онъ идетъ! Если бы онъ могъ сравнить свою жизнь на землѣ съ нашею, этой жизнью, которую тамъ они называютъ смертью. Жалкое созданье! Какъ онъ бьется, какъ онъ плачетъ и молитъ Бога дать ему еще хоть нѣсколько дней жизни земной!.. Человѣкъ! ты все покорилъ и побѣдилъ умомъ своимъ, но собственное существо твое въ твоихъ же глазахъ покрыто непроницаемой тьмой; ты не знаешь, ты не понимаешь его, а осмѣливаешься еще называть себя самымъ разумнымъ твореньемъ земнымъ!.. Живой... живой... вотъ онъ, живой, какой блѣдный, страшный... какой несчастный... жизнь земная или смерть теперь сдѣлала его такимъ?.. Неразрѣшимый, мучительный вопросъ!.. Да онъ не одинъ живой, ихъ много; они идутъ сюда такъ медленно!.. такъ безутѣшно рыдаютъ, ломая руки, и все смотрятъ назадъ съ тоской глубокой, съ отчаяніемъ... Бѣдные жалкіе земные люди!.. Имъ далеко до насъ... далеко теперь, пока они живы, а умрутъ совсѣмъ, и будутъ они, какъ мы, видѣть невидимое, постигать необъятное, живому уму непостижимое... забудутъ, какъ и мы теперь, и чувство времени, и чувство мѣста, и ничтожные, выдуманные ими, физическіе законы ихъ бѣдной, неинтересной земли... Скучные, жалкіе земные люди!..“ Дальше ничего не могу различить, такъ какъ къ этому голосу присоединяется множество такихъ же громкихъ, странныхъ, то заунывныхъ, то веселыхъ, голосовъ. Я понимаю только, что всѣ голоса относятся и ко мнѣ, въ числѣ многихъ другихъ умирающихъ теперь людей... Я падаю въ пропасть все ниже, ниже; нѣтъ ни дна пропасти, ни конца моему паденію: но мнѣ не страшно... я рвусь туда... стремлюсь всѣмъ существомъ моимъ. Скоро голоса стали какъ бы удаляться, звуки сдѣлались еще неяснѣе и тише... въ полнѣйшей тишинѣ долеталъ до меня какой то странный громкій шорохъ: точно шелестъ крыльевъ, точно отдаленный шепотъ многихъ тысячъ людей, лихорадочный, зовущій безпокойный шепотъ... Тщетно я употребляла усилія къ нему прислушаться... далекіе непонятные

звуки, они не принадлежатъ землѣ, они несутся изъ того невѣдомаго загробнаго міра, котораго такъ боится все живущее на землѣ!.. „...Кончено... кончено...“ шепчетъ кто-то отчетливо и громко... „кончено мученіе, кончена неопредѣленность, кончены несчастья, испытанія, неудачи, кончено горе, конченъ плачъ и ропотъ, потому что кончена жизнь... жалкое существованіе, которымъ такъ дорожили!.. Какой тихій, свѣжій пріятный вѣтеръ дуетъ на меня снизу, съ высоты, съ боковъ; онъ несетъ мнѣ новыя мысли, новыя, до сихъ поръ невѣдомыя ощущенія покоя, удовлетворенности, сознанія какого-то окончательнаго, послѣдняго состоянія. Какой блѣдной кажется вся жизнь моя на землѣ! Какими мелочными, ничтожными, пустыми всѣ желанія, волненія, мысли, всѣ пережитыя чувства съ ихъ однородными побужденіями и всегда одинаково непріятными послѣдствіями!.. Какъ много людей! Какое громадное количество отдѣльныхъ умовъ, отдѣльныхъ сердецъ и душъ и никто, никто изъ нихъ не знаетъ, что будущее не тамъ на землѣ, которую они исковеркали, а послѣ смерти здѣсь въ царствѣ вѣчной свободы праздныхъ мыслей и чувствъ, высокихъ, чистыхъ, какъ кристаллъ!.. И некому сказать имъ это...

Бѣдные, бѣдные люди!.. какъ ихъ жаль!.. какъ объединены они всѣ своимъ колоссальнымъ, подавляющимъ незнаніемъ!.. Вѣра!.. многіе изъ нихъ вѣруютъ во что-то! Но они и не знаютъ, во что имъ вѣровать, и отдѣльныя группы людей имѣютъ свои, отдѣльныя вѣрованія; а истина?—она отъ всѣхъ одинаково далека! она имъ всѣмъ одинаково неизвѣстна и недоступна! Бѣдные, бѣдные люди! Какъ они малы! Какъ ихъ много! Какъ ихъ жаль!“ И шепотъ продолжался еще, только тише, изрѣдка прерываемый вздохами. Иногда присоединялись къ этому шепоту новые голоса... и шептали тоже... одинаково... жалобно и грустно. Мнѣ съ каждой минутой все труднѣй и тяжелѣй заставлять себя сидѣть и писать... Какая-то невѣдомая сила какъ бы завладѣла всѣми членами моего тѣла и держитъ все существо мое въ какомъ-то непонятномъ оцѣпененіи...; безпомощное, неопредѣленное состояніе! Но все-таки оно лучше нормальнаго теченія повседневной жизни, лучше потому, что чувствуется въ этомъ оцѣпененіи заря новой, лучшей, осмысленной жизни, чувствуется смерть... но ея дыханіе не леденитъ меня; въ груди моей нѣтъ страха...

Вдругъ я слышу, какъ кто-то торопливо, но властно и настойчиво зоветъ меня по имени:

„Аглая!.. Аглая!.. кончено!.. все кончено, иди сюда, Аглая... иди, иди сюда, Аглая!..“ Я дѣлаю неимовѣрныя усилія, чтобы продолжать писать: въ головѣ все смѣшивается, передъ глазами туманъ ...кругомъ хаосъ новыхъ звуковъ, новыхъ образовъ... Но я хочу писать, хочу еще писать, дальше о всемъ писать, для тебя, мой далекій, мой живой!.. Я хочу сказать тебѣ, что значитъ смерть, чтобы и ты не боялся ея: чтобы и ты всю жизнь свою вѣрилъ въ нее, какъ я вѣрила!.. Мнѣ хорошо!.. мнѣ чудно хорошо!.. Вдругъ все стало такъ просто, такъ ясно... я понимаю, почему всю жизнь свою боялась только жизни, почему жизвь страшила, угрожала... а смерть казалась какимъ-то новымъ міромъ, избавленіемъ отъ этихъ мученій жизни .. землей обѣтованной!.. Теперь я знаю ее!.. вотъ она!.. вотъ она!.. Безграничная свобода мысли, первенство чувства, какихъ раньше не знала душа моя... Я могу чувствовать и ощущаю въ настоящее время близость цѣлой толпы такихъ же существъ, какъ я... я вижу ихъ мысли... всѣ вмѣстѣ, и мысли каждаго въ отдѣльности... я чувствую, что они чувствуютъ: и раздѣляю ихъ ощущенія, не сносясь, не говоря съ ними... все открыто, все свободно, все ясно, опредѣленно, глубоко разумно, красиво и величественно...

Кончена земная жизнь!.. долой земныя чувства!.. глаза мои закрываются противъ воли... рука уже совсѣмъ закостенѣла, а голова опускается все ниже и ниже, но я не чувствую своего тѣла; душѣ такъ хорошо, такъ безконечно радостно!.. Привѣтъ тебѣ, новая жизнь!.. заря новаго, лучшаго состоянія!..

Прощайте люди!.. бѣдные живые люди!.. я умерла... мой милый!.. мой живой... прощай... пока... прошай!..»

Іюнь 1901 г.

Ея здѣсь нѣтъ.

(Картинка).

«...Зачѣмъ нѣтъ тебя здѣсь, милая моя родная? Отчего кругомъ такъ пусто все, такъ грустно и не интересно?.. почему тебя нѣтъ со мной, радость ты моя... счастье мое дорогое!»

Такъ думалъ онъ и сидѣлъ грустный на берегу рѣки, мутной и быстрой... Уже смеркалось и отъ воды поднимался легкій бѣлый туманъ; онъ дрожалъ и таялъ въ спокойномъ воздухѣ...

На душѣ стало вдругъ такъ грустно: сердце опять заныло знакомой, и ласкающей, и мучительной болью. Онъ вздохнулъ тяжело и безрадостно, выпрямился, потянулся, оглядѣлся кругомъ, усѣлся поудобнѣе и началъ мечтать, смотря вдаль, думать, вспоминать, грустить, сожалѣть...

«Всю бы ночь просидѣлъ такъ!—думалъ онъ.. —всю бы ночь смотрѣлъ на небо, грустилъ о тебѣ, милой моей... вспоминалъ тебя дорогую!

...Гдѣ ты теперь?.. о чемъ думаешь? что въ твоемъ сердцѣ?.. добрая, хорошая!.. ты вѣдь меня любила!.. да, тогда любила, а теперь не пишешь!? Не хочешь сказать, что еще любишь, не хочешь утѣшить, оживить... наконецъ, исполнить только свое обѣщаніе!..

Никакого объясненія не могу подыскать, никакой успокоивающей причины найти!.. непонятно!..

Знаешь, что я не могу дать телеграммы, такъ какъ тамъ твои не поймутъ ея, а письма мои точно въ Лету одно за другимъ несутся... и нѣтъ имъ отвѣта!

Тяжело!.. грустно!..» И онъ стиснутыми крѣпко руками сталъ притягивать колѣнку къ себѣ и такъ, слегка покачиваясь, смотрѣлъ упорно въ одну точку и все думалъ, думалъ...

...Горькія думы! онѣ не одинъ разъ доводили его до слезъ!.. Какъ сейчасъ видитъ онъ ея глаза, глубокіе, добрые: они улыбаются ему, радостно, нѣжно, ласково, привѣтливо, кротко смѣются... «Дорогіе, любимые глаза! дорогая, любимая головка! отчего нѣтъ тебя здѣсь... и я не могу видѣть, не могу цѣловать

и ласкать тебя!..» ...Съ каждой минутой становилось все темнѣе и темнѣе: одна за другой появлялись на небѣ яркія мигающія звѣздочки; блѣдная луна выплывала на небѣ, еще свѣтломъ тамъ, на далекомъ закатѣ, и почти совсѣмъ темномъ въ противуположной сторонѣ... Рѣка тихо шумитъ и бурлитъ, вся закутанная теперь густымъ бѣлымъ туманомъ: стало сыро и свѣжо... а онъ все сидитъ и смотритъ впередъ въ туманъ, смотритъ ничего не различающимъ, разсѣяннымъ взглядомъ, полный грезъ и думъ о далекой любви своей...

«Приди ко мнѣ, мой дорогой другъ, милый и любимый!.. приди ко мнѣ, потому что я люблю тебя, потому что я мучаюсь и жду!.. Скажи одно слово ласковое! подари однимъ любящимъ нѣжнымъ взглядомъ... протяни и пожми рукой своей мою руку, чтобы я могъ знать, что ты любишь меня, чтобы я могъ успокоиться... приди, приди ко мнѣ!.. вѣдь ты знаешь, какъ я люблю тебя!..»

...Онъ заплакалъ тихо и грустно, слезами любви оторванной и страдающей.. и жалобно вторила ему въ унисонъ журчащая рѣка, и блѣдно освѣщала полная яркая луна, и миріады звѣздъ мигали и смѣялись ему, точно желали развлечь, утѣшить...

Іюль, 1901 г.

Пять весеннихъ ночей:

Ночь первая.

...Скоро будетъ бить 12 часовъ ночи... Я сижу у широкаго окна, открытаго и темнаго. До моего уха доносятся чей-то сдержанный легкій вздохъ, то страстный непонятный шепотъ, то тихій шумъ, слабый шорохъ: это земля, усталая дневною жизнью, спитъ теперь томно и чутко... это она вздыхаетъ, страстно шепчетъ и тихо, неопредѣленно шумитъ, обнимаясь во мракѣ ясной безлунной ночи со спящей красавицей весной... На небѣ не видно даже звѣздъ; оно покрыто туманомъ и темно, только тамъ, на далекомъ востокѣ горизонта чуть-чуть свѣтлѣе...

Боже мой!.. отчего такъ тяжела, отчего такъ душна эта ночь?.. Почему этотъ непонятный ея шепотъ заставляетъ такъ странно, такъ томительно биться мое сердце?.. Отчего глаза мои невольно устремляются въ эту темноту, точно что-то волшебное, чудовищно-страшное таится подъ ея густымъ покровомъ?.. Мнѣ не хочется спать: я не могу идти спать... словно тайный голосъ говоритъ внутри меня: «Сиди такъ здѣсь!.. сиди, гляди и жди!..»

...И я смотрю и жду... чего?..—не знаю... какъ очарованный, какъ опьяненный... Вдругъ среди многихъ неясныхъ звуковъ, до меня донесся ясный, протяжный, но слабый стонъ; невольно вздрогнулъ я, и мурашки пробѣжали по моему тѣлу, мнѣ стало кого-то безотчетно, глубоко жаль и страшно...

Вдругъ этотъ стонъ раздался еще, но уже громче... ближе, такой жалобный, горькій... а за нимъ вздохъ и шепотъ... громкій, близкій шепотъ, неясный и непонятный...

Нѣсколько разъ я уже слышу этотъ странный стонъ: онъ съ каждымъ разомъ раздается все ближе и яснѣе, все больше и сильнѣе меня пугаетъ... Я хочу закрыть окно и уйти отъ него, но кругомъ въ домѣ все спитъ и тишина мучительнѣе мнѣ и страшнѣе этого стона... Кто тамъ?.. хочу крикнуть я, но языкъ не повинуется мнѣ, и я сижу и смотрю по прежнему въ темную бездонную глубину ночи...

Кто-то стонетъ ужъ совсѣмъ громко, подъ самымъ моимъ окномъ... стонетъ безнадежно мучительнымъ, дикимъ, страстнымъ стономъ... Кажется, волосы шевелятся на моей головѣ, и все тѣло дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, а я все не могу, никакъ не могу овладѣть собой и встать!..

...Бьетъ отчетливо и медленно въ сосѣдней комнатѣ полночь; я слышу этотъ знакомый звонъ и онъ какъ-то страшно дѣйствуетъ теперь на мои возбужденные нервы.

...Я машинально считаю число ударовъ: когда двѣнадцатый ударъ почти замеръ въ воздухѣ, стонъ раздался опять, на этотъ разъ совершенно близко; я невольно отшатнулся и судорожно схватилъ обѣими руками спинку моего стула: прямо предо мною, въ окнѣ, на темномъ фонѣ ночи стояла большая бѣлая фигура: не то человѣкъ, не то густое облако тумана; фигура была прозрачна, но, очевидно, изъ нея исходилъ этотъ громкій и адски мучительный стонъ... «Иди ко мнѣ!.. ясно услышалъ я

нѣжный тихій шепотъ... «иди ко мнѣ, потому что я умираю!..» И пронзительный жгучій стонъ, долгій и протяжный раздался снова и замеръ, и задрожалъ въ тихомъ спокойномъ воздухѣ... Холодный потъ выступилъ каплями на моемъ лбу и и чувствовалъ, какъ эти капли медленно катились по моему лицу... Мнѣ было жалко кого-то въ эту минуту, жалко до безумія, до боли; я самъ былъ жалокъ въ эту минуту... Я сдѣлалъ надъ собою страшное неимовѣрное усиліе и закричалъ невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ: «кто ты?..» Но кругомъ было все тихо и только нѣсколько минутъ спустя (я, кажется, не дышалъ эти минуты...) опять прежній стонъ долетѣлъ до моего уха, но уже издалека, тихій, опять жалобный, еле слышный... разъ... другой... и снова давящая тишина, изрѣдка прерываемая неясными ночными звуками, воцарилась кругомъ... Еще больше страшна и ужасна мнѣ теперь эта ночь, эти темныя, неясныя облака, эти далекіе, непонятные тихіе звуки... Мнѣ хочется плакать, хочется видѣть кого-то... скорѣй... сейчасъ... мое сердце колотится въ груди все сильнѣе и сильнѣе, голова кружится, тѣло дрожитъ, руки крѣпко сжимаютъ спинку стула, я, какъ безумный, вскакиваю, но, послѣ двухъ шаговъ, мнѣ дѣлается такъ плохо... голова сильно кружится... я почти теряю сознаніе...

Ночь вторая.

Тихая ясная весенняя ночь. Изъ за темныхъ тучъ глядитъ на землю, глядитъ холодно, безучастно, круглая блестящая луна: ея бѣлый ровный свѣтъ такъ страшно, такъ возбуждающе дѣйствуетъ на меня... Луна холодно смотритъ на насъ со своего высокаго лона, на насъ, бѣдныхъ маленькихъ людей, которые такъ безцеремонно обращаются съ землей своей и дѣлаютъ все отъ себя зависящее, чтобы она какъ можно менѣе походила на первоначально созданную Богомъ землю...

Что за дѣло далекой лунѣ до насъ?.. до нашей земли?.. она уже отжила, она потеряла все съ жизнью и никто теперь не владѣетъ ею, никто не уродуетъ ея... Мнѣ жаль, что луна мертва, что свѣтъ ея такой леденящій, могильный... такой мертвый, безжизненный свѣтъ!...

...Отчего часто, чаще, чѣмъ слѣдовало бы, является у меня странная непонятная жажда жизни?.. Я хочу жить, хочу безумно, беззавѣтно, вѣрю въ свое будущее и страстно желаю, чтобы оно скорѣе наставало... Но увы! будущее всегда впереди... только впереди, какъ нѣчто недосягаемое, неуловимое!.. Оно всегда зоветъ впередъ и почти всегда рисуетъ такія дивныя, такія плѣнительныя картины... картины благополучія и широкаго счастья. Но коль скоро доживо до этого будущаго, оно, сдѣлавшись настоящимъ, теряетъ всю свою манящую прелесть, мало занимаетъ насъ, такъ какъ новое, еще болѣе молодое, болѣе заманчивое будущее уже ждетъ насъ, гдѣ-то тамъ впереди и кланяется намъ и манитъ, и зоветъ къ себѣ для новаго обмана!.. А мы, мы, умные люди, забравшіе въ руки свои всю землю и все на ней ростущее и живущее, мы, сколько долгихъ вѣковъ вѣримъ въ непреложное счастіе неизвѣстнаго заманчиваго будущаго!.. Стыдно, люди!.. стыдно и недостойно васъ, гордыхъ, самолюбивыхъ!.. Всю жизнь свою вы вѣрите въ нелѣпые обманы, и нелѣпо на каждомъ жизненномъ шагу обманываете себя сами!..

...Посмотри, человѣкъ, что ты сдѣлалъ съ собой!
Какъ ты всю свою жизнь исказилъ!..
—Ты вѣдь гибнешь безсильный, сраженный судьбой,
Въ лучшемъ цвѣтѣ, и жизни, и силъ!..

Ночь третья.

...Сегодня ночь холодна и темна: вѣтеръ шумитъ деревьями и гонитъ по черному небу черныя тучи: ихъ не видно на темномъ фонѣ, но чувствуется, ощущается ихъ близость и страхъ... невольный безотчетный страхъ шевелится во всемъ существѣ моемъ, заставляетъ усиленно биться сердце, гонитъ сонъ... Тяжело... и дышать, и думать, и писать тяжело. Что-то огромное черное и страшное, какъ сама эта ночь, давитъ сверху, снизу, съ боковъ, давитъ медленно, но неуклонно и рѣшительно... все сильнѣе, сильнѣе съ каждой минутой!..

И въ эти минуты жизнь веселая, заманчивая, теряетъ въ глазахъ моихъ всю свою прелесть; я не хочу жизни, я не люблю ея... мнѣ не хочется жить!.. Лучшія, незабвеннѣйшія минуты

пережитаго кажутся такими безсмысленными, банальными, такими блѣдными и безцвѣтными, что даже ихъ не желалъ бы я вернуть!..

Да!.. эта ночь унесла отъ меня мои желанія и будущаго не хочу я, такъ какъ могу догадаться, каково оно приблизительно будетъ, ни прошедшаго, такъ какъ оно слишкомъ неинтересно, ни настоящаго, конечно, такъ какъ не переживалъ я, кажется, минуты тяжелѣе этой!.. Я только хочу умереть, т. е. на вѣки перестать чувствовать и думать, какъ теперь; можетъ быть неизвѣстныя чувства будущей неизбѣжной загробной жизни будутъ свѣжѣе, будутъ лучше и легче моихъ настоящихъ чувствъ!..

....Лѣсъ глухо шумитъ: изрѣдка небо свѣтлѣетъ и тогда видны на немъ хорошо рѣзко очерченные контуры несущихся суровыхъ страшныхъ тучъ!

Мнѣ тяжело и душно... хотя бы сонъ сковалъ мои глаза, мое тѣло, думы мои, чувства!..

Люди! какъ вы малы! какъ вы жалки!... какъ блѣдна ваша жизнь!.. какъ нелѣпы, какъ ничтожны ваши подвиги, ваши успѣхи!.. слабые, безпомощные, — вы — болѣзнь земли!.. Не будь васъ, земля была бы дѣвственна и здорова; вы несете собой разрушеніе, смрадъ и слезы... слезы безъ конца... мучительныя, горькія слезы братьевъ вашихъ, которыхъ страдать заставляете!..

Ночь четвертая.

Ночь ясная, свѣтлая, тихая: я хочу любить глубоко, беззавѣтно, любить ее, любить каждаго человѣка, любить всѣхъ людей на землѣ и все, все въ мірѣ.

...Свѣтлое, чистое, отрадное чувство: оно даетъ мнѣ силы много, даетъ счастіе, приноситъ свѣжесть моимъ одинокимъ мыслямъ и жизнь, жизнь новую, лучшую усталой душѣ моей... На горизонтѣ замѣтно свѣтлѣе и звѣзды блестятъ тамъ меньше; почти ихъ не видно... Луна глядитъ такъ ласково: она смотритъ и улыбается, и мнѣ такъ хорошо, такъ безконечно хорошо, что сердце какъ-то невольно бьется горячѣй и страстнѣй, и слезы, непонятныя, но милыя, миротворныя слезы любви беззавѣтной

и далекой катятся медленно по горячимъ щекамъ, прибавляя мечтамъ моимъ столько чудной, плѣнительной грусти!.. Мнѣ хорошо теперь .. не надо ни прошлаго, ни будущаго!.. Настоящее... дивное, лучезарное, наполнило все существо мое радостью, счастьемъ и жаждой, страстной, глубокой жаждой любви...

Я стремлюсь жить, чтобы хоть одинъ разъ любить, какъ хочу теперь, въ эту ночь, при этой лунѣ, при этомъ небѣ, при этихъ грезахъ!..

Приди еще ко мнѣ!.. приди, такая ночь, еще!.. я хочу тебя, когда мнѣ больно, когда люди обидѣли, когда жизнь сдавила!. Я люблю тебя до слезъ, ясная, милая ночь!..

Ночь пятая.

...Я потушилъ свѣчу и раскрылъ окно; ночь, темная, страстная ночь ворвалась въ мою комнату, охватила меня, опьянила... Можно ли спать, можно ли не жить эти минуты?!.. такая ночь создана для жизни, для любви, для грезъ, для мечтаній, для счастья... Мои глаза уже привыкли къ темнотѣ; я уже вижу лучше темные контуры деревьевъ на болѣе свѣтломъ фонѣ неба... На немъ, на этомъ далекомъ бездонномъ небѣ, звѣздъ такъ мало; эти звѣзды такъ блѣдны; отъ нихъ почти нѣтъ свѣта... Кругомъ все тихо до напряженности; я слышу біеніе моего сердца и вздыханіе груди моей... невольно я дышать хочу тише... невольно сердце замираетъ и какъ бы нервно дрожитъ... Я томлюсь глубоко, глубоко... томлюсь всѣмъ существомъ своимъ, всей душою, всѣми мыслями, горячими, быстрыми... на глаза навертываются слезы, страстныя, непонятныя... и сладкія, и мучительныя слезы! Мнѣ кажется, что такъ же, какъ дрожу теперь я, дрожитъ, бьется безумно и замираетъ каждая вѣтка, каждый листъ въ этой темной, почти непроглядной мглѣ на спящихъ, почти невидимыхъ деревьяхъ... Спятъ ли они?.. Можетъ быть и они томятся также страстно, также непонятно?.. Скажи!.. объясни мнѣ все, темная, горячая ночь!.. Неужели и эта любовь... неужели и это томленіе — есть жизнь, есть истина? неужели это не сумасшествіе, и завтра будетъ снова день... обыкновенный, безстрастный, дождливый, или солнечный день?.. Отвѣть же мнѣ

сейчасъ, темная ночь!.. непонятно мнѣ твое дрожаніе и твоя истома; непонятна мнѣ твоя тишина... странны и непонятны чувства, которыя ты собой мнѣ всегда приносишь!..

Скажи... отвѣть же мнѣ, дорогая, ласковая, темная, плѣнительная и страстная весенняя ночь!..

Май, 1901 г.

Голубь.

(Фантазія).

Посвящается моей сестрѣ Котѣ.

I.

Былъ чудный, тихій, ясный лѣтній вечеръ; солнце уже почти слилось съ горизонтомъ и бросало на землю, деревья и строенія людей, свои нѣжные красные лучи, придавая всему какой-то особенный, красивый и фантастическій видъ... По небу летѣлъ обыкновенный сизый голубь, летѣлъ и любовался разстилавшимся подъ нимъ дивнымъ ландшафтомъ засыпающей природы, уже спокойной, такъ красиво озаренной теперь пурпурными лучами заходящаго солнца...

Голубь летѣлъ и думалъ: какъ громадна, какъ прекрасна земля!.. какъ мудро она устроена!.. летишь такъ все и не видишь конца этой земли... и не чувствуешь предѣла красоты и мудрости на ней!.. Какъ ничтожны передъ спокойнымъ стихійнымъ величіемъ этой земли мы, маленькіе, глупые голуби!.. какъ ничтоженъ я!.. какъ жалокъ!.. какъ малъ!.. Даже эти большія животныя, эти люди, слѣды которыхъ попадаются такъ часто на землѣ, даже они, какъ мизерны въ сравненіи съ общей подавляющей огромностью!.. какъ они ни стараются поработить всю природу, уничтожить всю красоту ея — это имъ не удается!..

Они считаютъ себя самыми умными на землѣ; даже больше— они считаютъ, что имъ принадлежитъ вся земля, со всѣми другими живыми существами, со всей природой... Все, все забрали

въ свои руки эти несносные, злые пигмеи!.. и какъ они ничтожны! но если люди ничтожны, то что же тогда мы, бѣдные, глупые маленькіе голуби?..

Что значу я?.. сегодня я лечу, свободный надъ землей, сердце бьется въ моей груди, я наслаждаюсь жизнью, дышу, думаю, а завтра, можетъ быть, я кончу жить и черви изгложутъ мой маленькій трупъ... и никто, никто не будетъ интересоваться моей смертью, какъ и жизнью моей не интересовался никто!.. никому не будетъ жаль бѣднаго умершаго голубя!..

...Странно, непонятно все устроено здѣсь!.. непонятна земля, непонятна жизнь, непонятна смерть!..

Смерть... смерть!... Что такое смерть?.. Можетъ быть въ ней разгадка всего неизвѣстнаго? отвѣтъ на всѣ мучительные вопросы?.

И маленькое сердечко бѣднаго голубя забилось сильно въ маленькой груди отъ этихъ думъ.. Въ эту минуту онъ хотѣлъ конца жизни своей, хотѣлъ смерти только во имя того, чтобы разгадать эти тайны!..

Уже солнце совсѣмъ скрылось за горизонтомъ: становилось почти совсѣмъ темно... Онъ поднимался незамѣтно для себя все выше и выше, точно догнать хотѣлъ скрывающееся за далекимъ неуловимымъ горизонтомъ ярко-красное лучезарное свѣтило, отъ котораго только пурпурный отблескъ остался теперь на небѣ!.. Онъ смотрѣлъ внизъ; земля осталась далеко, покрытая туманомъ и облаками, большая, темная, безмолвная, заснувшая... И онъ почувствовалъ, что всѣмъ своимъ маленькимъ существомъ, всею силою своего маленькаго голубинаго сердца любитъ эту большую, спящую въ облакахъ, землю, любитъ потому, что тамъ началъ свою жизнь, потому, что она, земля — источникъ его чувствъ, его думъ... Быстро, быстро сталъ голубь опускаться къ землѣ.. какіе-то неясные, далекіе звуки доносились снизу до его слуха: точно множество голосовъ людскихъ сливалось въ одинъ шумъ, безпокойный и непріятный... Люди!.. опять эти несносные люди! подумалъ голубокъ и продолжалъ опускаться... Какое-то яркое, свѣтлое пятно внизу остановило его вниманіе: это оттуда несутся далеко въ воздухѣ крики, хохотъ и говоръ людской... Это загородный садъ... Во всемъ почти городѣ уже темно, а тамъ свѣтъ и народу, народу масса: люди всю ночь проведутъ здѣсь, будутъ смотрѣть пляску, слушать глупое, вульгарное пѣніе, ѣсть, пить,

смѣяться!.. Нѣкоторые всю жизнь такъ проводятъ!.. Странно!.. Непонятно, отчего эта порода животныхъ пользуется одна передъ всѣми другими, преимуществомъ весело ничего полезнаго не дѣлать (по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ), сохраняя право господства надъ зёмлею и всѣмъ находящимся на ней?..

Нѣтъ!.. жизнь никогда не дастъ мнѣ отвѣта и на этотъ мучительный вопросъ!.. Люди сами не знаютъ этого... я часто случайно слышалъ ихъ разговоры... вѣдь они всетаки гораздо умнѣй меня, глупаго голубя, и они не знаютъ ни жизни своей, ни жизни нашей, ни смерти своей, ни нашей смерти!.. Шумъ, говоръ и смѣхъ становились все тише и тише; голубь летѣлъ быстро и городъ остался далеко позади съ веселящимися людьми своими...

Онъ опять посмотрѣлъ внизъ: на землѣ чернѣлъ лѣсъ, густой и темный; легкій вѣтеръ слегка качалъ верхушки деревьевъ, и онѣ тихо шумѣли... какъ бы шептались между собою... Голубь не сталъ прислушиваться къ ихъ шепоту... вѣдь все равно, даже если бы сталъ понятенъ языкъ лѣса, даже если бы громко и внятно говорили эти деревья, онъ не получилъ бы отъ нихъ отвѣта на мучившіе вопросы... Вдругъ что-то бѣлое мелькнуло среди темной массы листвы: стѣны, купола, кресты... это монастырь... Надо отдохнуть,— подумалъ голубь...— Онъ опустился и сѣлъ на одномъ изъ каменныхъ выступовъ колокольни... Выплывала луна и становилось свѣтлѣе; на небѣ, чистомъ и бездонномъ, мелькали, переливались и дрожали міріады звѣздъ... несмѣтныя количества отдѣльныхъ міровъ, никому изъ земныхъ обитателей невѣдомыхъ!..

Вѣтеръ пересталъ дуть; кругомъ было тихо, тихо; среди этой тишины голубь услышалъ нѣжный человѣческій шепотъ; онъ насторожился и повернулъ свою маленькую головку по направленію голоса. Взглянувъ туда, голубокъ увидалъ множество крестовъ и бѣлыхъ памятниковъ; онъ понялъ, что это было мѣсто, куда люди закапываютъ трупы своихъ умершихъ братьевъ... Кто-то шепталъ страстно и громко: „люблю... безумно люблю, дорогая, радость моя, счастье мое!.. Клянусь тишиною этой ночи... клянусь, наконецъ, святостью этого мѣста и сномъ этихъ мертвецовъ, что до самой могилы не буду знать другой женщины, кромѣ тебя, моей дорогой, единственной!..“ Голубь слышалъ этотъ шепотъ, слышалъ, какъ они цѣловались, и ему

захотѣлось подлетѣть поближе; онъ подлетѣлъ и усѣлся на одномъ изъ сосѣднихъ крестовъ... Голубокъ увидѣлъ женщину всю въ темномъ, монахиню, сидящую на лавочкѣ подлѣ одной могилы и молодого мущину, одежду котораго не могъ разобрать, — этотъ послѣдній стоялъ передъ нею на колѣняхъ и, облокотившись на ея колѣни, жадно смотрѣлъ прямо ей въ глаза; держа обѣими руками его голову, она нѣжно, нѣжно ему улыбалась... Грустно и страшно сдѣлалось почему то маленькому голубю... Чего онъ загрустилъ?.. чего испугался?.. — «Вѣдь люди называютъ святымъ это мѣсто, думалъ голубокъ, вѣдь служители монастыря и Бога не смѣютъ любить... они обѣтъ дали Богу, а если не держать обѣта, то какой-же смыслъ ихъ пребыванія тамъ?.. Какой смыслъ въ ихъ вѣрѣ въ Бога, котораго они хотятъ обмануть?.. хотятъ, но не могутъ... вѣдь Бога нельзя обмануть; или не вѣрятъ они, что есть Онъ?... а если вѣрятъ, значитъ и въ вѣрѣ разумныхъ людей нѣтъ истины!.. Грустно и страшно!.. Отчего я такой глупый!.. отчего я ничего не могу уяснить себѣ?.. » .. и нѣсколько слезинокъ тихо скатилось изъ маленькихъ глазъ голубка; онъ тяжело вздохнулъ, взмахнувъ крыльями, и полетѣлъ дальше...

II

Голубокъ летѣлъ и не смотрѣлъ на землю; передъ его глазами открывалось безконечное звѣздное небо... Вдругъ показалось голубку, что одна изъ звѣздъ глядитъ на него какъ-то особенно, улыбается, мигаетъ, блеститъ такъ нѣжно, такъ красиво, точно зоветъ его къ себѣ... Сильно, сильно забилось сердечко въ его маленькой груди; голубку захотѣлось туда, къ этой далекой, прекрасной, ласковой, кроткой, милой, нѣжной, ясной, чистой звѣздочкѣ... Онъ не отводилъ отъ нея своихъ глазъ и все летѣлъ, летѣлъ, когда потомъ обернулся голубокъ, ...то задрожалъ отъ ужаса и на мгновеніе замеръ въ воздухѣ: сзади него не было земли... т. е. не было большого темнаго пятна съ рѣдкими свѣтлыми пятнами, той земли, которую онъ видѣлъ такъ недавно!.. внизу теперь было такое-же небо, усѣянное многочисленными блестящими звѣздами. . Кругомъ было тихо, такъ тихо, что онъ

слышалъ явственно, какъ слегка свистѣлъ воздухъ проходя сквозь перья его маленькихъ крыльевъ, онъ слышалъ какъ стучало его горячее маленькое сердце и дышала его узенькая голубиная грудь... Черезъ минуту страхъ прошелъ; мысль объ утраченной, можетъ быть навсегда, землѣ и сожалѣніе о ней зашевелилась въ немъ... Но лишь только увидалъ онъ звѣзду, къ которой стремился, лишь только опять она ласково и нѣжно ему улыбнулась, — голубокъ уже забылъ землю, съ ея горестями, съ ея тайнами и всѣмъ маленькимъ существомъ своимъ стремился къ ней, быстро, быстро махая крыльями...

«Ясная, милая звѣздочка, — думалось ему, — ты такъ смотришь на меня кротко, любовно, ты такъ утѣшила меня въ моихъ грустныхъ думахъ о печальной и непонятной землѣ!.. Я хочу узнать тебя!.. я хочу увидѣть тебя!.. я хочу любить тебя!.. » и онъ еще быстрѣе заработалъ своими крылышками; съ каждой минутой звѣзда становилась ярче и опредѣленнѣе, такъ какъ онъ все ближе и ближе къ ней приближался. Вдругъ опять сердечко сжалось жалостью: онъ снова вспомнилъ далекую землю, на которую уже не вернется, такъ какъ чувствуетъ, что больше не можетъ летѣть вверхъ, т. е. противъ притяженія земли; теперь тянула его эта звѣзда, и физически, и духовно притягивала: онъ почти не летѣлъ, а падалъ на нее, слегка регулируя крыльями это паденіе.

...Новая планета близка!.. дивный новый свѣтлый міръ открывается передъ удивленными глазами голубка; онъ былъ очарованъ прелестью, сладостью новыхъ, невѣдомыхъ чувствъ, горячей бурной волной нахлынувшихъ на него... онъ былъ счастливъ, рвался туда всѣмъ существомъ своимъ... и, странно!.. не жалѣлъ, вовсе не жалѣлъ теперь далекой земли, которую покинулъ... «Нѣтъ, этотъ міръ принесетъ мнѣ счастье... Здѣсь нѣтъ ничего земного.. здѣсь свѣтъ мысли и чувства, а тамъ мракъ жалкихъ ощущеній, скучныхъ, неинтересныхъ: здѣсь все ясно, все счастливо, тамъ все непонятно и тяжело, горестно, безобразно... Здравствуй, новый міръ! Привѣтъ вамъ, новыя желанія, ясныя чувства въ бѣдномъ сердцѣ моемъ, истомленномъ скорбью земною!..»

Кругомъ было свѣтло, но это не былъ свѣтъ земной: лунный или солнечный свѣтъ: сама планета свѣтилась пріятнымъ, нѣжнымъ голубымъ свѣтомъ... Этотъ свѣтъ одинъ стоилъ много: все

существо бѣднаго маленькаго голубя проникло имъ... Проникъ въ его тѣло, его мысли, его душу радостный, чистый, ясный животворный свѣтъ! Такъ хорошо, такъ легко было летѣть: почти не требовалось никакихъ усилій, чтобы передвигаться по этому воздуху; одно легкое движеніе крыла дѣлали теперь то, что тамъ не могли сдѣлать и нѣсколько сильныхъ взмаховъ... Будто здѣсь не имѣли мѣста земные законы тяжести: онъ останавливалъ свой полетъ и, почти не двигая крыльями, оставался въ пространствѣ, любуясь страннымъ, дотолѣ невиданнымъ зрѣлищемъ. Передъ изумленными взорами голубка открывались обширные горизонты: цѣлыя огромныя пространства, покрытыя лиловатой растительностью, если можно было назвать растеніями то, что было видно на этихъ безконечныхъ равнинахъ... Многочисленныя бѣлыя пятна мелькали тамъ и сямъ, изрѣдка останавливаясь на голыхъ, совершенно черныхъ скалахъ: длинныя золотыя, съ розоватыми отблесками струи носились вокругъ этихъ скалъ и обнимали ихъ, и льнули къ нимъ и закрывали бѣлыя пятна мелькавшіяся, двигавшіяся по нимъ...

Голубь летѣлъ, неся все ближе, ближе къ этимъ дивнымъ мѣстамъ, которыя всѣ дышали свѣжей, величественной и могучей красотой спокойствія и свободы... Голубокъ сѣлъ на вершину одной изъ скалъ; кругомъ все было такъ ново, такъ странно, въ спокойномъ голубомъ воздухѣ не было звуковъ... только отъ его маленькой головки безпрерывно отдѣлялись въ пространство какія-то легкія эфирныя струйки, отдѣлялись и колебали слегка воздухъ и наполняли колебаніемъ все существо его: лучше и понятнѣе было ему теперь прежде передуманное... душа понимала сердце, сердце понимало умъ... Голубокъ оглянулся кругомъ: черныя скалы тѣснились, опоясанныя лиловой каймой странныхъ травъ, волнующихся въ тихомъ спокойномъ пространствѣ, по совершенно непонятной причинѣ. Внизу, у скалы и дальше— равнины, покрытыя той же лиловой травой и вѣтвистыми, причудливо-разнообразными деревьями: здѣсь нѣтъ ни листьевъ, ни вѣтокъ на деревьяхъ: деревья вездѣ одинаково тонки; это точно разноцвѣтная, почти прозрачная нитка идетъ отъ почвы вверхъ и тамъ, въ вышинѣ, переливается, изгибается и переплетается, образуя красивые контуры, причудливыя фигуры, богатыя своей оригинальностью и красотою своихъ формъ, которыя постоянно

измѣняютъ свои очертанія, дрожатъ, колеблятся; то поднимутся высоко, то разстилаются низко, и вьются, переплетаясь почти надъ самой почвой... Нити получающихся узоровъ густыхъ и безконечныхъ постоянно мѣняютъ въ разныхъ мѣстахъ цвѣта свои. Сколько новыхъ, никогда невиданныхъ цвѣтовъ увидалъ голубокъ! Какое богатство красокъ, оттѣнковъ, переливовъ! Нигдѣ на землѣ нѣтъ ничего подобнаго!... Иногда по воздуху проносятся тѣни бѣлыя, неясныя; контуръ ихъ опредѣлить трудно, онъ колеблется: отъ нихъ дрожитъ воздухъ тонкими, длинными струями... но дрожитъ также безшумно, какъ и отъ мыслей голубка... Кругомъ нѣтъ звуковъ... все тихо... тихо; на землѣ не знаетъ никто такой тишины!.. Голубокъ летитъ дальше; какъ свободно, какъ легко летѣть! онъ еле двигаетъ крыльями и быстро переносится съ мѣста на мѣсто, и остановится въ воздухѣ, и снова несется; а виды одинъ другого красивѣе и оригинальнѣе, разнообразные, величественно и спокойно красивые продолжаютъ открываться передъ нимъ; и нѣтъ имъ предѣла...

Голубокъ снова присѣлъ. Невдалекѣ отъ него, окутанныя разноцвѣтными нитями деревьевъ, сидѣли и стояли, сгруппировавшись длинныя бѣлыя тѣни, точно фигуры людей, закутанныхъ туманомъ... это тѣ же фигуры!.. контуръ ихъ опредѣлить трудно; отъ нихъ колеблется воздухъ тонкими струями... Эти струи достигаютъ голубка и проникаютъ во все существо его; онъ начинаетъ понимать что-то; да, да, онъ понимаетъ смыслъ этихъ колебаній. Здѣсь колебанія замѣняютъ звуки земные...

III.

Голубокъ понялъ: это живыя существа... колебанія струй воздуха, это разговоръ ихъ между собою; они мѣняются мыслями своими, эти фигуры; мысли ихъ чувствуетъ маленькій голубокъ посредствомъ движеній струй эфира.. Жадно слушаетъ онъ, новыя, странныя вещи узнаетъ... Эту новую, незнакомую землю называютъ онѣ планетою смерти... „Конечно, конечно...“—безшумно колеблетъ воздухъ одна фигура... „конечно, если бы я могъ знать тогда, когда окружала жизнь земная, съ ея постоян-

ными стремленіями къ чему-то, съ ея непонятными страданіями, причудами, заботами, страстями, слезами, восторгами... Еслибъ я зналъ! О, еслибъ я зналъ!... Кругомъ было такъ много обольстительныхъ пороковъ, которые мало по малу завладѣли душой моей... Я пересталъ думать о людяхъ, которые были около меня, я пересталъ принимать въ расчетъ чужіе интересы, при достиженіи собственныхъ плановъ! Я сталъ сначала эгоистомъ, а потомъ жестокимъ по отношенію къ другимъ, меня не трогали слезы людей, братьевъ моихъ, меня не возмущали собственные позорные, безсердечные поступки: я разучился чувствовать; сердце мое очерствѣло... Я пересталъ вѣрить въ существованье Высшей Божеской власти — въ Бога, я не признавалъ ничего, ни надъ чѣмъ не задумывался; въ сердцѣ моемъ не могло быть вѣры, такъ какъ оно полно было пороковъ, и самаго суроваго скотскаго эгоизма... Я не думалъ, никогда не думалъ, что наступитъ, когда умру; меня засосала жизнь...

...Поздно, теперь ужъ поздно горевать, но душа моя не находитъ покоя... На землѣ у меня не было ничего святого, а здѣсь все прошлое, позорное прошлое, свято, и я мучаюсь жестоко за то, что не признавалъ святости чувствъ тогда, когда жилъ! Теперь нѣтъ у меня будущаго, нѣтъ настоящаго, есть только память о прошломъ, горькая, невыносимо горькая память!.. Тогда я былъ сытъ и не понималъ, и не жалѣлъ, не хотѣлъ понимать и жалѣть голодныхъ; теперь мои муки хуже мученій голода, и я жалѣю бѣдныхъ живыхъ людей: я душу свою (впрочемъ, что теперь душа моя!) отдалъ бы за возможность сдѣлать имъ счастье, за возможность сказать, что ожидаетъ ихъ подъ страшнымъ словомъ: «смерть»!... О, если бы можно было снова начать жизнь земную! какъ бы я жилъ! О, какъ бы я жилъ! Я никого не любилъ всѣмъ сердцемъ своимъ, потому что у меня не было сердца, а тогда я бы сталъ любить всѣхъ людей, понимать ихъ, жалѣть, заботиться, страдать за нихъ... Зачѣмъ я не зналъ!.. о, зачѣмъ я не зналъ тогда, что буду мучиться такъ!..“ Онъ такъ грустно, такъ горько колебалъ воздухъ и голубку стало грустно и горько... и бѣлыя фигуры кругомъ волновали струи: «еслибъ мы знали!... О! еслибъ мы знали!.. но поздно, поздно!..»

Голубокъ не могъ выносить этихъ мукъ; въ первый разъ на этой планетѣ почувствовалъ онъ горе и мученіе; а онъ думалъ,

что здѣсь все такъ счастливо, хорошо; лучше, лучше, чѣмъ тамъ, на далекой землѣ, грѣшной и скучной!.. Неужели и здѣсь не знаютъ счастья?.. Господи!.. и здѣсь горе! и здѣсь страдаютъ!.. Онъ полетѣлъ дальше, тихо, грустно колебля воздухъ; ему хотѣлось плакать; онъ не видѣлъ больше красотъ здѣшней природы, его не интересовали оригинальные контуры растеній, цвѣтъ воздуха и трава...; и здѣсь горе... и здѣсь слезы!.. Вдругъ онъ почувствовалъ присутствіе другого лица вблизи и, обернувшись, увидѣлъ бѣлую фигуру, такую, какихъ видалъ тамъ, на скалѣ: она летѣла съ нимъ рядомъ и колебала воздухъ. Голубокъ понялъ: «вижу, вижу, что тебѣ грустно, но ты ошибаешься!.. да! ты не знаешь... смотри, я не плачу; смотри, я люблю эту планету!.. Когда жилъ я на землѣ, мнѣ было такъ плохо; я былъ постоянно въ зависимости отъ другихъ людей, сильныхъ, богатыхъ; они меня обижали, издѣвались, не хотѣли понять, не помогали!.. Я думалъ о жизни, я плакалъ о ней, о ея страданіяхъ, о ея людяхъ!.. Я вѣрилъ въ Бога и зналъ, что душа не умретъ; я не зналъ смерти, но думалъ много, часто думалъ о ней... А теперь мнѣ хорошо! Я вижу теперь, какъ на землѣ много людей со слезами говорятъ обо мнѣ и мнѣ такъ хорошо, такъ радостно! Я знаю, что увижу здѣсь всѣхъ людей и меня не страшитъ разлука теперь съ ними: я люблю ихъ теперь, какъ любилъ прежде! Я чувствую, что и меня многіе любятъ тамъ... я знаю, что никто не проклянетъ меня на землѣ и я счастливъ... беззавѣтно, глубоко счастливъ... свято счастливъ... Не плачь!.. Ты не знаешь нашей планеты смерти!.. ты недавно умеръ!.. да ты и не человѣкъ, ты голубь, а голуби не должны много страдать о людяхъ; у нихъ столько своихъ личныхъ вопросовъ, столько своей жизни!.. Люди вѣдь не понимаютъ вашей голубиной души и не страдаютъ за васъ!..» А голубокъ заколебалъ воздухъ въ отвѣтъ: «Но я люблю людей потому, что всю жизнь свою на землѣ слѣдилъ за ихъ жизнью, мучился вопросами объ ихъ жизни, считая ихъ умными, самыми умными на землѣ и слѣдилъ за ихъ дѣлами, мыслями, чувствами... Ахъ, я вижу, что люди, лучшіе изъ людей, могутъ быть, всегда будутъ счастливы!.. Но будемъ ли счастливы мы, маленькіе, глупые голуби?..»

«Не знаю, милый, право не знаю!.. я былъ человѣкомъ, прости меня, я не знаю!..» И фигура исчезла... А голубокъ

опять загрустилъ: «Господи! отчего я не былъ на землѣ человѣкомъ?.. Отчего я только глупый, ничтожный голубь?.. Да! я понялъ теперь, что званіе человѣка, высокое, драгоцѣнное званіе, что всякій, кто былъ *человѣкомъ*, будетъ счастливъ и послѣ смерти... значитъ хорошо, значитъ мудро быть человѣкомъ!.. но какъ трудно на землѣ!... Боже мой! отчего я только голубь? я поборолъ бы всѣ трудности и получилъ бы здѣсь счастье!..» И бѣдный голубокъ летѣлъ грустный надъ планетою смерти, летѣлъ и думалъ: «отчего, отчего я только глупый маленькій голубь?.. отчего я не былъ на землѣ человѣкомъ?!.»

Іюль, 1901 г.

О н а.

(Картинка съ натуры).

(Сюжетъ заимствованъ).

На дебаркадерѣ вокзала большого губернскаго города толпилась масса народу: ждали прибытія пассажирскаго поѣзда. Мелькали оживленныя лица: гулъ стоялъ отъ многочисленныхъ голосовъ; слышались громкіе возгласы, смѣхъ, восклицанія грустныя и веселыя; порой раздавались зычные крики носильщиковъ, грубо расталкивающихъ толпу пассажировъ... На краю платформы, на лавкѣ сидѣла парочка: онъ и она: казалось, они не замѣчали ни этого шума, ни этой суетящейся толпы; общее оживленіе будто не касалось ихъ. Онъ не былъ красивъ, но за то глаза его свѣтились такой неподдѣльной грустью, такой сильной душевной тоской... эти глаза такъ много, такъ краснорѣчиво говорили... Они смотрѣли на лицо ея, красное отъ слезъ, но все же красивое и милое, смотрѣли съ жалостью и скорбью... казалось вотъ, вотъ горькія слезы хлынутъ изъ нихъ...

Она была одѣта просто, но изящно: черная кофточка, отдѣланная барашкомъ, плотно облегала ея стройную талію; вуаль отъ шляпы была приподнята наверхъ. Да, она была красива, даже теперь, когда все лицо ея какъ бы съежилось отъ сдержанныхъ рыданій и глаза были красны...

— Прощай, прощай, мой милый! — съ нѣжной грустью въ голосѣ тихо говорила она ему, — прощай! но помни, что у тебя есть на землѣ человѣкъ... женщина, которая любитъ тебя, любитъ безумно, больше жизни, больше себя самой... для которой ты все, и жизнь, и мука и дорогое, единственное счастье!..—Слезы мѣшали ей продолжать; она еле сдерживала рыданія, готовыя вырваться изъ ея груди... О! она вѣрно не привыкла къ горю! ея лицо было еще такъ молодо...

— Да! прощай, прощай, и не забудь меня, дорогая, — отвѣчалъ онъ тихимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, — не полюби другого... а если забудешь меня, если сердце твое охладѣетъ ко мнѣ... если другой будетъ любить, цѣловать, ласкать тебя... то знай, что я не переживу этого; самая жизнь тогда будетъ казаться мнѣ несноснымъ бременемъ... Но не буду говорить объ этомъ, не буду думать... вѣдь ты меня любишь? О! я вѣрю, что ты ни на кого не промѣняешь меня?.. О, Боже, зачѣмъ только судьба разлучаетъ насъ?.. Но въ этотъ моментъ раздался второй звонокъ; пассажиры зашевелились, забѣгали по платформѣ, засуетились носильщики и кондуктора... Скамейка та, на краю платформы, тоже опустѣла... Вотъ они идутъ въ толпѣ, направляясь къ вагону второго класса; они уже ничего не говорятъ; да и что говорить? Уже было такъ много сказано... каждый изъ нихъ такъ хорошо знаетъ, что дѣлается въ сердцѣ у другого; они такъ увѣрены въ обоюдной любви... только несносная разлука омрачаетъ ихъ радость, прибавляетъ горькія слезы къ ихъ безмятежному счастью!..

— Пиши же мнѣ, Serge! слышишь? пиши! и много, много пиши, о! съ какимъ наслажденіемъ я буду читать твои милыя письма! Онъ молчалъ... его сердце разрывалось на части... еще нѣсколько минутъ, и не будетъ около него той, которая теперь дороже всего на свѣтѣ!..

— Послѣдній разъ молю тебя...—почти прошепталъ онъ, и въ этомъ страстномъ шопотѣ слышались грусть и страданья...— дорогая... поѣдемъ вмѣстѣ, я буду лелѣять тебя... о! ты увидишь, какъ я сильно люблю!.. Я останусь на нѣсколько дней здѣсь, чтобы ты успокоилась... хорошо? да?.. ты поѣдешь?.. ты вѣдь любишь меня?..

...Она молчала, только тихій плачъ былъ ему отвѣтомъ...

— Ты молчишь... ты согласна? о! я знаю, почему тебѣ такъ тяжело согласиться!

— Увы!.. я не могу, не могу, мой милый, ты знаешь...—говорила она, прижимая платокъ къ своему лицу, и плечи ея судорожно вздрагивали...

Въ это время раздался третій звонокъ. Она припала къ его груди и уже не могла сдерживать слезъ своихъ, а онъ, блѣдный, печальный, почти съ силой вырвался изъ ея объятій и вскочилъ на подножку вагона, когда поѣздъ уже двинулся...

Ужъ послѣдній вагонъ промчался мимо станціи, уже толпа провожавшихъ начинала рѣдѣть, а она все стояла на прежнемъ мѣстѣ и глядѣла по направленію умчавшагося поѣзда, съ полными слезъ глазами...

Грустная возвратилась она домой... заперлась въ своей комнатѣ и никуда выходить не хотѣла; но что это? Она замѣтила какой-то конвертъ на своемъ письменномъ столѣ, машинально взяла его, распечатала; это было приглашеніе на вечеръ сегодня же... О! нѣтъ! она никуда не пойдетъ сегодня... А какъ часто раньше она видѣлась съ Serge въ этомъ домѣ; даже тамъ она познакомилась съ нимъ... Боже, если бы можно было только опять встрѣтить тамъ его, какъ раньше... но, увы... онъ теперь далеко... И снова слезы закапали изъ ея глазъ... Она сѣла къ окну; уже смеркалось... Господи, какъ грустно, какъ невыразимо тоскливо; нѣтъ, она не въ силахъ провести сегодняшній вечеръ въ одиночествѣ... Она встала, нажала кнопку электрическаго звонка и велѣла пришедшей горничной принести лиловое платье... это было любимое платье Serge'a...

...Большая, прекрасно убранная гостиная, ярко освѣщена электричествомъ... Красивые, легкіе костюмы дамъ пріятно гармонируютъ съ черными сюртуками и фраками мужчинъ... повсюду смѣхъ, говоръ, оживленіе: снуютъ лакеи съ фруктами и конфектами...

Вотъ нѣсколько изящныхъ кавалеровъ сгруппировалось въ углу гостиной, о чемъ-то оживленно споря...

— А я говорю вамъ, придетъ; на пари, что придетъ!

— Нѣтъ, Андрей Григорьевичъ, вы ее не знаете, она не изъ такихъ! — Въ это время въ гостиную входитъ хозяинъ, полный господинъ съ сѣдѣющими бакенбардами подъ руку съ новой

гостьей: всѣ лица и взоры обратились къ вошедшей... это была стройная красивая дѣвушка съ правильными симметричными чертами нѣсколько печальнаго лица. Съ непринужденной любезностью здоровалась она съ подходившими къ ней мужчинами. Мало по малу лицо ея принимало все болѣе и болѣе оживленный характеръ, она уже смѣялась въ отвѣтъ на остроумные комплименты и замѣчанія: острила и шутила сама... это уже была не та грустная красавица, недавно вошедшая подъ руку съ хозяиномъ; это была кокетка, веселая, безпечная, рѣзвая... ея смѣхъ слышался все чаще, все громче...

— Ну, что вотъ видите? что? и пришла, вотъ и проиграли пари!—радостно шепталъ неподалеку отъ нихъ одинъ господинъ другому...

— Да вы были правы, Андрей Григорьевичъ! я самъ ее не зналъ... но, право, я никакъ не могъ думать, что послѣ того, что я сегодня же видѣлъ на вокзалѣ... теперь здѣсь она, да еще какая веселая, беззаботная; и слѣда на лицѣ нѣтъ недавнихъ слезъ... недавняго горя! просто непонятно, даже жалко его... Ахъ, странное, странное существо эта женщина!.. Любила ли она его? кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ?.. Вѣдь онъ! вѣрно, мучится тамъ въ вагонѣ... можетъ быть даже плачетъ... Приходило ли ему хоть разъ въ голову, гдѣ она теперь на самомъ дѣлѣ?.. Если бы ангелъ съ неба пришелъ къ нему и разсказалъ, какъ весела теперь его милая, и то бы не повѣрилъ несчастный слѣпецъ!..

Да! непонятное, непостижимое существо женщина! откуда слезы? откуда печаль? гдѣ искреннее постоянство? гдѣ правда? гдѣ душа?.. Вѣдь вотъ она для этого осталась здѣсь, не поѣхала съ нимъ!.. да и здѣсь, правда, ей лучше!.. Тутъ много поклонниковъ... а тамъ онъ одинъ, правда, беззавѣтно преданный и любящій, но все-таки одинъ: выбора уже не сдѣлаешь? Но зачѣмъ же такъ рыдала ты? Вѣдь ты посмѣялась надъ самымъ святымъ его чувствомъ... Зачѣмъ ты клялась тогда?.. скажи, скажи мнѣ, безчувственная непонятная женщина!..

Октябрь, 1900 г.

Сонъ или явь.

(Картинка).

...«Она сказала, что придетъ сегодня ночью; она далеко теперь... очень далеко, но я такъ люблю ее, такъ вѣрю каждому ея слову; я чувствую, что она, придетъ, чувствую, что увижу ее»... — такъ думалъ онъ, сидя поздно за своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ рукописями, журналами, книгами... «о, какъ я счастливъ... я вижу, сознаю, что она идетъ ко мнѣ... я ощущаю уже ея близость... иди... иди скорѣй, милая, вѣдь я люблю тебя такъ горячо, такъ беззавѣтно!.. ты должна быть сейчасъ со мной, я хочу, хочу тебя видѣть!..» И онъ, откинувшись на спинку своего рабочаго кресла, закрылъ правою рукою лицо и зажмурилъ глаза свои, между тѣмъ, какъ лѣвая рука судорожно сжимала ручку кресла... сейчасъ... вотъ сейчасъ онъ увидитъ ее

. . . . . .

...Она одѣвается лихорадочно, торопливо; прислуга въ недоумѣніи: первый часъ ночи, ѣхать некуда, а барышня надѣваетъ парадное свѣтлое платье, прикалываетъ бантики, дѣлаетъ прическу и все, чуть не каждую минуту смотритъ на часы и торопитъ свою горничную. — Вотъ она готова; горничная вышла и дверь за ней заперта на ключъ; кромѣ нея — хозяйки — въ комнатѣ нѣтъ никого... Она тушитъ свѣчи съ какимъ-то страннымъ особеннымъ возбужденіемъ, то блѣдная, то ярко пунцовая; руки ея дрожатъ; она дуетъ долго, колеблетъ пламя свѣчи и не можетъ никакъ потушить его. Но вотъ въ комнатѣ уже тьма... Она стоитъ по серединѣ и, вперивъ въ окружающій мракъ, густой и непроглядный, свои широко открытыя глаза, думаетъ о немъ... идетъ къ нему... «Милый... я иду къ тебѣ... жди меня... люби меня...» — шепчетъ она громко и властно. — Она видитъ комнату, слабо освѣщенную догорающей лампой... вотъ онъ сидитъ у письменнаго стола, заваленнаго бумагами... сидитъ, откинувшись на спинку кресла, закрывъ рукой глаза... «Я здѣсь... я пришла... я съ тобой, мой дорогой, мой милый... возьми меня... люби меня!..»

...Тутъ онъ открылъ глаза и вздрогнулъ; онъ увидѣлъ ее... она идетъ къ нему и шепчетъ нѣжно слова любви и страсти... Они вмѣстѣ... минута проходитъ, другая, они все вмѣстѣ...

Долго, долго будетъ онъ помнить эту ночь!..

Іюль, 1901 г.

Исповѣдь.

...Онъ говорилъ жарко и много: глаза блестѣли лихорадочно, губы были блѣдны и сжаты: на всемъ лицѣ написано столько утомленной покорности судьбѣ, столько горечи и сознанія непоправимости вины своей, столько скорби безъисходной...

«...Когда они бывали вмѣстѣ»,— говорилъ онъ,— «что-то мучительное и страшное просыпалось и шевелилось въ груди моей, парализовало мысли, туманило разумъ: сердце билось сильно, громко, часто, между тѣмъ, какъ руки мои конвульсивно сжимались: я шелъ къ нимъ и, почти ничего не сознавая, садился рядомъ... Я не могъ говорить, такъ какъ зубы мои стучали: вѣроятно я былъ страшенъ въ эти минуты; они всегда такъ участливо приносили мнѣ воды, утѣшали, придумывая причины дурноты... Вѣдь и она, и она не догадывается о настоящей причинѣ ужаснаго моего состоянія, которое послѣднее время повторялось со мной очень часто, такъ какъ я сталъ все чаще встрѣчать ихъ вмѣстѣ... Въ тотъ страшный день я долго, долго слѣдилъ за ними... это былъ самый ужасный день въ моей жизни и по своимъ непоправимымъ послѣдствіямъ онъ всю жизнь мою будетъ мнѣ памятенъ!.. Я былъ близокъ и раньше къ такому поступку; но всегда являлись въ такія минуты спасительныя слезы... да, слезы; онѣ удерживали меня отъ страшнаго шага: вдругъ хлынутъ горячей, неудержимой волной... польются и унесутъ много накопившейся горечи, и облегчатъ невыразимыя муки и отрезвятъ мозги: я задумаюсь и не рѣшусь... и, называя себя безумцемъ, ухожу куда нибудь дальше, дальше отъ нихъ, чтобы не думать, не мучиться. Конечно, забыть и не мучиться мнѣ не

удавалось, но было легче отъ этихъ слезъ; въ этотъ день ихъ не было... мои мученія были особенно сильны и я не могъ плакать; сознавая ясно и опредѣленно, что я дѣлаю величайшее преступленіе, я медленно заряжалъ револьверъ дрожащими руками... Я вложилъ только два патрона, такъ тряслись мои руки! Я рѣшилъ, что убью ее однимъ выстрѣломъ, а себя другимъ; закрывъ револьверъ, положилъ руку вмѣстѣ съ нимъ въ карманъ, и твердой походкой направился въ гостиную, гдѣ они сидѣли... Я все помнилъ въ эту страшную минуту, и не могу оправдаться, что убивалъ, не помня себя. Помню, какъ передъ глазами былъ точно туманъ и все прыгало въ немъ, какъ въ правомъ ухѣ страшно звенѣло, какъ сердце стучало въ груди, точно хотѣло выпрыгнуть, и какъ я лѣвой рукой держалъ то мѣсто, гдѣ сердце бьется... Роковая.. незабвенная минута! Вотъ они сидятъ на диванѣ рядомъ... сидятъ близко другъ къ другу и держатся за руки и говорятъ тихо, тихо. Точно вдругъ снова что-то вскочило во мнѣ... затрепетало, заныло; я хотѣлъ крикнуть, но голосъ не повиновался, я хотѣлъ вытянуть изъ кармана руку съ револьверомъ, но рука точно приросла, не двигалась... Я стоялъ на порогѣ комнаты и глядѣлъ на нихъ, какъ бѣшеный, и стучалъ зубами, желая открыть ротъ, чтобъ кричать: а они все еще не видѣли меня... Но вотъ она замѣтила меня... встала съ дивана и, блѣдная, хотѣла подойти... «опять съ нимъ дурно»,—прошептала она ему...— Странный, нечеловѣческій крикъ вырвался изъ моей груди... я вынулъ револьверъ изъ кармана и выстрѣлилъ въ грудь, въ упоръ... она, не вскрикнувъ, какъ снопъ повалилась на полъ. А я опустился на колѣна передъ ея распростертымъ тѣломъ... съ дымящимся револьверомъ въ рукахъ, я глядѣлъ на блѣдное лицо ея, спокойное и холодное, на мутный блескъ выкатившихся глазъ, открытыхъ, но не видѣвшихъ... и тутъ только слезы хлынули горячимъ потокомъ; я рыдалъ, какъ ребенокъ и, отбросивъ въ сторону орудіе смерти, сталъ обнимать это драгоцѣнное, холодѣвшее теперь тѣло, покрывая его поцѣлуями... обливая его слезами!..

Вотъ все, что осталось отъ дорогого, до самозабвенія любимаго человѣка... и это я сдѣлалъ, я своей рукой... Но пришли люди, которыхъ онъ позвалъ; они связали меня; я ко всему относился вполнѣ равнодушно и безучастно... Что могло теперь

меня занимать? все кончилось! Кончилась моя жизнь вмѣстѣ съ прекращенной мною ея дорогой жизнью! Кончились мои тѣ муки, что натолкнули на страшный поступокъ... И, странное дѣло! въ моей душѣ не было яснаго сознанія всей глубины пропасти, въ которую я ринулся, не было ни угрызеній совѣсти, ни раскаянья... Я почти сознавалъ и чувствовалъ, что не могъ сдѣлать иначе, что моя рука была только орудіемъ духа моего, возмущеннаго и бунтующаго духа, томящагося чувствомъ нечеловѣческой ревности! Одна только жалость къ ней, безъисходная, глубокая печаль и тоска по ней, умершей, душила меня, наполняла все существо острой, мучительной болью... Я понималъ, что никогда не увижу ее живой, не услышу звуковъ... дорогихъ, милыхъ звуковъ ея родного голоса! И это я убилъ ее... я долженъ былъ убить ее рано или поздно... я не могъ не убить ея... Но мнѣ было жаль... я безумно жалѣлъ ее, и жалѣю до сихъ поръ, что угасла жизнь молодая такъ безвременно, такъ рано, такъ жестоко. И я хочу плакать, хочу умчаться за ней въ тотъ далекій, невѣдомый міръ, гдѣ теперь ея душа, которую я заставилъ покинуть тѣло...

Мнѣ жаль ее... бѣдная!.. дорогая, милая!..» И онъ, закрывъ лицо руками, сѣлъ на стулъ и сталъ рыдать громко и горько... Онъ весь вздрагивалъ, плечи его поднимались; онъ былъ жалокъ въ эту минуту... Я глядѣлъ на него и думалъ: «Боже! кто виноватъ тутъ?.. Если ты любилъ ее такъ беззавѣтно, если любовь была выше сознанія, если разсудокъ могла омрачить эта любовь оскорбленная, поруганная... пусть осудитъ тебя Тотъ, Кто допустилъ твое безуміе... твой поступокъ выше приговора людского... Плачь и моли у Него отвѣта!..»

Іюль, 1991 г.

Правда.

Природа дѣйствуетъ на душу, на все существо человѣка, заставляя его, то восхищаться ея красотами, то трепетать и благоговѣть передъ проявленіями ея могущественнаго величія, ея силы, безконечно юной, неистощимой... Природа, нетронутая, чистая, дѣвственная природа напоминаетъ зачерствѣлому отъ искаженной жизни сердцу человѣческому, что и оно было когда-то чисто, дѣвственно, нетронуто, какъ эта природа; сожалѣетъ человѣкъ, что утратилъ невозвратимое и наслаждается видомъ нетронутой силы... чувствуетъ немощь свою и клонитъ усталую голову передъ величіемъ первоначальной свѣжести, передъ могучей картиной вѣчной, неувядаемой юности... Люди изуродовали вокругъ себя правду, такъ же, какъ изуродовали жизнь свою: они отдалились отъ чистоты и правды, они забыли чистоту и правду и одна лишь чистая, вѣчно правдивая природа можетъ разбудить въ нихъ воспоминанія... Нѣжный чуткій сонъ усталой земли въ ясную весеннюю ночь; шелестъ листа; вздохъ, какъ бы въ сонномъ бреду налетѣвшаго зефира и спокойное величіе крѣпко спящихъ деревьевъ...

...Солнце встаетъ... алѣетъ небо, разсѣевается мракъ, налетаетъ и нѣжно дуетъ предразсвѣтный вѣтерокъ... вотъ выплываетъ оно могучее, вѣчно яркое, вѣчно свѣжее и жизнерадостное, окруженное ореоломъ свѣта, розоваго, нѣжнаго, какъ окружающій воздухъ, какъ дуновеніе его... Плыветъ и несетъ съ собою землѣ тепло и свѣтъ... и даритъ собою землѣ жизнь и счастье... будитъ уснувшую природу и освѣщаетъ стыдливо спящія деревья... они дрожатъ и потягиваются въ свѣжемъ холодномъ туманѣ и, шелестя листьями, просыпаются... А видъ высокихъ блѣдныхъ горъ, то темныхъ, то ясныхъ, то сѣрыхъ, то окутанныхъ лѣсомъ, то одѣтыхъ въ туманъ... какъ величественъ!.. А море, днемъ ли при свѣтѣ яркаго солнца, или ночью при блѣдной лунѣ!..

Человѣкъ! дорожи красотою природы, красотою чистой, не-

увядаемой; чаще будь съ нею наединѣ, прислушивайся, приглядывайся къ ней, любуйся ею!.. Люби природу и не оскверняй красоты ея; пусть эта красота будетъ служить тебѣ на землѣ идеаломъ истины и чистоты, идеаломъ мысли разумной, свѣжей и правдивой, и въ тяжелую минуту грусти, печали, неудачи она окружитъ тебя нѣжною, кроткой тишиной, прелестью утѣшенія, ласки и покоя!.. Смотри, любуйся, дорожи, люби, не оскверняй!..

Іюль, 1901 г.

„Не успѣлъ".

(Картинка).

Жаркій лѣтній день медленно умиралъ; сгущались тѣни блѣднѣли очертанія деревьевъ...

По лѣсу усталой походкой шелъ съ собакой молодой охотникъ; въ пріятныхъ чертахъ его красиваго лица скользило недовольство и уныніе: охота сегодня была такъ неудачна; уже часа три, четыре ходитъ онъ по лѣсамъ и оврагамъ, а ягташъ все еще пустъ...

Уныло плетется за нимъ, высунувъ языкъ, породистый сетеръ; весь въ грязи, мокрый, усталый...

Вышли на дорогу... Надо идти домой, думаетъ охотникъ, все Равно толку-то мало шляться такъ... до дому далеко еще.

— Эй! Ральфъ, сядемъ ка тутъ, отдохнемъ малость; на, вотъ, тебѣ ломоть хлѣба, хоть и не стоишь ты ничего сегодня, кромѣ плетки; ни разу стойки не сдѣлалъ, бестія!

Умная собака, какъ бы понимая слова хозяина, подходитъ къ нему съ виноватымъ видомъ, тихо виляя поджатымъ хвостомъ.

Охотникъ положилъ на траву свое ружье, патронташъ и сумку, лѣниво растянувъ по землѣ усталые члены... Онъ любовался закатомъ солнца, все болѣе и болѣе скрывавшагося за далекимъ горизонтомъ...

Длинныя красныя полосы тянулись по небу, чѣмъ выше, тѣмъ блѣднѣе и наконецъ сливались съ общимъ фономъ тучъ и облаковъ, только слегка зарумяненыхъ закатомъ...

Да! сегодняшній день былъ для него дѣйствительно неудаченъ во всѣхъ отношеніяхъ: утромъ онъ имѣлъ крупную бесѣду съ отцомъ; старикъ вышелъ изъ себя, кричалъ на него, какъ на какого нибудь мальчишку; развѣ можно было стерпѣть? Хладнокровно перенести оскорбленія, да еще вдобавокъ, совсѣмъ не заслуженныя? — Понятно, онъ тоже не выдержалъ, наговорилъ отцу дерзостей, колкостей и вышелъ изъ комнаты хлопнувъ дверью... Дѣло-то, главное, выѣденнаго яица не стоило, — чушь какая-то! а теперь долго будетъ продолжаться взаимное недовольство другъ другомъ; обѣды, чаи, завтраки, полные гробового молчанія... бррр... непріятная перспектива! Теперь онъ пошелъ на охоту, желая разсѣяться немного, успокоиться, да опять неудача точно на зло, кромѣ воронъ никакой дичи нѣтъ!.. Настроеніе духа отъ неудачной охоты стало еще хуже. Однако сумерки сгущаются; пора двигаться домой...

— Ну пойдемъ, Ральфъ, полно валяться; дома выспишься! пока дойдемъ, совсѣмъ темно будетъ!

Охотникъ поднялся съ земли, надѣлъ свои доспѣхи и лѣниво пошелъ по пыльной проселочной дорогѣ. Что же ждетъ его дома?.. Онъ придетъ къ чаю; самоваръ будетъ кипѣть на столѣ; Да! недурно выпить теперь чайку, послѣ такой прогулки!.. А напротивъ него будетъ сидѣть въ очкахъ, съ газетой насупленный сердитый отецъ, совершенно игнорируя его присутствіе. Нѣтъ! сегодня же какъ нибудь надо постараться окончить это, а то чѣмъ дальше будетъ продолжаться, тѣмъ хуже, тѣмъ труднѣе возстановить прежнія хорошія отношенія. Просто подойти сейчасъ къ нему... весело обратиться, какъ ни въ чемъ не бывало съ какимъ нибудь разсказомъ, вопросомъ; неужели отецъ отвернется, неужели будетъ молчать, не взглянетъ на него?—быть не можетъ! Вѣдь, въ сущности, это добрѣйшій старикъ, рѣдкая душа, и какъ онъ любитъ его, единственнаго своего сына!

— Да! надо покончить... надо! обязательно надо!— вслухъ рѣшилъ онъ и прибавилъ шагу...

Но что это за темное пятно вдали быстро приближается къ нему? Какъ будто скачетъ лошадь; даже слышенъ усиливающійся топотъ... Да! это всадникъ. Батюшки! вѣдь это его лошадь, его любимый «Соколъ»!.. Кто смѣетъ такъ скакать на немъ, когда никому не позволено даже садиться?.. что это значитъ? какое

безобразіе!.. жеребецъ весь въ мылѣ... вотъ, вотъ... сейчасъ онъ поравняется съ нимъ... Кучеръ Григорій скачетъ на «Соколѣ», весь въ пыли съ развѣвающейся бородой... «Тьфу ты пропасть!— да что это мерещится мнѣ, что ли?..» Вотъ Григорій на всемъ скаку осадилъ красавца—Сокола и, соскочивъ на землю, проговорилъ, путаясь въ словахъ, и тяжело переводя духъ отъ усталости!

— Садитесь скорѣе, баринъ, скачите домой!.. старому барину нашему плохо...

— Какъ? что съ нимъ... что?.. — испуганно накинулся на него охотникъ...

— Не могу знать... плохо; садитесь, значитъ, скорѣй, потому я давно уже выѣхалъ... да не зналъ, куда вы пошли, баринъ; сказывали тамъ на дворѣ, что собаку и ружье брали. — Слава Богу, нашелъ... Скачите... не жалѣйте Сокола. Уже Никифоръ на тройкѣ въ городъ поѣхалъ за докторомъ!..

Сбросивъ съ себя ружье и сумки, охотникъ привычной рукой ухватился за луку и вскочилъ въ сѣдло, почти машинально, ничего не понимая, сознавая только ясную необходимость, какъ можно скорѣе быть дома... Никогда не гналъ онъ такъ своего милаго Сокола, никогда не билъ такъ безжалостно и больно его крутые бока своимъ арапникомъ; бѣдный сетеръ едва поспѣвалъ за нимъ...

Боже, думалось ему, что съ отцомъ? Неужели что нибудь серьезное? Да если бы не было такъ важно, не прискакалъ бы за нимъ на Соколѣ Григорій, не послали бы за докторомъ...

И ему казалось, что мчавшійся со всей силой могучихъ своихъ породистыхъ ногъ взмыленный Соколъ, могъ бы скакать быстрѣе... и не жалѣлъ встревоженный хозяинъ любимаго коня, напрягавшаго послѣднія свои усилія...

Дома засталъ онъ суматоху; прислуга съ безпокойствомъ и тревогой бѣгала по дому. Сказали, что съ отцомъ былъ припадокъ и теперь онъ лежитъ въ кабинетѣ, страшно разслабленный.

Испуганный, блѣдный, вошелъ сынъ въ кабинетъ отца и на мигъ остановился, какъ бы ошеломленный; глазамъ представилась ужасная картина: на турецкомъ диванѣ, весь въ подушкахъ, лежалъ навзничь отецъ; кругомъ толпилась суетящаяся прислуга; одна рука старика свѣсилась на коверъ, лицо было блѣдно и искажено до неузнаваемости; лѣвый глазъ страшно выкатился.

будто хотѣлъ выскочить изъ орбиты, между тѣмъ какъ правый оставался закрытымъ...

Бѣлыя сухія губы нервно вздрагивали и открывались, точно силились что-то сказать.

Когда вошелъ сынъ, оставшійся открытымъ глазъ отца остановился на немъ и все лицо скривилось въ какую-то непонятную и страшную улыбку. Какъ безумный подбѣжалъ къ нему сынъ.

— Папа... дорогой папа, что съ тобой?.. зачѣмъ ты смотришь на меня такъ страшно?.. неужели ты не узнаешь меня?..

Но отецъ не могъ говорить: онъ все видѣлъ, чувствовалъ, но языкъ, лѣвый глазъ, рука и нога не повиновались ему: сильный ударъ паралича поразилъ ихъ. Неимовѣрныя усилія употреблялъ старикъ, чтобы произнести хоть одно слово; языкъ не слушался...

Сынъ стоялъ на колѣняхъ у изголовья отца и, въ отчаяніи, ломалъ свои руки...

Онъ выслалъ всѣхъ изъ комнаты: кто могъ помочь теперь отцу, кромѣ Бога?.. «Еще не скоро пріѣдетъ докторъ... Господи, что мнѣ дѣлать?..» въ ужасѣ шепталъ онъ. Вдругъ отецъ какъ-то странно зашевелился всѣмъ своимъ тѣломъ; лицо сдѣлалось краснымъ отъ натуги; онъ силился встать, тщетно употребляя всю оставшуюся энергію, всѣ силы... Медленно и дрожа отдѣлялась его правая рука отъ туловища... единственный глазъ остановился на смертельно-блѣдномъ отъ ужаса лицѣ сына... изо рта вылетали какіе-то непонятные звуки...

— Про-щ-ай... пр-о-сти... про-сти м-е-ня!— съ неимовѣрнымъ трудомъ пролепеталъ старикъ коснѣющимъ языкомъ своимъ...

Безконечное отчаянье, тоска, жалость, горе... наполнили сердце сына. Дрожа и безумно рыдая схватилъ онъ руку отца и прижалъ къ своимъ губамъ: слезы неудержимо текли изъ его глазъ.

— Папа!.. папочка... я виноватъ, прости меня, ради Создателя, не умирай теперь!.. Скоро пріѣдетъ докторъ... О! онъ спасетъ тебя... папа, не умирай!..

Но отецъ говорить уже не могъ и только рука умирающаго старика судорожно сжала въ отвѣтъ руку сына...

Да, онъ умиралъ... и сынъ чувствовалъ это; онъ ощущалъ, какъ пальцы отца холодѣли въ его рукахъ, онъ видѣлъ, какъ грудь вздымалась тяжело и порывисто, издавая глухой хрипъ предсмертной агоніи. Смерть побѣждала жизнь. Въ безысходномъ

горѣ сынъ склонился надъ страшнымъ, но милымъ лицомъ, прильнувъ губами къ влажному, еще теплому лбу, и обливалъ это дорогое лицо горячими слезами отчаянья, осыпалъ долгими порывистыми поцѣлуями, точно хотѣлъ возвратить ими драгоцѣнную угасавшую жизнь...

Увы, напрасны слезы горя; теперь уже все навѣки было кончено!..

Октябрь, 1900 г.

Смерть сна.

...Вчера приснилось мнѣ, что я умеръ; странный сонъ; я много послѣ думалъ о немъ. Неужели правда, такая будетъ смерть?.. Мнѣ казалось, что вдругъ все кругомъ начинаетъ блѣднѣть, теряться, а я лечу высоко отъ мыслей, дѣлъ и людей этой земли, лечу безостановочно, быстро, между тѣмъ, какъ изъ виду моего не выходитъ комната, гдѣ я умиралъ, и гдѣ нѣсколько человѣкъ возятся теперь съ моимъ трупомъ, одѣваютъ его, укладываютъ въ гробъ; я не слышу, о чемъ говорятъ они, но очевидно обо мнѣ... Меня совершенно не интересуетъ, что они могутъ сказать и говорятъ про меня; я смотрю на все это холодно, безучастно, между тѣмъ какъ новыя мысли овладѣваютъ моимъ духомъ... Передъ моимъ духовнымъ взоромъ проносится цѣлая вереница дней, мѣсяцевъ, годовъ, которые я прожилъ на землѣ; воспоминанья прожитаго встаютъ предо мной совершенно ясно, безъ пропусковъ, безъ обмановъ. Я помню и вижу всю свою жизнь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ способенъ думать и чувствовать до послѣдней минуты, когда уже прекратились земныя думы и чувства и начались эти. Я сравниваю мысли и порывы разныхъ годовъ; какая разница! То, что раньше было свято, велико, воодушевляло, потому что было молодо и не тронуто, послѣ потеряло и святость свою, и привлекательность, такъ какъ прежде я былъ счастливъ этими мечтами, такъ послѣ чувствовалъ постоянную неудовлетворенность передъ тѣмъ, что сильнѣе и чаще

стало наполнять мои мысли, передъ голосомъ холоднаго разсудка, передъ стукомъ очерствѣлаго сердца... Мнѣ жаль, что многіе года, прожитые послѣ, я не носилъ въ себѣ думъ первыхъ лучшихъ годовъ умственной жизни моей; только эти думы могли дать мнѣ счастье Теперь кончено все, я не живу на землѣ: я сталъ другимъ: лечу теперь быстро, куда-то далеко отъ той жизни, хотя продолжало видѣть и земную жизнь и земныхъ людей... Я вижу себя земного, лежащимъ въ гробу, среди многихъ людей, изъ которыхъ почти всѣ смотрятъ на меня грустно; вздыхаютъ, чтобъ не плакать; они думаютъ, что жалѣютъ меня, въ сущности же они грустятъ, такъ какъ ихъ пугаетъ мысль о собственной смерти, которая для нихъ наступитъ рано или поздно, и которую моя смерть имъ напомнила... Глупые люди! Что вы возитесь съ моимъ трупомъ? такъ какъ онъ земля, и скоро будетъ имѣть и видъ земли, вѣдь теперь онъ до моей жизни не имѣетъ ровно никакого отношенія.

Такъ вотъ почему все живущее инстинктивно боится смерти! Неужели жизнь лучше была? нѣтъ, хуже, хуже, а боятся люди потому, что со смертью дѣлаются совершенно холодными и безстрастными, ибо нѣтъ у нихъ теплаго, страстнаго тѣла.

Вотъ я уже далеко, далеко отъ земли; я ее не вижу, а воспоминанія все бродятъ, бродятъ: вечеръ, сумракъ, темный тѣнистый садъ, причудливо разросшіяся деревья: мы ходимъ по длинной аллеѣ и говоримъ жарко, съ воодушевленіемъ, о жизни, о вѣрѣ, о душѣ, о людяхъ, о мысляхъ людей, о смерти. Ужъ ночь настала и множество звѣздъ блеститъ на небѣ, уже все спитъ кругомъ, а мы ходимъ, и говоримъ, и споримъ; помню, помню, какъ мы говорили и думали: какимъ теперь кажется глупымъ и смѣшнымъ все, что тогда было высокимъ и истиннымъ!..

Ночь; письменный столъ: бумага и множество написанныхъ на ней мыслей; я помню и вижу ихъ теперь; какъ были онѣ пусты и ничтожны! Стоило тратить силы, время дорогое, незамѣнимое, быстро проносящееся время жизни!..

Вдругъ!.. что это?.. мой духъ воспрянулъ, заликовалъ, затрепеталъ отъ радости, отъ счастья. Что вспомнилъ я?.. Любовь, да, любовь! Свѣтлое, отрадное, ясное, радостное чувство! Да, я любилъ на землѣ, любилъ и былъ счастливъ, ничто другое земное не можетъ сравниться съ этимъ счастьемъ, со счастьемъ любви;

все блѣдно передъ нимъ, все узко, мало, безслѣдно. Оттого и духъ мой радуется теперь: отъ этихъ воспоминаній земли, земной скучной жизни, не вѣетъ теперь мертвымъ холодомъ пустоты: я любилъ, любилъ!..

Вечеръ; сидимъ вдвоемъ дома молча и смотримъ, какъ засыпаетъ природа, какъ качаются съ полусоннымъ шепотомъ высокія деревья, какъ солнце тускнѣетъ и прячется, какъ темнѣетъ далекое бездонное небо и наполняется воздухъ прохладой и покоемъ надвигающейся ночи... Мы все сидимъ молча, наслаждаемся и близостью другъ друга и этой вдохновенной тишиной...

А потомъ ночь, ночь, но что вспоминать, что говорить о ночи! О ночи было уже такъ много сказано! Ночью можно лучше жить, потому что меньше людей живетъ и беретъ у природы драгоцѣнные дары ея: ночью можно глубже думать, потому что не мѣшаютъ думамъ думы чужія и сама природа помогаетъ; ночью можно беззавѣтнѣе отдаться чувству, потому что много, много живущихъ спитъ теперь и не чувствуетъ, и природа спитъ: видишь сонъ людей и природы и сильнѣе, безотчетнѣе клокочутъ въ груди, ласкаютъ сердце плѣнительно-прекрасныя, нѣжныя чувства!.. Утро настало, день начинается, день начался; я уже одѣтъ и сижу одинъ, приготовляя дѣла свои къ предстоящей дневной жизни, дверь отворяется и она входитъ.

— Здравствуй! какъ спалъ? какъ себя чувствуешь? что будемъ дѣлать сейчасъ? — Дорогой голосъ: я счастливъ, я не могу отвѣчать.

Я счастливъ, что она опять съ утра со мной, что она любитъ меня и я люблю ее, и что можетъ быть долго еще будемъ мы любить такъ!..

Чудныя воспоминанія! Онѣ, единственно онѣ, отрадны, и не возмущаютъ духъ мой, какъ остальныя, почти всѣ воспоминанія моей жизни! Я хочу сказать, крикнуть отсюда, съ высоты, этимъ живущимъ на землѣ людямъ, чтобы они болѣе всего дорожили любовью земною, чтобы они любили беззавѣтно и горячо, насколько лишь могутъ, забывъ скучные, односторонніе интересы будничнаго дня, облагораживая душу свою, проясняя умъ и сердце! Мнѣ хорошо теперь, потому что я любилъ. Глупые люди! Что вы зарыли въ землю мой трупъ и ставите крестъ на немъ и ходите смотрѣть на то мѣсто, гдѣ зарыли?

Тамъ нѣтъ меня, я далеко, я счастливъ. Будете и вы здѣсь! Будете и вы счастливы, если широко любили! На землѣ любовь моя будила въ сердцѣ нѣжность и участье ко всѣмъ людямъ и желаніе счастья всѣхъ людей; теперь я счастливъ, вспоминая дорогую любовь свою... и я хочу счастья, такого же счастья всѣмъ живымъ! Я порываюсь кричать далекимъ, живымъ людямъ, порываюсь сказать, чтобъ дорожили они любовью, но сонъ сковалъ меня крѣпко; я дѣлаю страшное усиліе, наконецъ вскрикиваю и просыпаюсь, оглядываюсь кругомъ: земля! Да, я на землѣ, я не умеръ, я еще буду жить! Но сердце бьется радостно, страстно отъ этой мысли. Вѣдь жизнь такъ коротка и имѣетъ такъ много прелестей! Да, любить надо для счастья здѣсь, и любить надо для блаженства тамъ. Люби же, бѣдное человѣческое сердце! Люби, пока ты бьешься, и отдавай всѣ силы жизни своей—этой любви, любовь возвыситъ тебя, любовь окружитъ тебя ореоломъ счастья, которое и со смертью не прекратится... люби, люби всегда, бѣдное человѣческое сердце!..

Іюль, 1901 г.

Жизнь.

(Аллегорія).

Да! я помню, помню: сердитыя волны, темная ночь, бущующій вѣтеръ, и скалы кругомъ, гордыя, холодныя, непоколебимыя скалы. Множество человѣческихъ фигуръ бродитъ по этимъ скаламъ, поднимая и простирая руки къ далекому свѣтлому горизонту: тамъ жизнь, свѣтъ; здѣсь смерть, мракъ...

Боже мой!.. гдѣ это, когда это было?..

И я стою на высокой скалѣ, какъ всѣ устремляя взоръ къ свѣту вдали, желанному, плѣнительному свѣту, котораго жаждетъ все существо мое... а волны все бьются кругомъ сердито и грозно, и вѣтеръ съ плачемъ поетъ свою дикую, непонятную пѣсню... мракъ, мучительный мракъ давитъ... я хочу свѣта!.. О, если бы немного свѣта. И свѣтъ идетъ. Онъ надвигается медленно съ того далекаго горизонта, надвигается сюда на насъ и укро-

щаетъ бурное клокотаніе шумящихъ валовъ и сдерживаетъ порывы бунтующаго вѣтра...

Этотъ свѣтъ близко; легче становится мнѣ и люди кругомъ вздыхаютъ съ облегченіемъ: буря утихла, скалы не страшны, спасеніе вѣрно...

Какая опасность была? Какое спасеніе наступило? я не могу отдать себѣ отчета, но тогда я мучился, когда свѣтъ былъ далеко, а теперь мнѣ лучше, потому что нѣтъ мрака!

Боже мой!.. гдѣ это, когда это было?..

Люди успокоились, люди обрадовались, люди заговорили; люди начали жить и наслаждаться жизнью своей при свѣтѣ этомъ, животворномъ, ясномъ желанномъ свѣтѣ... Забыты волненія умчавшейся бури, забыто грозное вздыманіе клокочащихъ волнъ, забыты угрозы свирѣпаго вѣтра;—жизнь манитъ къ спокойному тихому счастью, жизнь зоветъ для отдыха, для ясныхъ думъ, для грезъ плѣнительныхъ, для сновъ прекрасныхъ... люди живутъ и наслаждаются своею жизнью, упиваются счастьемъ думъ своихъ, рисуютъ въ довольномъ воображеніи картины еще лучшаго возможнаго счастья!.. Ихъ глаза горятъ, на лицахъ улыбки, всѣ они, — воплощеніе жизни, всѣ они — ожиданіе, трепетное счастливое ожиданіе возможнаго лучшаго...

Но, вдругъ, что это?.. Лица покрылись смертельной блѣдностью, глаза выражаютъ теперь испугъ и отчаяніе; они всѣ замолкли, прежнія улыбки ихъ обратились теперь въ выраженіе острой, мучительной боли: смѣсь ужаса передъ будущимъ съ жалостью передъ потерею прошлаго... что же сталось съ ними? или опять буря? или опять мракъ и леденящее завываніе вѣтра?.. Нѣтъ, кругомъ также свѣтло и ясно! кругомъ нѣтъ бури и волны плещутся ласково, спокойно, нѣжно о зеленые берега... Но почему же люди плачутъ и стонутъ отъ невыносимой тоски?.. Почему прекратилось, оборвалось теперь ихъ счастье?.. Что случилось? что причиною этихъ слезъ, этой тоски людей?..

Люди были опьянены счастьемъ и забыли братьевъ своихъ, которые еще не знали его... люди желали бо̀льшаго счастья и не жалѣли братьевъ своихъ, не жалѣли ихъ слезъ, ихъ горя для достиженія замысловъ собственнаго счастья... и клики ихъ радости заглушали мучительные стоны невыносимаго горя ихъ бѣдныхъ братьевъ... Нынѣ Богъ пожалѣлъ обиженныхъ и по-

слалъ имъ утѣшеніе: счастливые не могутъ болѣе приносить имъ горя, счастливые не имѣютъ власти надъ ними!.. И что же? Эти, прежде гордые отъ счастья и силы своей, эти, прежде властные и весело-смѣющіеся люди, вдругъ сами стонутъ, плачутъ, ломаютъ руки, жалѣя, что утратили и то, что имѣли въ поискахъ за лучшимъ!

Имъ душно, имъ жалко, имъ больно, имъ не въ мочь горько и страшно: имъ душно, потому что у нихъ больше нѣтъ прежняго счастья; имъ жалко, что они его потеряли; имъ больно, что прежде бывшіе въ ихъ власти теперь обладаютъ ими; имъ не въ мочь горько потому, что и впереди не видно спасенія, такъ какъ и въ будущемъ не могутъ они вернуть утраченнаго навѣки; имъ страшно, потому что они боятся наказанія, страшной кары, которой сознаютъ себя достойными за все то злое, что сдѣлали братьямъ своимъ страдающимъ, опьяненные счастьемъ!.. Боже!.. Боже мой!.. гдѣ это, когда это было?..

Іюль, 1901 г.

Мысли о вѣрѣ.

Гдѣ наша вѣра?.. Въ чемъ наша вѣра?.. У насъ нѣтъ вѣры, мы не можемъ, мы не умѣемъ вѣрить! — Что пользы строить храмы, тратить на нихъ безумныя деньги, когда не бываемъ мы въ нихъ сердцемъ своимъ, когда рука креститъ автоматически, по привычкѣ, когда голова занята мыслями иными, когда черствое, грубое сердце не можетъ и не хочетъ повѣрить!.. Холодный пытливый умъ коснулся вѣры, прежде чистой и ясной, и подавилъ вѣру, и заглушилъ голосъ истины, которую не смогъ доказать; и нѣтъ теперь вѣры!.. Мы хотѣли вѣрить, если узнаемъ, но узнать не могли, и теперь не вѣримъ: но вѣдь въ постижимое нельзя вѣрить, вѣдь что постижимо, то видимо, осязаемо... намъ стыдно сознаться, что есть много, много такого, чего никогда не побѣдитъ умъ, но что можетъ почувствовать въ вѣрѣ горячее сердце; намъ стыдно сознаться, что мы стали бездушны,

что наша жизнь, практическая, утонченная и усовершенствованная, въ сущности говоря, животная жизнь... безъ свѣта, безъ тепла, почти всегда безъ счастья!.. Мы не хотимъ понять, что вѣра принесетъ, и свѣтъ, и тепло и спокойствіе духа, называемое счастіемъ... мы не хотимъ знать вѣры, потому что стыдно уму сложить оружіе и сердцу, чувству передать бразды правленія... мы думаемъ, что нашъ умъ — свѣтъ, но въ душѣ нашей мракъ непроглядный, и не можемъ мы освѣтить свѣтомъ ума этотъ тяжелый, давящій мракъ души, въ которой мракъ, потомучто нѣтъ вѣры!..

Но вѣра безъ *сомнѣнія* не боится и строгой критики разума; сомнѣніе порождаетъ нелогичное теченіе мыслей, сомнѣніе обрываетъ и окружаетъ мракомъ наши выводы... сомнѣнье — бичъ вѣры, сомнѣнье — ложь, язва вѣры... но какъ устранить сомнѣніе? Даже мысль удалить трудно, иногда при всемъ желаніи, а сомнѣнье больше одной только мысли... и сердце бьется сомнѣніемъ, сердце, которое должно принадлежать лишь истинѣ! . Я скажу тебѣ, человѣкъ, если хочешь вѣрить, если ждешь повѣрить, то повѣришь и не будетъ сомнѣнія, не будетъ, потому что сердце твое наполнится истиною, ибо желаніе вѣры и ожиданіе вѣры есть истина святая, непорочная и непреложная!..

Іюль, 1901 г.

Страшная ночь.

(РАЗСКАЗЪ).

Была весна. Весело щебетали птички, порхая по зеленѣющимъ деревьямъ...

Радостно свѣтило солнце, играя по нѣжной, недавно появившейся на свѣтъ Божій, зелени полей и луговъ, встрѣчая оживающую природу ласковой улыбкой...

По грязной проселочной дорогѣ тянулась бричка, запряженная неказистой рыженькой лошаденкой, уставшей и измученной, въ ней сидѣлъ молодой военный, плотно закутавшись въ бурку;

а лошадью правилъ крестьянскій парень, лѣтъ 18—20 съ рябымъ глуповатымъ лицомъ, на которомъ играла постоянная, ничего не выражающая улыбка...

— Ну! Матюха, погоняй же, наконецъ, свою клячу, вѣдь ты просто изъ послѣдняго терпѣнія выводишь!..—Кутаясь въ свою бурку, съ раздраженіемъ говоритъ офицеръ.

— Нѣшто, баринъ, можно гнать-то?.. тоже, значитъ, чижало; и скотина чувствительность имѣетъ!.. — Отвѣтилъ онъ, повернувъ назадъ свою улыбающуюся физіономію...

Давно уже ѣдутъ они; еще верстъ 20 осталось, да врядъ ли дотянетъ слабая лошаденка...

— Скоро тутъ какая нибудь деревня будетъ?..

— Да здѣсь, баринъ, недалече до Стромнина!..

— Какого Стромнина?..

— А село есть, Стромнинымъ, значитъ, прозывается; да, люди бають, нечисто тамъ....—и парень съ озабоченнымъ видомъ почесалъ свой лохматый затылокъ...

— Ну, ладно, остановимся въ твоемъ Стромнинѣ; тамъ нужно будетъ отдохнуть намъ... А дворъ-то тамъ постоялый есть?..

— Ни, баринъ, негоже тамъ останавливаться... ей Богу, негоже!

— Почему негоже?.. что ты тамъ выдумалъ?.. Мало ли что люди говорятъ!.. Ну! поворачивайся! шевели свою крысу!..

Парень насупился; ужасно не хотѣлось ему ѣхать въ это Стромнино; сколько страшныхъ разсказовъ наслышался онъ о разныхъ невѣроятныхъ происшествіяхъ...

Охъ! нечистый тамъ пошаливаетъ, говорили люди, и вѣрилъ имъ глупый парень, и набожно крестился, снимая шапку... Надо сказать барину; можно дальше остановиться, что въ Стромнинѣ... еще ночевать велитъ... уффъ — страшно!..

— Баринъ, а баринъ!

— Чего тебѣ?

— Нельзя въ Стромнино ѣхать... ей Богу, нельзя... Намедни купецъ тутъ одинъ черезъ нашу деревню ѣхалъ... не приведи Богъ, что сказывалъ!..

— А что-же разсказывалъ онъ?

— Да что?.. неладное... Мужикъ живетъ тамъ одинъ, Прохоромъ Дыгбятинымъ прозывается; годовъ, почитай, шесть, анъ пять назадъ дочку его зарѣзали.. ухъ, красавица, баютъ, была...

не то, что теперь... такихъ и нѣту нигдѣ... съ тѣхъ поръ вотъ въ деревнѣ и не ладно... духъ, вишь, ея гуляетъ, спокоиться не можетъ, пока убивцу не сошлютъ въ Сибиру, а убивцу-то не нашли, убѣжалъ онъ, такъ и искать бросили, и судить некого было, значитъ...

— Ну, хорошо; а что же купецъ-то твой разсказывалъ?..

— Вотъ и говорилъ онъ, что-де каждую ночь по деревнѣ тѣнь бѣлая бродитъ... сказываютъ, та самая Анѳиса, что зарѣзали, ходитъ ночью и въ каждыя ворота стучится... и стоитъ, и плачетъ... убивцу, значитъ, своего ищетъ... Постучитъ, постучитъ, и дальше идетъ... а тамъ въ Стомнинѣ уже знаютъ, и не отворитъ ей никто... а коли отворитъ (испуганнымъ шепотомъ продолжалъ парень, дѣлая страшныя глаза) тогда, какъ захохочетъ она, да какъ бросится бѣжать... ажъ сердце перевернется... Такъ ужъ, баринъ, не поѣдемъ туда!.. страшно!..

— Ну полно, полно, поѣзжай; наоборотъ, мнѣ теперь даже интересно стало.

Матюха отвернулся съ недовольной миной и лѣниво задергалъ возжами, бормоча себѣ подъ носъ:

— Ишь, баринъ какой... дуреный... туда и наровитъ, гдѣ страсти самыя... а я и слушайся, поѣзжай!..

Больше онъ уже не говорилъ съ бариномъ до самаго Стомнина; страшно было ѣхать туда... вѣдь не врутъ же люди, право!?. Вотъ и Никола изъ сосѣдняго села разсказывалъ, какъ тетка его чуть не умерла отъ страха, когда застучалась къ ней-то... въ бѣломъ...

А Тировскій (такъ звали офицера) задумался... Онъ ѣхалъ къ своему брату, въ хуторокъ его, дней, эдакъ, на десять; верстъ сорокъ будетъ отъ станціи; дорогая большая, незнакомая, подговорилъ онъ на станціи этого Матюху свести на хуторъ, а тотъ кстати, и самъ оттуда. Правда, лошаденка его скверная, бричка старая, на связанныхъ веревками рессорахъ... а все, ничего... какъ нибудь доѣдутъ...

Ну, вотъ и поѣхали... Еле-еле плетется лошаденка, офицеръ сердится:

— Чортъ знаетъ его, Матюху этого, какъ онъ скверно ѣдетъ; надо гдѣ нибудь остановиться; пусть отдохнетъ его лошаденка!.. Когда Матюха выражалъ свои опасенія и разсказывалъ про страхи

и ужасы въ Стромнинѣ, Тировскій слушалъ и заинтересовался, смѣясь въ душѣ надъ глупостью и суевѣріемъ деревенскаго парня; теперь онъ съ любопытствомъ ожидалъ Стромнина и рѣшилъ даже обязательно переночевать тамъ.. Надо посмотрѣть, въ самомъ дѣлѣ, что это за дьявольщина?..

Скоро вдали показались ветхія крыши крестьянскихъ домовъ и крылья мельницъ...

— Вотъ оно, Стромнино! — воскликнулъ Матюха и перекрестился, снявъ шапку.

— Чего ты крестишься?.. ха, ха, ха!..

— Да какъ же, баринъ, тоже, ей Богу, страшно... не поѣхалъ бы я, кабы не вы!..

— Скажи ка лучше, гдѣ вотъ намъ переночевать тутъ можно было бы?..

— Что вы баринъ, — чуть не плача, взмолился испуганный Матюха, — какъ можно ночевать-то, вѣдь...

— Ну, ладно! что тамъ нюни разводить, поворачивайся живѣй, да вези куда нибудь ночевать; кстати и вечеръ близко!..

— Куда вести-то?.. Кого я здѣсь знаю?.. да тутъ люди добрые и не живутъ совсѣмъ...—плакался бѣдный Матюха.

— Ну! ничего, что же дѣлать! и у недобрыхъ остановимся! За деньги всякій радъ будетъ изъ вашаго брата. Вези вотъ къ той избѣ большой; все она будто лучше другихъ выглядитъ...

Подъѣхали къ избѣ. Тировскій выскочилъ изъ брички и, стряхнувъ съ бурки грязь, потянулся.

— Порядкомъ таки изморилъ ты меня, экій безбожникъ! Ну! можно ли было такъ ѣхать?.. Зови скорѣй кого нибудь!..

— Да что же, баринъ, я не виноватъ, это ужъ лошадь такая... Только кого я позову-то?.. нѣту, почитай, никого!..

Дѣйствительно, кругомъ не было видно ни души;... только свиньи возились въ грязи у забора; Матюха съ озабоченнымъ видомъ чесалъ свой затылокъ, осматриваясь по сторонамъ. Тировскій толкнулъ дверь въ избу,— она была не заперта,—и вошелъ въ сѣни; на него пахнуло запахомъ щей, хлѣба, и той особенной атмосферой, которая наполняетъ обыкновенно крестьянскія жилыя помѣщенія. Войдя въ избу, онъ замѣтилъ двухъ бабъ, хлопотавшихъ около пылающей печи; на столѣ передъ образами стояла миска дымящихся щей и горшокъ съ кашей.

*

— Эй! тетки, я у васъ переночевать хочу,—обратился онъ къ одной изъ бабъ,—дорога моя длинная, а лошадь везти не хочетъ... деньги получишь... ладно?

— Да што, родимый, мы и безъ денегъ рады доброму барину послужить... Не взыщите только бѣдность то нашу... ужъ что Богъ послалъ!..—наперерывахъ отвѣчали ему, низко кланяясь, бабы. Тировскому дали поѣсть, накормили и Матюху. Скоро и спать пора ложиться: уже было часовъ девять вечера. Тировскому приготовили постель на лавкахъ, сѣнца подложили подъ жесткій тюфякъ, а Матюху устроили въ сѣняхъ.

Съ удовольствіемъ раздѣлся Тировскій и растянулъ на постели свои усталые члены; правда, она была не совсѣмъ-то удобна, эта постель, но, за неимѣніемъ другой, показалась ему сносной.

Онъ закурилъ папироску; у изголовья стояла на табуреткѣ свѣча (еле-еле раздобылъ онъ свѣчу)—и слабо освѣщала избу; на стѣнѣ шевелилась преогромная тѣнь... Вдругъ скрипнула дверь и на порогѣ появился Матюха.

— Ты что спать не ложишься? Завтра рано поѣдемъ!—обратился къ нему Тировскій.

— Да что спать-то?... какъ пойдутъ стучать ночью — говорилъ—не ѣхать сюда!...

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, хуже бабы, а еще мужчина!... пошелъ спать, полно чепуху пороть!

— Да мнѣ што!... я пойду... а все-жъ страшно!... и онъ удалился.

А интересная штука! подумалъ офицеръ; вѣдь и то сказать, дыму безъ огня не бываетъ! можетъ статься просто какая нибудь фантазія на почвѣ суевѣрія... Возможно, что и было когда нибудь это убійство, вѣроятно, романическое; надо будетъ порасспросить завтра крестьянъ, въ чемъ тутъ дѣло; у этого дурака Матюхи толку не добьешься...

Тировскій задулъ свѣчу и, закутавшись потеплѣе въ бурку, закрылъ глаза: черезъ нѣсколько минутъ онъ уже храпѣлъ.

Но не долго пришлось спать Тировскому; не прошло и 2-хъ часовъ, какъ онъ проснулся и вскочилъ съ постели, разбуженный страшнымъ кошмаромъ. Ему приснилось, что въ окно избы

стучатся, что потомъ вошла бѣлая женщина съ голымъ блестящимъ черепомъ, вмѣсто головы, и медленной плывущей походкой приближалась къ его постели... вотъ она подходитъ все ближе и ближе... Страшно испуганный, хочетъ кричать Тировскій,—и не можетъ... О! это вѣрно и есть та самая Аниса, про которую говорилъ Матюха... Уже привидѣніе совсѣмъ близко, уже можно различить на бѣлой одеждѣ большія красныя пятна крови... Онъ закричалъ и проснулся... волосы стояли дыбомъ на головѣ, на лбу выступилъ холодный потъ; безотчетный страхъ, давящій ужасъ наполнили его сердце... Дрожащими руками сталъ онъ шарить въ темнотѣ, разыскивая спички... ихъ не было на табуреткѣ; онъ засунулъ подъ подушку руку и взялъ заряженный револьверъ, положенный туда на всякій случай... Оправившись немного, Тировскій подошелъ къ окну; черезъ неплотно закрытыя ставни падалъ на полъ длинными полосами блѣдный неровный свѣтъ луны. Онъ толкнулъ окно; ставни распахнулись и, страшное дѣло! точно какая-то тѣнь скользнула отъ окна по направленію дороги... уже сомнѣніе овладѣло Тировскимъ: сонъ это, или дѣйствительность?... Если сонъ, то вѣдь во снѣ возможно, а если дѣйствительность?... если правда все, что говорилъ Матюха?... вѣдь много необъяснимаго, загадочнаго, непонятнаго на землѣ?!... И снова страшный ужасъ охватилъ его: захлопнувъ окно, онъ направился къ постели нетвердой походкой, съ испугомъ озираясь; теперь въ избѣ стало свѣтлѣе, такъ какъ нельзя было затворить изнутри плотно ставни и свѣтъ луны блѣдно озарялъ предметы, придавая всему какой-то странный фантастическій видъ...

Вдругъ, что это? дверь изъ сѣней, слегка скрипнувъ, медленно отворилась... Тировскій замеръ въ нѣмомъ ужасѣ; на порогѣ стояла та же бѣлая фигура, издавая какіе-то страшные звуки, не то стонъ, не то хрипъ... Поднявъ дрожащую руку съ револьверомъ, направилъ онъ дуло на бѣлую фигуру въ дверяхъ... вдругъ дверь съ шумомъ захлопнулась; въ сѣняхъ что-то затопало, зашевелилось, забормотало... Онъ опустилъ руки, и, дрожа, сталъ прислушиваться; зубы его стучали... уже болѣе ничего не было слышно...

Бросившись на постель, долго ворочался на жесткихъ доскахъ злополучный путникъ; сонъ не приходилъ, только мысли,

одна другой страшнѣй и ужаснѣй, бродили въ испуганномъ умѣ; только къ утру заснулъ онъ тяжелымъ неукрѣпляющимъ сномъ.

Проснувшись на другой день, Тировскій крикнулъ Матюху;— въ избѣ играли уже яркіе лучи солнца.

Вошелъ Матюха, блѣдный, растрепанный, его испуганная физіономія казалась еще смѣшнѣй и глупѣй.

— Ахъ, баринъ, ну, и ночь же была! какъ мы только живы остались!.. Неужели ничего не слыхали?.. Сплю, это я, вдругъ, слышу, ставни тутъ кто-то открылъ... такъ духъ и замеръ, ну, думаю, все пропало! . Она, значитъ, гуляетъ, Аѳиса-то...

— Тихонько я эдакъ подошелъ и слушаю... кто-то ходитъ у васъ... стучитъ... возится... Я сталъ Богородицу читать, потому все дьявольское отродье молитвъ, ухъ, какъ боится! Я самъ дверь отворилъ немного... посмотрю, думаю... хоть и страшно, Господи... ну и увидѣлъ же я!.. такъ и обомлѣлъ... стоитъ она тутъ по серединѣ избы, бѣлая такая, страшная... и пистоль какъ будто въ рукѣ... такъ на меня и намѣрилась; я захлопнулъ дверь, на колѣни всталъ и давай молитвы читать... Какъ легъ и заснулъ, ужъ не помню... думалъ, васъ въ живыхъ не найду!.. Ѣдемъ, баринъ, скорѣе... хоть живы остались... Ухъ страсти какія, Владычица небесная... Господи Іисусе!..

— Пошелъ вонъ, дуракъ! — съ раздраженіемъ закричалъ на него Тировскій... Штука, нечего сказать, одинъ другого напугалъ!.. вопросъ, кто глупѣе былъ, я, или онъ... Чуть-чуть вѣдь не убилъ тогда, хорошо не выстрѣлилъ...

— Стыдно и вспоминать!.. А все этотъ виноватъ; чтобъ ему ни дна, ни покрышки!..

И досадно было Тировскому; какъ можно было поддаться, почти повѣрить глупымъ этимъ баснямъ? Съ сердцемъ сталъ онъ одѣваться, а изъ головы между тѣмъ не выходило глупое приключеніе этой ночи. Черезъ какихъ нибудь два часа онъ снова ѣхалъ на той же кляченкѣ съ Матюхой на козлахъ; Тировскій больше не хотѣлъ бесѣдовать со своимъ кучеромъ и всю дорогу отъ Стромнина они ѣхали молча.

Ноябрь, 1900 г.

Carmen Silva.

(Nomina sunt odiosa).

Кое что изъ одного большого романа.

Ты люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ наступитъ роковой,
И станешь съ горькимъ сожалѣньемъ
Передъ могилой дорогой!..

Поэтъ.

„Tout comprendre c'est tout pardonner".

Carmen Silva.

I.

О, какъ она была хороша! какъ свѣжи и ясны были ея глаза, глубокіе, темные!..; въ нихъ отражались, какъ въ зеркалѣ, всѣ думы ея, такія же ясныя и чистыя... Она любила мечтать, любила задумываться надъ тѣмъ, что казалось загадочнымъ, необъяснимымъ; ея не удовлетворяла обстановка семейной жизни въ домѣ родителей, гдѣ не было простора, гдѣ надо было держать себя въ рамкахъ холоднаго приличія, сдержанности...; это такъ скучно!.. Молодое сердце, горячее и пылкое, билось шибко, душа рвалась куда-то въ ту невѣдомую даль, гдѣ часто витала фантазія и умъ, наэлектризованный впечатлѣніями прочитаннаго; она хотѣла жизни, она рвалась жить... она съ трепетомъ ждала жизни...

И жизнь пришла... сразу, вдругъ пришла, охватила ее, увлекла... сны, грезы, мечты замѣнились теперь дѣйствительностью...

Вотъ она, жизнь!.. сердце бьется иначе... трепещетъ первою любовью, восторженной, увлекающей, зовущей, какъ все тѣ грезы о ней, счастливыя, томительныя, прекрасныя, юныя грезы... Пора пришла... можетъ быть рано, но пришла; она увидѣла его, героя думъ своихъ, героя грезъ своихъ въ безсонныя ночи; она увидала и уже любитъ; кажется, что давно знала, давно любила, что онъ долженъ былъ придти и тоже любить ее...

И онъ тоже любилъ, горячо, страстно любилъ, забывая мысли о нуждахъ дня, вздыхая и мечтая, краснѣя при каждомъ неосторожномъ намекѣ постороннихъ, при каждомъ воспоминаніи...

любилъ, какъ можетъ, какъ должно любить молодое, увлекающееся сердце...

Никто не знаетъ, никто не догадывается; нравятся имъ свиданья и тихія нѣжныя разговоры украдкой; они счастливы, когда есть возможность пробыть наединѣ нѣсколько минутъ, чтобы еще разъ сказать другъ другу о любви, о вѣрности навсегда, до гроба, о счастіи этой минуты, и о будущемъ, еще лучшемъ счастьѣ, ихъ ожидающемъ...

Все такъ молодо, такъ хорошо, такъ понятно!.. Жаль, что быстро несется и уносится незамѣнимое время .. лучшее, счастливѣйшее время...; жаль, что разлука настала... но безконечно милы слезы этой разлуки; чувствуетъ сердце, что черезъ много, много лѣтъ съ замираніемъ и тайной радостью вспомнитъ и разлуку, и слезы!..

Ей скучно безъ него, обидно и грустно, что онъ далеко, что нельзя говорить и мечтать имъ, что такъ скоро кончилось счастье.

Первое время слезы капали, какъ вспомнитъ его; и во снѣ часто снилось милое лицо... а послѣ съ радостью вспоминать стала милые дни...

Она писала, какъ думаетъ о немъ, какъ любитъ, какъ ждетъ его; онъ съ трепетомъ читалъ эти письма и отвѣчалъ, тоже описывая свою любовь, свои чувства сожалѣнія и грусти... думы о счастьи съ нею...

Прошло очень немного времени: года три, четыре, а въ ея сердцѣ, молодомъ, горячемъ, просящемъ жизни, бились новыя желанія, жажда новой любви; та прошлая, казалась, какъ сонъ налетѣла и далеко уже... вмѣстѣ съ нимъ, далекимъ; и ждетъ сердце мятежное воплощеніе далекаго сна...

Такія хорошія воспоминанія, но такія блѣдныя... время унесло краски...; да это и не была настоящая любовь, (думаетъ она)... одно мимолетное увлеченіе, но сердце испытало, вкусило; хотѣлось опять полюбить, чтобы еще испытать...

О! если бы еще полюбить!.. какъ снова жизнь кругомъ скрасится!.. томленье, ожиданье, трепетный стукъ сердца, недомолвки, нѣжные взгляды, страстное пожатіе руки, горячій влюбленный поцѣлуй. О, если бы еще полюбить такъ!.. Если бы и онъ любилъ... о, какъ бы она любила!.. Все отдала бы, всѣмъ, всѣмъ бы пожертвовала, никого и ничего не жалѣя...

Такъ чаще и чаще думается ей; и нѣтъ въ мысляхъ прежняго любимаго образа; онъ такъ далеко... онъ вѣрно забылъ... она была еще очень неопытна... за то теперь знаетъ, какъ будетъ любить; сильно страстно бьется ея молодое безпокойное сердечко...

И вотъ опять воплотились мечты! О! какъ она любитъ!.. какъ нѣжно, какъ хорошо любитъ!.. и кажется ей, что всю жизнь свою теперь будетъ она любить такъ... будетъ всегда онъ кумиромъ ея... онъ, такой умный, добрый, сердечный... такой красивый, ласковый... О! какъ она его любитъ!.. Ей девятнадцать лѣтъ, она можетъ выйти замужъ... конечно, можетъ, вѣдь у него хорошее мѣсто!.. въ средствахъ бы они не стали нуждаться; пусть бы скорѣй говорилъ, что любитъ... дѣлалъ предложеніе...

У большой соборной церкви много народу; на паперти стоятъ два господина во фракахъ съ букетиками бѣлыхъ восковыхъ цвѣтовъ въ петлицахъ; въ сторонѣ множество каретъ и колясокъ: это свадьба; женихъ уже тамъ въ церкви; ждутъ невѣсту, взоры всѣхъ устремлены въ лѣвую сторону, откуда должна показаться ея карета. Вотъ подъѣхала невѣста, шафера помогаютъ выходить; она съ братомъ, тоже шаферомъ... это она; я сразу узналъ! Какъ горятъ глаза! какъ пылаютъ щеки! какая вся она интересная, красивая въ этомъ традиціонномъ бѣломъ нарядѣ, вся въ цвѣтахъ и съ бѣлымъ букетомъ такихъ же свѣжихъ цвѣтовъ въ рукахъ, какъ она сама.

Вошли въ церковь; стали передъ аналоемъ; началась церемонія службы... Онъ такъ блѣденъ и нервенъ; видимо волнуетъ его эта важная, серьезная минута жизни. Она, наоборотъ, румяная, довольная съ веселымъ радостнымъ взглядомъ глубокихъ темныхъ глазъ... Кончилось служеніе, священикъ поздравилъ молодыхъ; они навѣки соединены теперь неразрывными верховными узами; на всю жизнь мужъ и жена; два плоть во едину...

Вдругъ среди всеобщаго шума и говора, начавшихся поздравленій и пожеланій, раздался громкій, какъ бы истеричный крикъ невѣсты... Все засуетилось... что съ ней?.. воды! воды скорѣй... она упала въ обморокъ... всѣ усилія не могутъ привести въ чувство; ее выносятъ изъ церкви въ карету. Собравшаяся толпа зѣвакъ замолкаетъ въ нѣмомъ недоумѣніи; среди приглашенной публики возгласы удивленія, соболѣзнованія... что причиной?..

такая была веселая, розовая и вдругъ обморокъ!.. Кто бы могъ подумать?.. Странно!.. Женихъ-то бѣдный, какъ растерялся!.. еще больше поблѣднѣлъ... да, дѣйствительно, каково ему!..

Дорогой домой она понемногу пришла въ чувство и сидѣла такая блѣдная, грустная рядомъ съ женихомъ нынѣ мужемъ своимъ: докторъ, сидѣвшій напротивъ, между прочимъ, хорошій и старый ея знакомый, не спускалъ глазъ съ ея лица и поминутно слушалъ пульсъ; любопытенъ и загадоченъ былъ ему этотъ, повидимому, безпричинный обморокъ. На всѣ разспросы и обращенія къ ней теперь, какъ доктора, такъ и мужа, она отвѣчала молчаніемъ; какъ бы не слыша, что къ ней обращаются, въ ея глазахъ, открытыхъ и сосредоточенныхъ, свѣтилась какая-то напряженная мысль; она была какъ бы далеко отъ сидящихъ съ нею...

II

...Когда она принимала поздравленія и ласково улыбалась, кивая головой въ отвѣтъ на льстивыя пожеланія многочисленной плеяды знакомыхъ, вдругъ совершенно явственно и громко услышала, какъ-бы почувствовала она далекій, знакомый нѣкогда любимый голосъ, дышавшій горечью, грустью, такой безутѣшной, безысходной:

«... Вѣдь ты моя была... моя... вѣдь я любилъ и люблю тебя!.. зачѣмъ теперь ты не захотѣла меня?.. зачѣмъ теперь ты не можешь быть моей?.. Что для меня, и жизнь, и будущее, когда тебя не будетъ со мною... тебя, моего счастія, моего свѣта!.. другой будетъ любить тебя, другой будетъ ласкать тебя... но другой не полюбитъ, какъ я... Милая, мнѣ больно, горько, но теперь поздно... поздно!..»

Мигомъ пронеслись эти слова, и вздохъ, тяжелый глубокій, и глухія рыданія; она сразу почувствовала, что любитъ того, что къ жениху, мужу нѣтъ любви... а будущее?.. оно впереди и съ нимъ, безъ тепла... безъ свѣта!..

...Боже мой!.. какой скорый, непоправимый шагъ!.. какой мракъ впереди!.. какъ душно!.. Боже мой, какъ тяжело, горько... какъ жаль, какъ безъ мѣры, невыразимо досадно!.. — Быстро

какъ вихрь пролетѣли, въ головѣ эти мысли... промчались, и поблѣднѣла она, и безъ чувствъ упала на руки молодого мужа и шаферовъ!..

...Грустно такъ потекла ея жизнь; она измѣнилась, стала задумчивой, всегда почти скучная, печальная, она была совершенно холодна къ мужу, котораго не любила, и онъ, конечно, видѣлъ и чувствовалъ эту холодность... Образъ тотъ, далекій, прежде милый и теперь желанный, родной все видѣлся ей... все стоялъ онъ, печальный... «вѣдь ты моя была... милая... мнѣ больно горько, но теперь поздно, поздно!.. » слышался ей его знакомый голосъ... тотъ голосъ, что раздался въ ушахъ и въ сердцѣ, когда она принимала брачныя поздравленія...

...Прошло около двухъ лѣтъ; у нихъ не было дѣтей; она привыкла немного къ своей тяжкой доли, хотя все-же часто вечерами думала о той милой, первой любви.. думала и слезу проливала украдкой... О! если-бы еще полюбить такъ!.. о, еслибы полюбить!..; и она ждала, ждала любви...

И мужъ, повидимому, привыкъ къ ея холодности; скрѣпя сердце обходилъ онъ молчаніемъ грусть ея, слезы, задумчивость... Они часто выѣзжали, оба любили общество, искусства, танцы...

...Былъ благотворительный танцовальный вечеръ въ клубѣ; мужъ и жена конечно отправились; множество знакомыхъ предполагало тамъ быть и они надѣялись весело провести время...

За ней, красавицей, ухаживало и увивалось много молодыхъ и старыхъ мужчинъ; мужъ не былъ ревнивъ, наоборотъ гордился успѣхами жены... Она обращалась почти со всѣми одинаково, очень немногимъ отдавая предпочтеніе, конечно въ разное время: это зависѣло отъ того, насколько ей кто нравился, насколько кто отличался, выдаваясь или оригинальностью своего поведенія, или своими разговорами и наружностью...

...Теперь красивый и блестящій военный почти всецѣло завладѣлъ ея вниманіемъ; онъ не ухаживалъ, онъ не говорилъ любезности и комплименты; онъ съ увѣренностью приглашалъ ее и какъ будто не замѣчалъ, какъ краснѣли еще больше ея розовыя щеки, когда спокойно и холодно говорилъ онъ съ ней о томъ, что теперь стали модными такіе неинтересные, конфетные танцы, скучные и монотонные, а отъ прежнихъ настоящихъ остались одни воспоминанія...

...Сердце такъ шибко билось, когда носилъ онъ ее смѣло, ровно и ловко въ вихрѣ ласкающаго вальса, подъ звуки нѣжной, чарующей штраусовой музыки... Казалось, эти ласковые аккорды говорили сердцу такъ много.

Она любитъ, любитъ опять...; его лицо такое благородное, спокойное и вмѣстѣ съ тѣмъ столько нѣжности въ немъ, столько печали какой-то заглохшей далекой грусти...

Такъ и хочется обнять его молодую кудрявую голову, прильнуть къ ней... чтобы повѣдали уста, о чемъ тоска эта затаенная... почему глаза такъ часто свѣтятся не то сожалѣніемъ о чемъ-то, не то дорогими воспоминаніями о далекихъ дняхъ... ему милыхъ, а ей невѣдомыхъ...

...Всѣмъ существомъ, всей страстью, всѣми мыслями отдалась она любви своей; дни недѣли мчались теперь такъ быстро, наполненные многими минутами такого счастія свиданій, поцѣлуевъ, ласкъ... О, теперь она умѣетъ любить, теперь она знаетъ любовь! Боже мой, сколько грусти и сколько счастья приноситъ она!..

Мужъ ни о чемъ не догадывался; да между ними возстановились уже давно такія натянутыя отношенія, которыя и прежде устраняли даже всякій намекъ на откровенность..

Время неслось; завязавшіяся такъ быстро отношенія продолжались; мужъ не видалъ, мужъ былъ слѣпъ, а они — счастливы... да, счастливы, но впереди ничего, ровно ничего, что бы манило, что бы сулило еще возможное лучшее счастье и мало по малу она начала видѣть, что скучно и неинтересно продолжать любить такъ... Безпокойная молодая душа, вкусившая яда и сласти любви, жаждала разнообразія; покой, отсутствіе препятствій, а главное: вѣчная его требовательность и ревность... постоянные страстные упреки сквозь ласки и проявленія самой нѣжной, самой восторженной любви, — все это ее душило, выводило подъ часъ изъ себя, или наводило на неожиданные печальные выводы... Проходили дни... они неслись теперь такъ медленно; о той любви не было и помину въ ея сердцѣ... Вспоминая, она называла ее, эту угасшую любовь флиртомъ, зашедшимъ далеко... отъ нечего дѣлать.

А какъ онъ любилъ!.. какъ до сихъ поръ еще любитъ...

Но противенъ онъ ей; надоѣлъ своими требованіями, своей ревностью... и она „покончила“ съ нимъ... Она долго не рѣша-

лась бы „покончить" еслибы одно обстоятельство или вѣрнѣе происшествіе съ ней не помогло окончанію скорѣйшему и безповоротному...

III

Въ городѣ говорили о пріѣздѣ знаменитаго молодого скрипача итальянца; про этого замѣчательнаго виртуоза передавали чудеса; его скрипка не играла, а пѣла... и пѣла такимъ чарующимъ, то бурнымъ, то ласкающимъ нѣжнымъ голосомъ, что ни одно сердце человѣческое, самое черствое и прозаическое не могло устоять отъ обаянія и чаръ этихъ божественныхъ звуковъ...

Публика съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда итальянской знаменитости; уже билеты на первые его два концерта были почти, всѣ распроданы; мужъ и жена поспѣшили запастись мѣстами...

Громадное роскошное зало дворянскаго клуба залито электрическимъ свѣтомъ; кругомъ говоръ, оживленье, море пышныхъ дамскихъ нарядовъ всевозможныхъ, самыхъ причудливыхъ цвѣтовъ, самыхъ разнообразныхъ матерій и сочетаній; между ними мелькаютъ и выдѣляются черные фраки мужчинъ на этомъ свѣтломъ фонѣ разноцвѣтномъ, какъ калейдоскопъ мѣняющемъ оттѣнки. Въ воздухѣ запахъ сотней сортовъ самыхъ тонкихъ, самыхъ модныхъ духовъ... Весь цвѣтъ общества собрался здѣсь; она сидитъ съ мужемъ въ первомъ ряду и, полуоборотясь направо, кокетливо лорнируетъ сосѣднія кресла. Она очень мила сегодня... къ ней такъ идетъ это розовое платье, на половину декольтированное... цвѣтъ лица такой же розовый и нѣжный, какъ цвѣтъ этой легкой полупрозрачной матеріи; она, красиво изогнувъ свои плечи и открытую шею, лорнируетъ; она и безъ лорнета могла бы хорошо все видѣть... но это такъ красиво, когда дама глядитъ въ лорнетъ, въ особенности, если умѣло; она съ такимъ искусствомъ щурилась и подставляла къ глазамъ эти стеклышки, отдѣланныя въ золото и аллюминій, что можно простить ея фальшь, ея маленькую ложь; она очень мила сегодня!.. Вотъ замолкъ говоръ разодѣтой толпы; на эстраду вышелъ высокій статный брюнетъ, типичной итальянской наружности, съ ярко блестящими, какъ смоль черными глазами;

разодѣтая толпа стала хлопать въ ладоши, а нѣкоторые застучали ногами и стульями, забывъ свое недавнее приличіе и натянутость; это публика выражала свою радость, восторгъ, при видѣ знаменитости, которая ихъ осчастливила своимъ благосклоннымъ пріѣздомъ...

Знаменитость небрежно раскланялась и заиграла какую-то сонату Бетховена... о, какъ она заиграла!.. Казалось, рука артиста, державшая смычекъ, была на какихъ-то особенныхъ волшебныхъ пружинахъ; изъ подъ смычка лились, рыдали и таяли въ воздухѣ такія безконечно мелодичныя сочетанія звуковъ, то нѣжныя, то страстныя, то грустныя, то счастливыя... бурныя... Точно эта ласкающая гармонія была отголоскомъ иной, неземной жизни, точно особый смыслъ, высокій, людямъ непонятный, находился въ каждой отдѣльной нотѣ, въ каждомъ могучемъ аккордѣ, въ каждомъ ласково-нѣжномъ дребезжаніи струны...

Боже мой! Боже мой, думала она, не замѣчая и не обращая вниманія на вопросы, которые задавалъ ей мужъ... Какая дивная игра!.. какое феноменальное исполненіе!.. Столько разъ слышала она эту сонату, но никогда не чувствовала въ ней такъ много глубокаго захватывающаго смысла; никогда эти знакомые звуки не говорили такъ много ея безпокойному сердцу... Не будили столько померкнувшихъ воспоминаній далекихъ невозвратныхъ дней...

Звуки лились, аккорды рыдали, нѣжно плакали, смѣялись, молили, негодовали, проклинали, любили, обѣщали, рвались бурно куда-то...; быстро, быстро проносились въ ея головѣ дорогія воспоминанія...

...Вотъ онъ стоитъ передъ ней, тотъ, кому впервые отдала она свое, почти дѣтское, пламенное сердце, котораго перваго любила такъ горячо, безпредѣльно; онъ, ея дорогой соколъ, ея милый впервые умчалъ съ собой ея душу, влюбленную такъ подѣтски, но уже съ такими недѣтскими порывами!.. Онъ первый побѣдилъ ея сердце своимъ горячимъ сердцемъ... онъ первый дарилъ ей нѣкогда столько блаженныхъ минутъ такого искренняго, ничѣмъ не омрачаемаго счастья...

Какъ она его любила! — о, какъ любила!..

Вдохновенное симпатичное лицо этого виртуоза, который дивными звуками своей волшебной скрипки разбудилъ столько

дремавшихъ дорогихъ чувствъ, стало казаться ей такимъ милымъ и задушевнымъ; ласково и нѣжно смотрѣла она на него...

Жгучія воспоминанія первой лучшей любви заставили усиленно биться ея сердце; она какъ-бы вновь переживала тѣ далекія минуты далекаго счастья; переживала, слушая эту чарующую мелодію...

Желаніе новой любви загорѣлось, запылало въ ней. О, если-бы еще полюбить такъ! о, если-бы полюбить опять, полюбить, какъ тогда его, перваго!..

Громъ оглушительныхъ рукоплесканій прервалъ вдругъ ея размышленія; знаменитость окончила играть и съ заученной улыбкой раскланивалась разодѣтой толпѣ; „bis, bis, bis“ кричали ей со всѣхъ сторонъ... и знаменитость, исчезнувшая — было съ эстрады, снова появилась и заиграла.

Итальянецъ игралъ на bis извѣстный вальсъ „Carmen Silva“; о, какъ хорошо былъ ей знакомъ этотъ вальсъ! Когда-то играла она ему... много, много разъ играла; онъ такъ любилъ этотъ мотивъ...; это былъ его любимый вальсъ... Господи, что за странное, непонятное совпаденіе!.. вотъ эти переливы здѣсь, то нѣжные, то игривые, то страстные, они такъ ей знакомы! бывало онъ такъ радовался, когда она, играя вальсъ, дѣлала особенное удареніе на этихъ переливахъ, и все повторялъ: „съ чувствомъ, съ чувствомъ играй... страстно играй!..“ Боже мой! какъ давно, какъ хорошо это было! и глаза глубокіе, темные наполнялись слезами...

О! какъ хочетъ она любить опять... такъ горячо, такъ чисто, свято и беззавѣтно, какъ только его любила!..

...Ей чудится въ этихъ знакомыхъ трелях и переливахъ звукъ дорогого голоса: „...вѣдь ты моя была!.. милая... мнѣ больно, горько, ...но теперь поздно, поздно!“ ...слышитъ она совершенно явственно и жгучія слезы полузабытой, оторванной, далекой любви, слезы нѣжности и горечи закапали изъ глазъ... Она глядитъ на этого волшебника виртуоза, который заставилъ ее вспомнить почти забытое, глядитъ на его лицо, спокойное, повидимому холодное и безстрастное, но скрывающее въ себѣ столько мощи, столько чаръ невидимаго воодушевленія, которое сквозитъ въ этихъ звукахъ... и ей хочется крикнуть ему, не

знаетъ-ли онъ того, не тотъ-ли велѣлъ ему играть ей при публикѣ „Carmen Silva“ и глядѣть такъ на нее во все время своего исполненія... Зачѣмъ онъ такъ смотритъ? ...неужели она больше всѣхъ ему хлопала?.. нѣтъ!.. впрочемъ она не помнитъ... она ничего не помнитъ: глаза красавца волшебника, такіе черные, такіе страстные, глядятъ на нее... скрипка его поетъ пѣсню ея далекой любви;... она не въ силахъ вынести, что поднимается въ груди, что подступаетъ къ горлу, этихъ слезъ сожалѣнія и счастья!

Она упала безъ чувствъ, истерически вскрикнувъ; мужъ и сосѣди бросились къ ней; въ это время знаменитость окончила играть, но разодѣтая публика на этотъ разъ очень вяло апплодировала, занятая этимъ еще не изслѣдованнымъ происшествіемъ...

...Избалованная знаменитость удалилась съ эстрады со злобной, но снисходительной усмѣшкой на пошлыхъ, красивыхъ губахъ...

IV.

...Господи... Боже мой — снова счастье; она любитъ, любитъ опять, но можно-ли сравнить ея чувства теперь со всѣми прошлыми чувствами?.. развѣ можно сравнить его любовь, такую страстную и горячую съ тою, послѣднею?.. Нѣтъ!.. она положительно только теперь узнала все счастье земное, осуществила всю полноту завѣтныхъ желаній далекаго дѣтства!.. только съ нимъ теперь узнала она истинное счастье любви, настоящей, не мимолетной... какъ она счастлива! какъ любитъ!.. о, какъ теперь она любитъ!..

...Съ того перваго концерта, когда игранная имъ „Carmen Silva“ заставила ее упасть въ обморокъ отъ наплыва дорогихъ воспоминаній, съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько недѣль, уже много разъ онъ игралъ передъ разодѣтой публикой, которая такъ удивлялась, что почтенная знаменитость до сихъ поръ балуетъ ее феноменальной игрой своей... А почтенная знаменитость не уѣзжала, потому что занималась флиртомъ, т. е. такъ называлъ онъ свои отношенія съ той красавицей, упавшей безъ

чувствъ при исполненіи „Carmen Silva“... Онъ познакомился съ ней вскорѣ послѣ того концерта и сразу замѣтилъ ея восторженную, какъ онъ говорилъ, дѣтскую влюбленность: замѣтилъ и сталъ вести себя подобающимъ образомъ, влюбляя въ себя ее еще болѣе... О, эта русская красавица, безъ ума въ него влюбленная, далеко не первая обожательница его таланта!.. Онъ бывалъ въ разныхъ городахъ различныхъ государствъ, и всюду почти находя почитательницъ, могъ выбирать любую для вящаго своего развлеченія... Такъ онъ и дѣлалъ: въ настоящее время она занимала его досугъ... но только досугъ, не больше!.. Пріятно было играть изъ себя влюбленнаго: да оно и понятно!.. такъ дорого платили ему за эту игру! Рано, или поздно она должна была понять истину... но, къ сожалѣнію, долго оставалась слѣпа, такъ долго чувствуя себя безгранично счастливой его „горячей, страстной“ любовью!..

Но вотъ почтенная знаменитость оставила городъ и въ немъ обманутую ею женщину, бѣдную рыбку, попавшую на удочку, такъ ловко, талантливо и умѣло закинутую опытной рукой!..

...Поздно узнала она о его истинныхъ чувствахъ... узнала, поняла и только вздохнула тяжело и безрадостно,,

„Онъ не любилъ... онъ обманывалъ, но почему же? вѣдь я любила!.. а какъ-то легче стало теперь: неужели я сама себя обманывала?“ Къ сожалѣнію, да! и съ горечью видитъ она, что любовь ея была такъ призрачна, что умчалась она также неожиданно, какъ онъ... вмѣстѣ съ нимъ!...

...Съ этихъ поръ промчалось два года. У нея уже былъ ребенокъ, — прелестная маленькая дѣвочка... живой портретъ матери, которая безъ ума ее любила, забросила для нея общество и свѣтскія развлеченія, забыла постоянную жажду новыхъ горячихъ чувствъ въ неспокойномъ сердцѣ своемъ...

...Однажды къ мужу пришелъ одинъ господинъ по дѣлу; мужъ оставилъ его завтракать. За завтракомъ гость говорилъ, что устраивается здѣсь въ клубѣ спектакль съ танцами обществомъ любителей изящныхъ искусствъ: предполагается вечеръ довольно грандіозный; выручка отъ продажи билетовъ и цвѣтовъ поступитъ для раздачи бѣднѣйшимъ семействамъ города... Супруги тутъ-же рѣшили ѣхать на этотъ вечеръ.

...Опять знакомое зало... давно не была она здѣсь среди яр-

каго ослѣпительнаго свѣта въ толпѣ расфранченныхъ декольтированныхъ дамъ и барышень.

Какъ тогда, слушая игру знаменитаго итальянскаго маэстро, сидѣла она въ первомъ ряду съ мужемъ своимъ и разсѣянно смотрѣла на сцену, гдѣ разыгрывали какую-то комедію, смотрѣла и думала о забытыхъ дняхъ, о томъ итальянцѣ... о вальсѣ „Carmen Silva“, о концертѣ, который напомнила ей теперь эта знакомая обстановка!.. „Carmen Silva“... „Carmen Silva“... О еслибы услышать здѣсь теперь снова эти знакомые переливы, которые когда-то давно, давно, въ дни первой юной... въ дни лучшей любви были такъ милы тому, о которомъ воспоминанія просыпаются до сихъ поръ такія свѣтлыя, чистыя, хорошія!.. О, еслибы увидѣть его!. если-бы встрѣтить гдѣ нибудь... ну, здѣсь, что-ли...: не любить хотѣла она, а такъ, вспомнить только давно пережитое, свою юность, полную бурныхъ стремленій, свои молодыя чувства, надежды, мечты, желанія!..

Она уже не можетъ теперь любить: у нея дочка... заботъ много, волненій, хлопотъ; да и сердце уже столько испытало, столько пережило, что вовсе не вѣритъ въ это чувство, вовсе не хочетъ уже его... Только теперь, когда вспомнилось почему-то знакомое лицо... давно, давно... въ миломъ дѣтствѣ знакомое... когда зашевелились въ груди цѣлыя плѣнительныя вереницы дорогихъ воспоминаній... только теперь и сердце забилось чѣмъ-то прежнимъ... и жизнь была еще какъ будто не прожита, и сердце свѣже...

Но окончилась игра любителей: взрывъ приличныхъ рукоплесканій разодѣтой толпы огласилъ зало...

Вотъ начались танцы; какой-то молодой человѣкъ расшаркался передъ ней: машинально положила она руку на его плечо и понеслась, закрутилась въ вальсѣ, какъ бывало давно... Но она такъ долго не танцовала: нѣтъ ничего удивительнаго, что голова начала кружиться... передъ глазами все запрыгало, замелькало: — вдругъ... что-это? — воображеніе, или дѣйствительность: точно знакомое лицо скользнуло среди толпы... на мигъ исчезло, послѣ опять!.. Боже мой!.. это его лицо!.. это онъ!.. его глаза, его фигура... Тотъ, кому играла она „Carmen Silva“... кого перваго любила въ дни милой юности... «...Вѣдь ты моя была, милая... мнѣ больно, горько, но теперь поздно, поздно!..»

чудится ей опять, какъ давно прежде... знакомый дорогой голосъ...

«Merci!» еле выговорила она своему кавалеру и блѣдная сѣла на прежнее мѣсто, отказывая толпѣ приглашавшихъ ее мужчинъ... Бросила взоры опять туда: онъ еще стоитъ!.. конечно ошибка невозможна; сердце не билось-бы такъ шибко... біеніемъ далекой заглохшей юности... съ трепетомъ отъ счастья пробуждающихся воспоминаній!..

— Позвольте представить вамъ одного пріѣзжаго господина; вы знали его давно;.. кажется, еще въ дѣтствѣ... — говорилъ ей кто-то и она отвѣчала, стараясь сохранить хладнокровіе, что очень рада будетъ... кто онъ? и т. д... Вотъ его ведутъ къ ней... Боже мой! какъ мало измѣнилось это лицо.. когда-то дорогое .. Онъ вѣжливо поцѣловалъ ея протянутую руку, слегка дрожащую, съ которой только-что была снята узкая лайковая перчатка, — остановился передъ ней и заговорилъ... Онъ говорилъ о томъ, что столько лѣтъ не знали они другъ друга, а между тѣмъ раньше, какъ хорошо были знакомы... даже дружны .. Какъ радъ теперь снова ее видѣть... какъ удивленъ теперь неожиданной этой встрѣчей!

...А она думала: Господи... и голосъ милый не измѣнился за все это длинное время; звучитъ въ немъ та-же знакомая печаль, то-же затаенное сожалѣніе о невозвратимомъ, какъ и въ словахъ, что чудились такъ часто и носятся въ умѣ до сихъ поръ.

Она смотритъ на него и не слышетъ, о чемъ говоритъ онъ; въ ея ушахъ только звучитъ голосъ этотъ родной; въ немъ только кажется ей снова... «... вѣдь ты моя была... милая... мнѣ больно, горько... но теперь поздно, поздно!..»

V.

... Онъ сталъ бывать у нихъ послѣ этого вечера. Они долго разговаривали тогда, удалившись въ одну изъ гостиныхъ клуба; говорили, вспоминали, сожалѣли... Мало по малу возстановились туманныя краски, возобновлялось въ памяти все, что казалось забытымъ, истертымъ всепожирающимъ временемъ, но что столько лѣтъ сердцу было такъ дорого!.. Онъ сталъ бывать у нихъ и

они сошлись... опять быстро, сразу вспомнили все; она любитъ его еще... и всю-бы жизнь любила; вѣдь дѣтство, дѣтскія грезы, дѣтскія чувства, первое трепетное біеніе пылкаго сердца... всю жизнь красятъ одними мыслями о нихъ, а здѣсь дѣйствительность!.. точно снова юность вернулась! Словно не было этихъ длинныхъ лѣтъ жизни пустой и несчастливой, полной горячихъ порывовъ увядающей молодости... полной поисковъ любви какой-то особенной... прочной, лучшей...

...Она и не сравнивала его съ тѣми нѣкоторыми, которымъ, повидимому, отдавала любящее свое сердце... она и не думала, что одинъ изъ нихъ страстно любитъ ее до сихъ поръ и мучается ея холодностью, ея странной, неожиданной перемѣной... Это тотъ военный, съ которымъ встрѣтилась она въ клубѣ, который почему-то такъ скоро пріѣлся, такъ быстро охладилъ ея чувства своею требовательною любовью, страстно неудержимой...

Мужъ сталъ замѣчать теперь, чего не замѣчалъ никогда раньше; теперь она не была даже осмотрительна; нѣсколько разъ уже имѣлъ онъ объясненіе съ женой, указывалъ ей, какъ компрометируютъ его эти поступки: катанья съ нимъ, долгія бесѣды въ ресторанахъ и кондитерскихъ, поздніе визиты его въ отсутствіи мужа... «...если ты не любишь меня, если не грѣшно тебѣ, что ты всю жизнь мою сгубила: будь хоть осторожна... не дѣлай меня басней города!.. хотя изъ жалости одной... вѣдь я все-же мужъ тебѣ... хоть и не любимый!..» Такъ говорилъ онъ женѣ; впервые, кажется, послѣ замужества проснулось въ ея сердцѣ что-то похожее на жалость или симпатію... За что, правда, она отравила ему существованіе?.. Вотъ и посѣдѣлъ, бѣдный, раньше времени, и румянца нѣтъ на похудѣвшихъ щекахъ, и веселости былой, какъ не стало...; зачѣмъ испортила она эту жизнь? вѣдь онъ до сихъ поръ еще любитъ...

И тяжело вздохнула она, когда, почти сквозь слезы, проговорилъ ей такъ мужъ;... и ничего не нашлась сказать... отвѣтить; правду, правду говоритъ онъ..., но чѣмъ виновато сердце, что любитъ другого? что впечатлѣніе далекаго дѣтства было такое сильное, такое могучее впечатлѣніе?... что жизнь всю побѣдила она, любовь ея первая?...

...Она-бы оставила мужа и уѣхала съ нимъ, съ этимъ дорогимъ старымъ другомъ, увѣренная, что теперь настала для без-

покойнаго ея сердца любовь прочная... давно, такъ долго желанная!..

...Оставила-бы... но ея дѣвочка! ея милое, родное, дорогое дитя!..: виновато-ли оно въ томъ, что мамино сердце было такое бурное, безпокойное, знойное сердце?.. Нѣтъ! у бѣдной матери не хватитъ силъ оставить ребенка, какъ ни любитъ «его»... а брать съ собой... вѣврять судьбѣ неизвѣстной, можетъ-быть злой, несчастной...: такъ страшно тоже! — Бѣдная не знала, какъ и говорила со слезами милому своему, который каждый день готовъ былъ умчать ее далеко, что жаль ей дитя свое родное и борется это чувство... жалость съ безконечной любовью къ нему... другу дорогому...

Прошло дня три. Быстро разнеслась по городу вѣсть и даже вскорѣ подробности дуэли какого-то пріѣзжаго молодого человѣка съ эфицеромъ мѣстной кавалеріи... Пріѣзжій раненъ, почти при смерти; причина: ревность, а поводъ: публичная, искусственно разыгранная ссора съ оскорбленіями словами и дѣйствіемъ...

Боже мой! что сталось съ ней, когда дошла въ тотъ-же день и до нея эта вѣсть о дуэли милаго съ тѣмъ... разсказы о тяжелой смертельной ранѣ въ грудь... ея родной единственный другъ умираетъ!.. Господи!.. горе... горе опять!... Скорѣй къ нему!... скорѣй!... И поѣхала она, вся блѣдная, глотая рыданья, подступавшія къ горлу противъ воли. — А вдругъ уже поздно?.. вдругъ уже умеръ?.. и дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу отъ этой страшной мысли...

Пріѣхала; быстро вбѣжала она по знакомой лѣстницѣ гостинницы, отворила его номеръ... вотъ лежитъ, разметавшись по постели, въ жару, съ блѣднымъ лицомъ, можетъ быть, близкій къ смерти, другъ ея, на всей землѣ единственный, такъ давно, такъ нѣжно, глубоко любимый! Она опустилась на колѣна передъ кроватью и горько зарыдала, обнявъ его голову, цѣлуя блѣдныя губы... «...милый... очнись... я здѣсь... я съ тобой... помнишь дѣтство... меня тогда... «Carmen Silva»... помнишь, милый?...» сквозь слезы шептала она, не замѣчая удивленнаго лица доктора и нѣсколькихъ другихъ, все неизвѣстныхъ ей лицъ... «...что съ тобой?.. я люблю тебя... я здѣсь... смотри!..» Но раненый не узналъ ее: онъ недавно пришелъ въ чувство и къ

нему не вернулось еще ясное сознаніе: пуля засѣла въ легкомъ... онъ кашлялъ мучительно густой черной кровью;... невыносимыя страданія наполнили остатки жизни, которая едва теплилась, едва держалась за негодное теперь для жизни тѣло...

«Будьте добры, сударыня, оставьте его: вы не можете быть полезны... вы причиняете ему видомъ своего горя еще большія муки!..» — Холоднымъ вѣжливымъ шепотомъ замѣтилъ врачъ.

Она умоляюще взглянула на него и сѣла вблизи, съ трудомъ удерживая душившія слезы... Все кончится съ его смертью, потому что вся жизнь ея была въ немъ... потому что онъ любилъ одинъ такъ чисто, такъ долго, столько лѣтъ напоминая ей о любви своей, зажигая въ груди, въ сердцѣ мятежномъ жажду чувствъ новыхъ и лучшихъ...

...Закатилась звѣзда дорогая, что блестѣла впереди такъ долго, что манила и звала вдаль.. что сулила счастье безъ мѣры; все уноситъ эта смерть... лютая, безпощадная!... И вспоминается ей тотъ голосъ нѣжный, знакомый, столько лѣтъ мучившій горячее сердце... тревожа душу воспоминаніемъ, сожалѣніемъ, далекой мечтой далекаго забытаго счастья!.. «... вѣдь ты моя была... милая... мнѣ больно, горько... но теперь поздно... поздно!»

...Да, теперь поздно... теперь, вмѣстѣ съ нимъ, навѣки умираетъ ея сердце для любви... для счастья!... И снова бросилась она къ нему, громко рыдая въ безумномъ порывѣ жгучаго горя... «поздно... поздно...» звучали слова въ ушахъ...

...Онъ умеръ черезъ день, передъ смертью придя въ полное сознаніе; умеръ на рукахъ плачущей милой своей; въ ея душѣ, полной нѣмого отчаянья, поднимались такія муки... сердце щемило и замирало такъ больно отъ его прощальныхъ послѣднихъ взглядовъ...; въ нихъ было все, въ этихъ взглядахъ безмолвныхъ, но краснорѣчивыхъ... и жалость, и грусть... и любовь ясная, всепрощающая, беззавѣтная...

...Мужъ былъ съ нею на похоронахъ и плакалъ, какъ она, стоя на краю полузасыпанной могилы... не обращая вниманія на вѣтеръ, трепавшій рано посѣдѣвшіе его волосы... «Господи, думалъ онъ, она такъ любила, она такъ еще любитъ его до сихъ поръ, а я мучаюсь... такъ хорошо ее понимая... дай же мнѣ немного счастья, когда теперь умеръ онъ!.. озари жизнь мою го-

ремычную свѣтомъ любви ея, въ которой вся жизнь моя... все мое счастье!..»

...И Богъ услышалъ молитву бѣднаго мужа; онъ далъ ему жену любящую и серіезную... дивную мать ихъ дорогой дѣвочки, умѣлую хозяйку...; она полюбила мужа съ тѣхъ поръ, какъ увидала слезы на глазахъ его у могилы незабвеннаго лучшаго своего друга!..

Августъ, 1901 г.

Гдѣ и въ чемъ наше счастье?

(Мысли).

Каждый человѣкъ представляетъ изъ себя двѣ личности: животную и духовную; такъ думалъ прежде Левъ Толстой и я вполнѣ съ нимъ соглашаюсь. Животная личность каждаго человѣка дѣлаетъ изъ дня въ день, что всѣ дѣлаютъ, что принято дѣлать людямъ... принято почти безсознательно могучимъ гипнозомъ безчисленныхъ прошлыхъ и настоящихъ примѣровъ жизней. Духовная личность каждаго человѣка, постоянно критикуя физическую дѣятельность, осуждаетъ, или оправдываетъ эту дѣятельность... Въ такой безпрерывной критикѣ, соединенной съ безконечными потоками мыслей, чувствъ и усилій воли, въ такой постоянной оцѣнкѣ физической личности и состоитъ жизнь цѣлаго человѣка...

Я сдѣлалъ дурно... духовная личность моя негодуетъ, протестуетъ, покоя не даетъ мнѣ, напоминая каждый моментъ, что я сдѣлалъ дурно... Но всѣ такъ дѣлаютъ... и, можетъ быть, такъ-же негодуютъ духовныя личности всѣхъ людей, которые дѣлаютъ такъ, но личность физическая видна, а духовная живетъ въ ней, физической, невидимо.

...Людямъ видимы лишь слезы мои;непонятно имъ ихъ происхожденіе и они называютъ меня сантиментальнымъ; они снисходительно улыбаются моимъ слезамъ, невольно указывающимъ на усиленную работу моей духовной личности...

...Я живу на землѣ, меня окружаютъ люди, и не могу я не обращать вниманія на сужденія обо мнѣ этихъ людей, такъ какъ я самъ такой-же, какъ они человѣкъ... Но когда возмущена во мнѣ духовная личность, когда клокочетъ и бунтуетъ она, порабощая всѣ желанія, мысли и порывы, тогда... тогда приговоръ другихъ людей уже не трогаетъ меня: я самъ вижу, что и какъ сдѣлалъ... самъ сожалѣю, и не могу удержать слезы, которыя такъ смѣшны людямъ...

...Человѣкъ любитъ жизнь физической своей личности: человѣку иногда невыносимо тяжелъ тотъ постоянный собственный духовный контроль, который мѣшаетъ хватать отъ жизни быстрѣе, что можетъ дать она лучшаго, отравляетъ многія наслажденія, ...мучитъ часто, не даетъ эпикурействовать... Мнѣ кажется... мнѣ вѣрить хочется, что цѣль нашей жизни постичь и осуществить ту высокую идеальную науку, которую большинство стремится игнорировать, отъ которой намъ съ ранняго дѣтства закрываютъ глаза и охраняютъ душу, умъ, наполняя послѣдній ненужной работой скучной, холодной, бездушной... Ту науку... высокую, какъ звѣзда и, увы! какъ звѣзда далекую, но заманчивую и чистую науку: причинять своей жизнью какъ можно менѣе вреда другимъ жизнямъ... давать своей жизнью другимъ, какъ можемъ, болѣе свѣта, тепла, души, сердца... пользы, указывать жизнью своей видимой физической личности ту незримую духовную личность, отъ которой одной счастье, или слезы печали и сожалѣнія... отъ которой одной безконечно радостная и отрадная любовь ко всѣмъ... всѣмъ людямъ... Съ ранняго дѣтства утомляютъ нашъ умъ, упражняя въ ущербъ дѣятельности забытой души, забытаго чувства...: съ ранняго дѣтства намъ твердятъ все, что, если не получимъ извѣстнаго количества познаній и извѣстнаго умственнаго развитія, то жизнь будетъ тяжела..., въ тягость другимъ, въ несчастіе себѣ: мы видимъ примѣры (и намъ указываютъ на нихъ, если мы не обращаемъ сами вниманія)... примѣры, гдѣ практически умный человѣкъ, съ дипломомъ, съ извѣстнымъ количествомъ односторонних позитивныхъ познаній, пользуется завиднымъ положеніемъ по службѣ, съ коей тѣсно связана жизнь его и семьи, такъ какъ она, служба, даетъ средства для этой жизни... «Хочешь быть такимъ?...» спрашиваютъ ребенка и тотъ конечно пони-

маетъ какого отвѣта ждутъ отъ него, говоритъ: «хощу!», а самъ думаетъ: «нѣтъ! это не то, что я хочу... что я хочу, не знаю, но это не то!»... Это духовная личность его неопредѣленно негодуетъ, личность не успѣвшая еще, ни окрѣпнуть, ни развиться въ маленькомъ существѣ, въ которомъ всѣ окружающіе люди, и жизнь, и условія, и приличія, и потребности, въ которомъ все стремится заглушить, или въ лучшемъ случаѣ не развить духовную личность, а физическую личность, или вѣрнѣе, связанную съ ней умственную дѣятельность развиваютъ, поощряютъ, утомляютъ гимнастикой, подъ часъ, не только непригодной къ жизни, но прямо вредной для всего существа, такъ такъ сушитъ она раньше времени...

Безспорно, для сознательной осмысленной и другимъ полезной жизни, нужно извѣстное развитіе, нѣкоторыя познанія, привычка думать, критиковать, соображать, излагать ходъ своихъ мыслей... Но что думать и соображать, когда духовная личность неудовлетворена и клокочетъ, а практически приспособленный для жизни умъ не можетъ постичь духовной бури, не можетъ разобраться, вслушаться въ голосъ духовной личности, неразвитой, часто исковерканой именно *такимъ* образованіемъ, именно *такой* подготовкой къ жизни...

Можетъ-ли быть счастливъ человѣкъ, если подъ словомъ «счастье» разумѣть не обезпеченныя условія физической жизни, а духовное согласіе личностей въ человѣкѣ, сознаніе удовлетворенности, которое, къ глубокому сожалѣнію, почти незнакомо намъ?... Можетъ-ли быть счастливъ человѣкъ, когда съ ранняго дѣтства научился онъ повиноваться могучей силѣ физическаго примѣра, а не голосу личности духовной, которой буря негодованія ему непонятна по причинѣ неразвитости духа?...

Можетъ-ли быть счастливъ человѣкъ, если сердце его черство и сухо, если не трогается оно страданіемъ и болью брата, если умъ, развитый только ненужными (въ большинствѣ случаевъ) познаніями, тенденціозный, практическій умъ?... Категорически скажу... ни минуты не сомнѣваясь, что человѣкъ, какъ бы ни былъ уменъ, развитъ, свѣдущъ, обезпеченъ, окруженный даже любящими, повидимому, людьми, не можетъ быть счастливъ, спокоенъ, удовлетворенъ и полезенъ (только сознаніе приносимой пользы можетъ дать счастье, какое я понимаю!), если не

развита его духовная личность, если непонятна критика его духовной личности по отношенію къ видимой жизни... Онъ будетъ мучаться вѣчной неумолкаемой духовной бурей, духовнымъ разладомъ, который не затмитъ никакая иллюзія счастья... никакое искусственное опьяненіе куреніемъ, виномъ, удовольствіями, улучшеніемъ условій физической жизни...! Я бываю счастливъ до слезъ лишь тогда, когда хоть на мигъ понялъ, о чемъ такъ шумитъ и волнуется во мнѣ духовная личность... когда прислушался къ этому голосу ея могучему, прекрасному чистому голосу, который лишь одинъ даетъ и счастье, и энергію, и свѣжесть новыхъ лучшихъ думъ, прислушался и понялъ и поступилъ такъ, какъ онъ говорилъ во мнѣ!

Сердечное воспитаніе, разумное сердечное воспитаніе съ дѣтскихъ, самыхъ раннихъ лѣтъ развитія нашей духовной личности, дастъ намъ множество людей нравственно, духовно счастливыхъ; они будутъ *помогать жить* другимъ людямъ, у которыхъ менѣе или вовсе не развита духовная личность и которые поэтому несчастливы. Легче станетъ жизнь, лучше, цѣлесообразнѣе, заманчивѣе, чище, если озаритъ ее, эту жизнь, сознаніе приносимой безусловной пользы, пользы духовной братьямъ людямъ, которые несчастливы; велика будетъ передъ Богомъ заслуга такихъ людей, велико будетъ ихъ удовлетвореніе, ихъ личное духовное и физическое согласіе; будучи сами счастливы, они получатъ возможность дѣлать таковыми другихъ... Счастье невидимо; счастье находится не въ условіяхъ, окружающихъ нашу физическую жизнь, а внутри насъ самихъ, въ глубинѣ нашей неразвитой, заброшенной, забытой духовной личности, которая запущена, которая поругана и не можетъ пониматься холоднымъ черствымъ разумомъ.

Августъ, 1901 г.

Убійца.

(Картинка).

...Было раннее утро; надъ хмурой и мокрой землей медленно двигались тяжелыя сѣрыя тучи... По грязной туманной улицѣ столицы тянулась похоронная процессія; пара лошадей въ черныхъ попонахъ тащила старенькую погребальную колесницу съ гробомъ, сплошь покрытымъ вѣнками; за колесницей шло много народа; нѣкоторые были въ траурѣ, съ платками въ рукахъ и заплаканными глазами...

«Кто умеръ?..» «Кого хоронятъ?» раздавались вопросы любопытныхъ, постоянно прибывавшихъ къ толпѣ. Узнавъ изъ нѣсколькихъ фразъ, торопливыхъ и неточныхъ, что хоронятъ убитую недавно молодую дѣвушку, дочь небогатаго военнаго чиновника, что убійца, студентъ, будто бы тутъ въ толпѣ провожаетъ къ послѣднему жилищу молодое и прелестное созданье, лишенное имъ жизни, узнавъ все это, любопытный присоединялся къ толпѣ и шелъ грустно за гробомъ, стараясь угадать и найти среди множества печальныхъ лицъ лицо убійцы...

...Но убійцы здѣсь не было; онъ уже дня четыре мучился въ тюрьмѣ, одинокій, полупомѣшаный отъ своего безысходнаго горя; досужіе болтуны распустили слухъ, что здѣсь убійца и множество лицъ приставало теперь къ толпѣ исключительно изъ желанія посмотрѣть на него... Объ этомъ убійствѣ зналъ весь городъ; почти всѣ вѣнки были возложены на гробъ лицами совершенно незнакомыми, какъ покойной, такъ и ея семейству...

Старикъ отецъ шелъ за дрогами маленькими торопливыми шагами, не разбирая дороги, по грязи и лужамъ, устремивъ на кучу вѣнковъ сосредоточенный, но безсмысленный взглядъ, комкая въ рукахъ фуражку; глаза его были красны и все лицо какъ-то сморщено и жалко...

Тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе производилъ видъ этого, удрученнаго горемъ отца!.. Съ лѣвой стороны отъ него шла младшая дочь, дѣвочка лѣтъ 14—15; съ глазами, полными слезъ, съ нервно дрожащимъ подбородкомъ, она то и дѣло бросала на

отца взгляды, полные безпокойства и тревоги... Дѣвочка шла съ отцомъ и думала: „Боже мой! какъ жаль, какъ я любила Таню!.. Боже мой! зачѣмъ она умерла!.. зачѣмъ онъ убилъ ее... гадкій, злой! За что Таня такъ любила, такъ любила, что, даже умирая, громко звала его, громко съ плачемъ прощалась съ нимъ и молилась за него?!.“

...Печальная процессія приближалась къ кладбищу: вотъ уже показалась ограда кладбищенской церкви и забѣлѣли вдали фигуры крестовъ и памятниковъ, уныло тѣснившихся среди рѣдкой и жалкой растительности.. пожелтѣвшей, мокрой...

...Могила была уже вырыта и трое рабочихъ ждали съ лопатами въ рукахъ прибытія гроба: они курили и смѣялись, сидя на сырой глинистой землѣ...

Гробъ понесли къ ямѣ, поставили у самаго края и священникъ сталъ служить панихиду... Тоскливо и монотонно тянулъ онъ съ діакономъ и псаломщикомъ „Со святыми, упокой...“ Пѣвчихъ не было; у діакона, хотя былъ громкій и зычный баритонъ, но онъ вѣчно сбивался съ тона и обрывалъ ноты, священникъ пѣлъ съ передышкой и старческимъ дрожаніемъ голоса, а юркій безусый псаломщикъ подпѣвалъ только тонкимъ, ноющимъ теноркомъ, боясь сфальшивить, такъ какъ имѣлъ плохой слухъ.

„Идѣ же... нѣсть болѣзни... печали и воздыханія... но жизнь безконечная...“ Неслись и плакали звуки ихъ голосовъ; и бѣдный отецъ плакалъ тутъ же, нервно комкая фуражку, устремивъ безсмысленный взоръ на кучу пестрыхъ мокрыхъ вѣнковъ... а его дѣвочка стояла рядомъ и думала, съ трудомъ удерживая рыданія: „Боже мой, зачѣмъ умерла бѣдная Таня?.. такъ любила я ее... и больше никогда теперь не увижу!..“

...Кончилось служеніе; какой-то студентъ, товарищъ и другъ убійцы, стремительно протискался къ гробу и заговорилъ громко задушевнымъ, слегка дрожащимъ голосомъ: „Грустно, безконечно грустно, — говорилъ онъ, — видѣть гибель молодой жизни, такъ много обѣщавшей!.. сердце щемитъ и бьется негодованіемъ, невольнымъ и понятнымъ негодованіемъ по адресу дерзкаго убійцы, не пощадившаго жизнь эту ради бури души своей, ради безумнаго порыва сердца своего, пылкаго и горячаго... ради любви къ ней, теперь холодной, на вѣки покинувшей землю съ ея бурными страстями...

Жалко рано угасшую жизнь; больно и страшно за виновника... несчастнаго, забывшаго душу свою, забывшаго Бога: неужели нѣтъ ему спасенія?.. Неужели послѣ приговора людей, послѣ взрывовъ злобы и негодованія по его адресу, на бѣдную душу обрушится немилосердная кара Небеснаго Отца Бога?.. Онъ погубилъ свою душу, погубивъ жизнь эту молодую; онъ возгласилъ себѣ вѣчный приговоръ: злобу, осужденіе и презрѣніе людей... Неужели нѣтъ болѣе мѣста и ему на землѣ!.. Она умерла; душа витаетъ далеко отъ горя и слезъ земныхъ, гдѣ „нѣсть болѣзнь“, гдѣ „жизнь безконечная“: можетъ ли быть истинно счастлива душа, привязанная къ землѣ временно своимъ молодымъ и красивымъ тѣломъ, привязанная къ землѣ, къ скорби, къ нуждамъ, къ заботамъ земнымъ?.. можно ли горевать и плакать много о томъ, что душа улетѣла изъ міра юдоли въ вѣчное лоно правды, тишины, мира и счастья?.. А его жизнь на вѣки осквернена нынѣ: нѣтъ ему ни спокойствія духа, ни любви, или расположенія и участія людей... нѣтъ мѣста, нѣтъ спасенія отъ ужаса и безъисходности терзающей совѣсти, отъ голоса сердца... разбитаго, отжившаго сердца!.. Можно ли не подумать о немъ, о его душѣ?.. Можно ли не пожалѣть это сердце, которое въ пылу любви страстной и горячей забыло душу свою... забыло жизнь чужую?!.

Я съ молодыхъ лѣтъ знаю его; это рѣдкій человѣкъ, душевный, отзывчивый ко всему доброму и прекрасному, сердечный человѣкъ, который любитъ людей и живетъ для нихъ и хочетъ жизнь свою создать всю на благо имъ, братьямъ своимъ!.. Теперь все рабито... все навсегда кануло въ пропасть!.. На душу его нахлынула любовь, дикая и неудержимая; какъ вихрь налетѣла она, даря собой и слезы печали, и проблески яснаго дивнаго счастья, и порывы ревности, бунтующей, всеуничтожающей ревности... той ревности, которая изъ души такой создала безсердечнаго убійцу... сына страсти своей, раба своего порыва!..

...Онъ сидитъ теперь въ домѣ предварительнаго заключенія, преступникъ важный и опасный; меня съ трудомъ пустили къ нему и я вмѣстѣ съ нимъ плакалъ, когда слушалъ въ сотый разъ его разсказы о подробностяхъ страшнаго дѣла, когда судорожно сжатыя губы вдругъ раскрывались и изъ груди вырывался стонъ, похожій на хрипъ предсмертной агоніи...

...«Бѣдная, горькая, несчастная доля!.. зачѣмъ ты, сильный умомъ и сердцемъ, зачѣмъ ты не удержалъ страсть свою?.. зачѣмъ позволилъ побѣдить себя любовью къ ней, безумной злобой къ нарушителю, оскорбителю любви своей?..» Такъ говорилъ я ему, а онъ, сидя на низкой скамьѣ и опустивъ голову въ лежащія на колѣняхъ руки, рыдалъ безутѣшно и томительно горько; я не въ силахъ былъ болѣе упрекать его; я бросился къ нему съ плачемъ... и обнялъ его... и сказалъ, что Богъ видитъ горе, видитъ душу чистую и привдивую... что Богъ дастъ спасеніе, а люди .. люди... Богъ съ ними!.. ихъ любовь не дастъ ему счастья безъ воли и власти Божьей!..“

...Такъ говорилъ студентъ и не удержалъ слезъ своихъ послѣ этихъ словъ; онѣ хлынули горячимъ потокомъ изъ его глазъ и онъ замолчалъ... Въ толпѣ раздавались всхлибыванья и глухія рыданія; многіе изъ присутствовавшихъ знали ее; многіе знали самого убійцу.

...Медленно опускался гробъ въ глубокую яму, задѣвая углами за стѣнки и стучалъ все глуше и глуше; вотъ ослабѣли лямки; онъ дошелъ до дна; рабочіе выпрямились и вытянули изъ ямы лямки... Священнику подали земли на подносѣ и онъ троекратно бросилъ по горсти на обнаженную крышку гроба; земля застучала глухо и замеръ стукъ быстро; послѣ всѣ брали землю и бросали на гробъ; все рѣже и рѣже слышался стукъ; ужъ стукъ прекратился; вся крышка была засыпана землей; могильщики взялись за лопаты и быстро добросали землю; она стояла теперь выше уровня и они изъ рыхлой горки сдѣлали форму гробовой крышки и врыли бѣлый деревянный крестъ съ приготовленной раньше надписью...

...Многіе вздыхали, крестились и уходили...

Отецъ со своей дѣвочкой все стоялъ на томъ же мѣстѣ и смотрѣлъ тупымъ безсмысленнымъ взглядомъ на могилу, гдѣ только что похоронена на вѣки его любимая дочь, его веселая, рѣзвая шалунья Таня... эта красавица, которую берегъ онъ столько лѣтъ отъ глаза мужскаго... точно чуяло сердце недоброе, точно зналъ онъ, что не пережить Танѣ любви!..

«...Бѣдная, родная моя дочь, это я виновенъ!.. я не допустилъ, чтобы онъ любилъ тебя... я не вырвалъ тебя во время изъ когтей этого чудовища... прости меня, незабвенная, но я не переживу

много смерть твою, душа моя не будетъ спокойна, пока не оставитъ землю, на которой тебѣ не суждено было жить, гдѣ за любовь ты заплатила смертью!.. прости меня!.. жди меня!.. родное, незабвенное дитя!..“ И онъ низко опустивъ голову снова сталъ нервно комкать руками фуражку, между тѣмъ, какъ изъ глазъ медленно катились слезы... одна за другой, падая на пальто и на землю.

«—Папочка, папа... пойдемъ домой!.. смотри, уже никого нѣтъ кругомъ... пойдемъ, мой папочка!..»

Такъ говорила его дорогая, живая дочь и старалась заглянуть въ лицо бѣднаго отца своего, придавая голосу, насколько могла, нѣжности и чувства, чтобы утѣшить... Старикъ взглянулъ на нее, но уже не тѣмъ тупымъ безсмысленнымъ взглядомъ, которымъ смотрѣлъ на кучу вѣнковъ, покрывавшихъ гробъ дорогой умершей: онъ смотрѣлъ на ея печальное личико грустно и любовно... «Для нея, для этого дорогого ребенка, думалъ старикъ, буду жить я; всей душой буду стремиться охранить хотя это дитя... уберечь хотя это сердце... Такимъ жестокимъ, незабвенно тяжкимъ урокомъ будетъ служить мнѣ смерть моей родной Тани, моей рѣзвой шалуньи, которую люблю я такъ беззавѣтно!..»

...Они взглянули послѣдній разъ на мѣсто, гдѣ похоронено теперь дорогое существо, перекрестилось и направились медленно и молча домой...

...А погода стала проясняться: солнце выглянуло изъ облаковъ и тумана; сначала какъ-то хмуро и нерѣшительно, а послѣ ярко и смѣло озарило оно мокрыя улицы шумной столицы...

Сентябрь, 1901 г.

О красотѣ.

(Думы).

...Мы не понимаемъ красоту, мы не знаемъ красоты; наша жизнь скучна, кажется намъ пустой и глупой, потому что мы *не хотимъ* понять, что сами сдѣлали ее такой, отнявъ все душевное, лишивъ себя способности понимать и искать красоту...

Красота — правда, но наши понятія о правдѣ такъ изуродованы, что мы называемъ правдой и завѣдомую ложь, фальшь, завѣдомую иллюзію истины; сухое сердце, усталое отъ однообразной, практической холодной и неуютной дневной жизни, къ вечеру хочетъ отдыха, хочетъ перемѣну чувствъ, или вѣрнѣе хочетъ какихъ либо чувствъ, потому что ихъ не было вовсе... Сердце инстинктивно стремится къ красотѣ: красоты природы близко нѣтъ, такъ какъ кругомъ она на далекое пространство исковеркана жизнью людскихъ массъ... есть искусства: усталое сердце хочетъ красоты искусствъ: и вотъ въ нашихъ современныхъ искусствахъ начинаютъ принимать за красоту и правду то безобразное и ложное направленіе въ искусствахъ, которое носитъ глупое и безсмысленное названіе декаденства...

Когда я увидѣлъ недавно картину извѣстнаго и талантливаго художника, прежнія работы котораго приводили въ изумленіе, въ благоговѣніе... заставляли трепетать своей правдой, красотой, одухотворенной яснымъ *личнымъ* вдохновеніемъ... Когда я увидѣлъ картину этого художника, я долго стоялъ передъ ней, сначала полонъ недоумѣнія и любопытства, а послѣ грусти и сожалѣнія, горькаго сожалѣнія при видѣ поруганнаго таланта, поруганной мысли, прежде чистой, свѣтлой, теперь порабощенной бездушіемъ нашего хилаго и больного времени...

Онъ не захотѣлъ служить истинѣ и думалъ подчиненіемъ, искусственнымъ и бездушнымъ подчиненіемъ своего таланта грубымъ потребностямъ духовно неразвитой толпы создать себѣ новое вдохновеніе для новой и болѣе прочной славы... Онъ все отдалъ на алтарь лжи и лицемѣрія!.. отдалъ талантъ, отдалъ трудъ, отдалъ силы, отдалъ мечты и личное блаженство вдохновенія... отдалъ красоту и правду, отдалъ душу и смыслъ... Толпѣ любопытно, толпа рада, толпа смотритъ и хвалитъ; толпа ничего, ровно ничего не понимаетъ въ этой картинѣ, но хвалитъ, потому что вѣритъ въ истину и правду талантливаго художника и не можетъ сама отнестись критически къ этому обезображенному таланту... не можетъ, такъ какъ утратила духовное чутье, врожденное всему живущему исканіе и желаніе красоты!..

Каждая мысль, одухотворенная искренностью *собственнаго* сердца и глубиной *личнаго* чувства — красива: она даетъ, въ связи съ другими впечатлѣніями, прежде всего эстетическое

наслажденіе отъ сознанія красоты, стройности, правды: можетъ ли въ такомъ случаѣ быть красива мысль даже талантливаго лица, но лишенная индивидуальной особенности *его* сердца, *его* души, *его* разсудка?... Можетъ ли быть она красива, если звучитъ лишь въ унисонъ настоящему настроенію и «вкусу» общества?.. Что пользы въ томъ, что звучитъ, какъ будто гармонично и увлекательно, если видно полное отсутствіе личности автора, полное бездушіе?..

* * *

...Я сижу у открытаго окна поздно, сижу и смотрю и чувствую томленіе, сонъ ночи; вдали глухо шумятъ на безмолвныхъ улицахъ колеса экипажей, раздается стукъ конскихъ подковъ о камень, далекій людской говоръ; вдругъ нѣжные звуки скрипки заставляютъ меня вслушаться и усилить вниманіе: кто-то съ чувствомъ играетъ отрывокъ изъ Фауста ...Quando a te lieta... нѣжный голосъ, грустный задушевный, ласковый и глубоко страстный вторитъ рыданію звучащей струны и поднимаетъ въ душѣ моей столько чувствъ уснувшихъ, столько глухихъ далекихъ, забытыхъ мыслей...

...piangi infelice... io piangero per te... piangero per te... и чудится мнѣ плачъ этой несчастной Маргариты, плачъ, котораго я хочу... и слышится мнѣ вздохъ ея безотрадный и тяжкій...

...ti sarò fedele... amico ognor... кажется мнѣ, что я вѣрный ея другъ, что *моей* становится скорбь ея и слезы невольно катятся изъ глазъ и рыданія подступаютъ къ горлу отъ этихъ страданій, отъ этой печали!..

Гёте взялъ мое сердце, мою душу на эти минуты въ область грусти своей, а Гуно восхитилъ душу мою, унесъ высоко... что замеръ духъ вмѣстѣ съ замираніемъ струны и аккорда... замеръ, трепетно очарованъ дивной гармоніей несущихся рыдающихъ звуковъ...

...Затихли нѣжные звуки мелодіи, но въ сердцѣ не спокойно: въ немъ все не на мѣстѣ... вотъ красота!.. вотъ чистая истина, одухотворенная могучимъ талантомъ личнаго вдохновенія; долго носятся въ ушахъ эти звуки и все нѣжатъ, все печаль разжигаютъ, забытую, милую!..

* * *

...Передо мной сочиненія Надсона... Я читаю «Весеннюю сказку»... Дивныя слова! дивныя мысли! безсмертна красота ихъ, согрѣтая огнемъ кипучаго вдохновенія!..

...Все оцѣпенѣло, все мертво и глухо,
Какъ въ могилѣ глухо, какъ въ могилѣ спитъ.
Ни одно дыханье не тревожитъ слуха,
Ни одинъ изъ чащи рогъ не прозвучитъ... •
. . . . . .

...И чувствую я эту тишину, и томитъ она меня, какъ могила, и дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу...

...Снится ей, что тамъ, за этими горами,
Истомленъ путемъ и долгою борьбой,
Молодой красавецъ съ темными кудрями,
Силится пробиться черезъ лѣсъ густой...

...Самъ я вижу его тамъ далеко... фантазія рисуетъ образъ его мужественный и храбрый, обрамленный темными волнами мягкихъ волосъ, одухотворенный красотой чистой и свѣтлой...

Плащъ его въ лохмотьяхъ и окрашенъ кровью,
А въ лѣсу, что шагъ, то смерть ему грозитъ,
Но на трудный подвигъ призванъ онъ любовью,
И его нога по кручамъ не скользитъ...

...Чудится мнѣ, какъ въ крови, въ изодранномъ платьѣ спѣшитъ онъ, бѣдный, усталый, къ милой своей, которую лишь приходъ его разбудитъ, которая лишь его ждетъ...

...Хватитъ ли отваги для борьбы жестокой?
Выдержитъ ли битву молодая грудь?..

...Такъ и ноетъ... болитъ за него мое сердце!..

...Но, побѣда! Въ мракѣ тягостныхъ сомнѣній,
Свѣтлый лучъ блеснулъ; оконченъ долгій споръ,
И уже гремитъ по мрамору ступеней,
Все слышнѣй, все ближе звукъ шаговъ и шпоръ...

...Мнѣ кажется, что слышу я приближающійся звонъ шпоръ: смѣлые шаги, радостные... они громче все... близко ужъ онъ... такъ радостно, такъ сильно бьется сердце въ груди моей, бьется и замираетъ...

...Словно вихрь коснулся соннаго чертога...
Словно дождь весной по листьямъ пробѣжалъ,
И свѣтлѣй, и краше молодого бога

Гость давно желанный передъ ней предсталъ ..
И предсталъ, и обнялъ... и прильнулъ устами,
Жаркими устами къ трепетнымъ устамъ.
И отвѣта молитъ страстными мольбами,
И тяжелый мечъ сложилъ къ ея ногамъ..

...Боже мой! какъ хорошо! точно меня вихрь коснулся... запылало все вдругъ во мнѣ и сердце забилось быстро, запрыгало отъ счастья, при видѣ его, побѣдителя... при звукѣ поцѣлуя страстнаго и горячаго...

...Слышу шопотъ я нѣжный и жаркій, полный неудержимаго восторга, страстной мольбы...

...Милая, онъ шепчетъ, я разсѣялъ чары!
Я развѣялъ власть ихъ, темныхъ этихъ силъ!
Грозно и сурово сыпалъ я удары,
Оттого, что много вѣрилъ и любилъ!..

...Да! вѣрилъ много... любилъ много, чувствовалъ беззавѣтно и потому побѣдилъ все! О! если бы я такъ любилъ!.. если бы могъ и я такъ свято вѣрить, чтобы никакія бури житейскія не поколебали ни любви, ни вѣры!.. И чудится мнѣ, что люблю я такъ, что ничто житейское прозаичное и бездушное со всей пошлостью практическаго матеріализма нашего хилаго времени, со всей силой исковерканнаго своего духа, не страшно мнѣ, настолько ничтожно оно передъ моей силой любви и вѣры!.. Я люблю широко и вѣрю беззавѣтно, что сбудется когда нибудь мечта любви, мечта вѣры моей, потому что красота и правда— мечта любви и вѣры!..

Сентябрь, 1901 г.

Посвящается В. В. Ярмонкину.

Передо мной лежатъ «письма идеалиста» Валентина Васильевича Ярмонкина: какое безконечно отрадное явленіе въ нашей выродившейся безличной литературѣ выходъ въ свѣтъ этихъ писемъ, исполненныхъ такой чистой, ясной, могучей вѣры въ лучшее будущее, когда вновь воскреснутъ осмѣянные поруганные

идеалы, когда на нашей землѣ люди будутъ жить душой и сердцемъ, подчиняясь влеченіямъ любви и правды, а не холоднымъ законамъ практическаго сухого матеріализма!.. Сколько горькой правды! сколько слезъ и грусти, сколько душевной чистоты и глубокой беззавѣтной сердечности въ мысляхъ этого идеалиста, который говоритъ, что ничего не пожалѣетъ для красоты и правды... который грститъ, сожалѣя о забытой духовной жизни нашихъ учерствѣлыхъ сердецъ... О, еслибы побольше намъ такихъ людей!.. Если бы хватило силъ у нихъ заставить спомниться погрязшихъ въ тину лжи и бездушія практической жизни! Ему больно и грустно, что люди предались всѣмъ существомъ холодной умственной, безповоротно черствой дѣятельности, которая притупила ихъ сердце, ихъ вкусы, ихъ пониманія...; которая сдѣлала жизнь — безсмысленнымъ животнымъ существованіемъ; которая все святое, высокое, идеальное, или осмѣяла, или забросила, затоптавъ въ грязь лицемѣрія, нужнаго для практической пользы, въ безобразіе лжи, грубаго искаженія красоты... красоты чувства, мысли и слова!.. Онъ доказываетъ весь ядъ, смертельный, губящій сотни, тысячи сердецъ, ядъ ума бездушнаго и практическаго; всю ложь и вредъ мысли тенденціозной, мысли безличной, звучащей въ тонъ толпѣ, чтобы не *пользу* другимъ принести, а только обратить на *себя* вниманіе, взволновать, взбунтовать... все осквернить, оплевать, не давая въ замѣнъ ничего яснаго, сердечно-разумнаго, свѣтлаго! И звучитъ мысль такая, какъ «мѣдь звенящая и кимволъ бряцающій», звучитъ не принося никому ни минуты счастья, ни одного проблеска или желанія познать правду, звучитъ и губитъ, и мучитъ людей, которые чтутъ за истину мысли эти...

Дай Богъ ему силы сердца и вѣры такой много, дай Богъ ему любви такой къ людямъ надолго, чтобъ много, много лѣтъ еще звалъ онъ своимъ голосомъ яснымъ и мыслью, одухотворенною красотою духовной поэзіи, звалъ людскія черствыя сердца къ свѣту, къ пробужденію красоты и правды, къ возстановленію забытыхъ идеаловъ, утратившихъ значеніе и смыслъ среди нашего интеллигентнаго общества; чтобы примѣромъ служило оно, образованное общество, обществу не культурному, низшему, гдѣ если и есть мракъ, то потому, что царствуютъ неправда... царятъ пороки, поощряемые интеллигенціей!..

Пусть высоко поднимается его знамя надъ міромъ сердецъ и душъ очерствѣлыхъ, знамя любви могучей и широкой; пусть всѣ видятъ и чтутъ это знамя, чтобы всюду послѣ развѣвалось оно на благо и счастье людскихъ сердецъ, познавшихъ правду души и красоту чувства человѣческаго! Валентинъ Васильевичъ говорилъ мнѣ самъ, насколько теперь онъ убѣжденъ въ томъ, что искренность и беззавѣтно-самоотверженное служеніе правдѣ, дорого оплачивается послѣ наградой высшей и широкой: уваженіемъ окружающихъ людей, поощреніемъ примѣрами, когда душа просыпалась въ человѣкѣ, прежде черствомъ, эгоистично и узко практичномъ, когда отзывались на кликъ его голоса сотни людей разнообразныхъ профессій и положеній; они благодарили его за тотъ свѣтъ, которымъ онъ оживалъ ихъ души и сердца, за ту вѣру, за ту бодрость, за тѣ новая силы красоты поэзіи, силы правды могучей, которая стала имъ теперь доступной и желанной...

* * *

И я самъ благодаренъ ему глубоко, всѣмъ сердцемъ своимъ: благодаренъ за ту жизнь, за ту надежду, которую онъ вселилъ въ меня, за ту поддержку моимъ мыслямъ и порывамъ, какую нашелъ въ его мысляхъ и порывахъ! Меня столько времени смущали, вводили въ невыносимый духовный разладъ ученія Льва Толстого, его критика нашей жизни, нашей вѣры: она возмущала духъ мой, эта критика, такая циничная, грубая, смѣлая, но такая талантливая; я замѣчалъ массу противорѣчій и нелогичностей въ его мысляхъ и выводахъ, я видѣлъ, что онъ отнималъ и оскверналъ все, рѣшительно *все, ничего* взамѣнъ не давая, ни одного луча свѣта, ни одного проблеска любви и правды ясной. Я соглашался и согласенъ до сихъ поръ со многими его положеніями и взглядами, которые кажутся мнѣ истинными, но краснорѣчивыя противорѣчія его тѣхъ прежнихъ мыслей съ новѣйшими, а главное, примѣры его жизни, въ которой этотъ талантъ могучій, рѣдкій, бьетъ на эффектъ, пускаетъ пыль въ глаза своими дикими непонятными выходками; не могъ постичь я, какъ гнѣздится талантъ такой въ этой разнорѣчивой и значитъ лживой личности. Никому не говорилъ я, что считаю лжецомъ и злымъ возмутителемъ того, который написалъ „Войну и

миръ", „Анну Каренину", хотя всегда замѣчалъ, что, и Пьеръ Безуховъ и Левинъ (въ комъ себя, конечно, стремился изобразить авторъ) не имѣютъ подъ ногами своими твердой почвы, часто безличны, часто дико матеріалистичны въ своихъ мечтахъ и поступкахъ... Я никому не говорилъ, что мучаютъ и преслѣдуютъ меня думы о немъ, о его непонятной разноголосицѣ, не говорилъ исключительно изъ уваженія и благоговѣнія передъ авторомъ, который заставлялъ проливать меня нѣкогда слезы за мыслями своими!..

Теперь все стало ясно и опредѣленно: туманъ и мученія духовнаго разлада разсѣялись: я вѣрю въ будущее идеаловъ поруганныхъ имъ, поруганныхъ въ угоду времени для большей славы своей, чтобы окружить себя большимъ ореоломъ непонятнаго всеотрицанія... Я вѣрю снова въ мечты свои о жизни и душахъ людей, людей, которые все забросили, что отъ сердца; вѣрю снова, что это лишь «духъ настоящаго времени», это отсутствіе чувства и душевныхъ проявленій индивидуальныхъ личностей... Надежда, ясная, радостная, чистая, святая надежда въ силу правды и красоты, въ силу духа и чувства, снова со мной, снова рисуетъ мнѣ мечтами фантазіи и грезъ время, когда забудутъ люди, усталые отъ физической однообразной черствой жизни своей, забудутъ служеніе вкусамъ толпы, личные разсчеты мелочно-практической будничной жизни... когда будетъ снова и тепло, и вѣра, и идеалы, и красота, и счастье съ ними!..

— Вы, Валентинъ Васильевичъ, вернули мнѣ эту надежду, которая все слабѣе и слабѣе держалась во мнѣ, когда душа была наполнена бурей и хаосомъ непонятныхъ разнорѣчивыхъ думъ!..

Вы, Валентинъ Васильевичъ, указали мнѣ на смыслъ *его* дѣйствій и вліяній въ области мысли: и я снова иду въ храмъ, когда болитъ душа моя: снова не боюсь и не стыжусь писать, какъ душа и тепло сердца согрѣваютъ жизнь нашу, приносятъ забытую, но милую вѣру... какъ сильно бьется сердце, или возмущенное неправдой или томимое сожалѣніемъ, при видѣ горя жизни земной, несправедливости и эгоизма сытыхъ... животныхъ людей...

Вы, Валентинъ Васильевичъ, согрѣли душу мою, возвратили ей тотъ миръ, ту энергію, съ которыми не страшитъ меня опять

ни приговоръ бездушныхъ лицемѣрныхъ людей, ни разница иной разъ моихъ „вкусовъ“ съ „вкусами“ публики...

Вы, Валентинъ Васильевичъ, дали мнѣ счастье, освѣтивъ святостью *своей* вѣры все, что раньше пугало неясностью и туманомъ, все, въ чемъ раньше былъ не увѣренъ, такъ какъ видѣлъ, что трудно и безполезно идти одному противъ рожна... да и правъ ли я самъ?..

Вы, Валентинъ Васильевичъ, сказали мнѣ, что я правъ, сказали отъ всей души своей, глубоко любящей людей, беззавѣтно отданной вами на служеніе людямъ... сказали и я повѣрилъ въ одно мгновеніе .. почувствовалъ сразу, что это истина, и заплакалъ отъ счастья, и полюбилъ васъ за то, что даете вы такое счастье людямъ... полюбилъ всѣми мечтами, мыслями и грезами безпокойной души своей!..

Дай Вамъ Богъ силы много для дѣлъ любви такой къ людямъ, для пользы, которая неоцѣненна въ глазахъ чувствующаго человѣка, у котораго еще не успѣло зачерствѣть сердце отъ сухости практической жизни, отъ могучаго гипноза примѣровъ сотенъ тысячъ людей!..

Ваша одухотворенная истиной мысль, какъ звѣзда путеводная пусть освѣтитъ будущее людскихъ массъ, давая имъ тепло, радость души, счастье, способность различать и любить красоту и правду, духовное чутье; она внѣдрится въ сердце людское и разожжетъ искру, блѣдную, чуть живую въ яркое могучее пламя, пламя любви, правды, сердечности, пламя необходимое какъ для личнаго счастья, такъ и для общаго прогресса.

Спасибо, горячее спасибо скажетъ Вамъ дорогое отечество и со всѣхъ концовъ родной земли понесутся къ Богу молитвы сотни спасенныхъ сердецъ... молитвы о Васъ, горячія, жаркія молитвы!..

Дай, Боже, Вамъ еще много, много силы!..

Сентябрь, 1901 г.

Поздняя встрѣча.

(Разсказъ.)

..Былъ шумный, многолюдный танцовальный вечеръ; ровный бѣлый электрическій свѣтъ лился съ высокихъ потолковъ залы, озаряя раскраснѣвшіяся потныя лица дамъ, барышень и мужчинъ. Котильонъ былъ въ самомъ разгарѣ... Черненькій юркій дирижеръ глухимъ и охрипшимъ голосомъ выкрикивалъ французскія слова, бѣгая отъ одного конца залы къ другому: его туго накрахмаленная манишка сморщилась, а высокій приставной воротничекъ болтался безформенный вокругъ шеи, совершенно измятый и мокрый; дирижеру было очень тяжело и жарко, но онъ всѣми силами старался не подавать вида усталости, дѣлалъ ненужные прыжки, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, горячился и жестикулировалъ безъ надобности. Онъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ здѣсь теперь, онъ зналъ, что скоро кончится это рыцарство на часъ, и жалко было разставаться съ такимъ завиднымъ положеніемъ полководца.

Всѣ очень утомились и ждали окончанія котильона съ нетерпѣніемъ, но неутомимый распорядитель выдумывалъ все новыя и новыя фигуры, сочетанія, размѣщенія и перестановки паръ; танцующіе инстинктивно повиновались его голосу...

Въ это время изъ гостиной вышелъ блѣдный молодой человѣкъ съ грустнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ большихъ темныхъ глазъ; онъ былъ въ новомъ съ иголочки фракѣ, сшитомъ безъ всякихъ претензій на франтовство, просто и прилично. Онъ остановился въ дверяхъ залы и сталъ смотрѣть безучастно и хмуро, какъ мелькали мимо разнообразныя лица и костюмы; всѣ улыбались какой-то неестественной усталой улыбкой и эта улыбка какъ-то непріятно дѣйствовала на молодого человѣка. Всѣ казались оживленными и веселыми, но со стороны, неусталому человѣку было видно, что это только старались казаться, а на самомъ дѣлѣ чувствовали сильнѣйшую усталость, испытывая несносную жару и буквально обливаясь потомъ...

Онъ глядѣлъ на мелькающія лица и думалъ: «отчего мнѣ

такъ грустно сейчасъ? отчего это веселье и оживленье вокругъ такъ странно дѣйствуетъ на меня?.. Вотъ вся жизнь человѣческая здѣсь; людямъ скучно, люди устали, а дѣлаютъ видъ, что весело и хорошо, смѣются, прыгаютъ, и все потому, что какой-то глупый выскочка на время завладѣлъ ими; безропотно повинуются они ему, боятся, не хотятъ протестовать... Боже мой! почему мнѣ такъ грустно?!..»

И вспомнилось ему время, далекое, милое улетѣвшее время, когда съ трепетомъ, радостью и счастьемъ, веселый, оживленный стремился, рвался онъ на эти вечера... ждалъ и желалъ какихъ-то особенныхъ встрѣчъ... Какъ теперь измѣнилось все: нѣтъ того интереса, того чувства жизни и счастья при видѣ несущихся въ вихрѣ танца подъ опьяняющіе мотивы оркестра, разодѣтыхъ дамъ и кавалеровъ...

Онъ медленно повернулся и пошелъ въ глубь гостиной; усѣвшись поудобнѣе въ угольное кресло, онъ началъ мечтать и грустить: вспомнилось дѣтство, золотое, невозвратимое... наивныя дѣтскія увлеченія, принимаемыя за любовь настоящую, глубокую: первое усиленное біеніе молодого сердца при видѣ дорогого, милаго личика съ веселыми ласковыми глазками, съ нѣжнымъ румянцемъ на щечкахъ... первые порывы восторга и беззавѣтнаго счастья при явномъ доказательствѣ ея расположенія и нѣжности... Онъ даже не зналъ тогда, что собственно это чувство называется любовью и не называлъ себя влюбленнымъ, такъ какъ полагалъ, что это все выше, лучше, чище, свѣтлѣе, многозначительнѣе пустой влюбленности, о которой имѣлъ тогда еще самое туманное представленіе... Что за наивныя мечты! Дивная дорогая пора, не вернешься ты больше! никогда сердце не забьется теперь такъ, какъ тогда билось! все побѣдило, увлекло, унесло, развѣяло уничтожающее теченіе разрушительнаго времени...

О, невозвратное дѣтство! ну, блесни, вернись ко мнѣ, хотя въ какомъ либо прежнемъ порывѣ, хотя въ чувствѣ какомъ нибудь давно забытомъ и миломъ!.. ну, на мигъ озари мои думы, мою печаль, мою душу!..

Такъ мечталъ и сожалѣлъ онъ, бѣдный, вспомнивъ подъ звуки знакомой музыки давно улетѣвшее время: за гранью промчавшихся безцвѣтныхъ годовъ оно казалось такимъ желаннымъ

и роднымъ, что все будущее не пожалѣлъ бы онъ за одинъ день, за одинъ часъ той дорогой жизни, когда душа и сердце были такъ свѣжи, такъ юны!..

Онъ вспоминалъ... и тяжелѣе, и грустнѣе становилось на сердцѣ... онъ вспоминалъ, и слезы дрожали въ его глазахъ...

«Боже мой!.. если бы могъ я вернуть тѣ дни! ничто теперь не будетъ такъ хорошо и радостно, и чисто... никакой порывъ, никакое счастье, никакое желанье!.. Все отняла жизнь... все осквернили люди съ ихъ цинизмомъ, съ ихъ бездушнымъ жестокопрактическимъ взглядомъ на лучшее, чистое, душевное, на все, что только и можетъ озарить свѣтомъ истиннаго яснаго счастья жизнь человѣческую...

Недовольный, печальный вернулся онъ домой, унося въ сердцѣ своемъ результаты этихъ мыслей... обрывки прояснившихся дорогихъ воспоминаній милой завѣтной юности...

На своемъ письменномъ столѣ онъ нашелъ небольшой конвертикъ: машинально распечатавъ, онъ не узналъ прежде отъ кого это письмо и съ недоумѣніемъ принялся читать мелко, но четко написанныя строчки...

Что-то стало проясняться по мѣрѣ чтенія этихъ строкъ... чей-то образъ какъ будто вставалъ изъ тумана прожитыхъ годовъ...

Боже мой! еще только сейчасъ на этомъ вечерѣ онъ вспоминалъ ее, ту первую, лучшую, лучезарную, далекую любовь... дѣтство, наивное увлеченіе, столь милое сердцу!.. Это она пишетъ... послѣ почти одинадцатилѣтней разлуки... пишетъ, что пріѣхала сюда и хочетъ видѣть своего Витю... друга золотого дѣтства, отъ котораго теперь все унесло время, года. Она хочетъ, жаждетъ увидѣть его... съ нетерпѣніемъ ждетъ той минуты: прилагая адресъ гостиницы, въ которой остановилась, она проситъ завтра зайти къ ней милаго Витю, чтобы вмѣстѣ поговорить, вспомнить... погрустить...

Ему стало сразу такъ хорошо... отрадно до слезъ: точно дѣтство пахнуло, точно сердце было, какъ тогда, свѣже, нетронуто жизнью всепожирающей... Сто разъ перечитывалъ онъ милое письмо... думалъ: „какая она теперь? какое лицо? какая фигура?..“ вѣдь онъ зналъ ее только пятнадцатилѣтней дѣвочкой, а послѣ ничего и не слышалъ... „она вѣрно замужемъ,

вѣрно измѣнилась... такъ измѣнилась, что, пожалуй, нельзя будетъ и узнать ее!.. Милое время! завтра, завтра будетъ, можетъ быть, снова такое же счастье!.. Быть можетъ вспомнится и воскреснетъ все, что было еще такъ туманно, потому что молодо и неопытно?..“

Онъ легъ спать и долго не могъ заснуть; ожиданіе завтрашняго дня и думы о немъ не давали покоя...

Проснувшись утромъ очень рано, онъ бросился прежде всего къ часамъ; было всего шесть часовъ утра: мысль о томъ счастьи, которое ожидало сегодня и сознаніе, что еще рано теперь и нѣсколько долгихъ часовъ надо прожить до наступленія желаннаго счастья, все это заставляло его долго нѣжиться въ постели, лелѣя въ умѣ своемъ ожидаемую встрѣчу, вспоминая слова ея письма, предполагая, какъ будутъ говорить они сначала...

Много, много фантастическихъ, пріятныхъ и ласкающихъ мыслей цѣплялось за его умъ, заставляя усиленно и горячо биться сердце, будто помолодѣвшее теперь на нѣсколько лѣтъ... Онъ вскочилъ веселый, радостный, въ чудномъ настроеніи духа и сталъ одѣваться: умывшись, онъ подошелъ къ зеркалу и, причесываясь, всматривался въ лицо свое... „Какъ измѣнилось *съ тѣхъ* поръ мое лицо! какое стало оно бездушное, безцвѣтное! вся жизнь моя за эти года отразилась на немъ... Нѣтъ она не узнаетъ... Конечно, не узнаетъ меня... и лицо, и самого меня; тотъ ли я теперь, каковъ былъ прежде, когда не знало сердце другихъ отношеній къ женщинѣ, кромѣ, или трепетнаго восторга передъ выдающейся красотой, или равнодушія и уваженія!.. А теперь... теперь! Боже мой, что сталось теперь: эти послѣдніе годы я разучился видѣть въ женщинѣ душу...“

...Да! только теперь пришелъ онъ неожиданно къ такому выводу, и поразилъ, и ужаснулъ его этотъ выводъ! Нѣтъ, когда онъ увидитъ сегодня ее, то все вернется, и юность вернется, и прежніе взгляды, мечты, стремленія... О, если бы скорѣй уже наставала эта желанная минута свиданья... съ прошлымъ, съ дѣтствомъ!..

* * *

Въ двѣнадцатомъ часу дня у подъѣзда гостинницы остановилась извощичья пролетка; изъ нея быстро и нервно выскочилъ

молодой человѣкъ и, не считая, расплатившись съ извощикомъ, направился скорымъ шагомъ къ доскѣ съ фамиліями новоприбывшихъ... Боже мой! что это? подъ номеромъ, сообщенномъ въ письмѣ значилось здѣсь совершенно незнакомая ему фамилія...

«Ошибка, конечно, ошибка!» подумалъ онъ и быстро пробѣжалъ глазами написанныя мѣломъ строки... ни одного знакомаго имени!.. «Впрочемъ... до чего я не сообразителенъ!» мелькнула мысль въ его умѣ; «вѣдь съ тѣхъ поръ она могла выйти замужъ... и, конечно, вышла, слѣдовательно перемѣнила фамилію!» Въ это время показался швейцаръ и молодой человѣкъ обратился къ нему съ вопросомъ, кто вчера пріѣхалъ сюда съ такимъ-то поѣздомъ; швейцаръ указалъ двѣ неизвѣстныя фамиліи; одна изъ нихъ соотвѣтствовала означенному въ письмѣ номеру.

Быстро зашагалъ молодой человѣкъ по корридору гостиницы, отыскивая номеръ; сердце билось шибко; нервная дрожь пробѣгала по тѣлу... Сейчасъ онъ ее увидитъ!.. Сейчасъ улыбнется давно знакомое лицо... улыбнется, какъ тогда въ миломъ, далекомъ дѣтствѣ и напомнитъ полузабытыя грезы счастья...

Онъ постучался въ дверь номера... «Войдите!» послышался отвѣтъ; онъ вошелъ и на мигъ остановился въ недоумѣніи; въ комнатѣ сидѣлъ пожилой плотный мужчина, читалъ газету и курилъ.

— Скажите пожалуйста, не здѣсь остановилась г-жа **?— обратился вошедшій.

— Да, здѣсь, а что вамъ угодно?.. я ея мужъ!

...Эти слова, читатель, не смотря на то, что не сказали ничего новаго, такъ какъ онъ догадывался, тѣмъ не менѣе заставили его вздрогнуть и поблѣднѣть.

— Могу ли я видѣть госпожу **?

— Будьте добры, обождите минутку; я сейчасъ скажу! — медленно и вѣжливо прозвучалъ отвѣтъ: господинъ снялъ и сложилъ золотое pince-nez, поднялся и, шлепая красными ночными туфлями, направился къ другой двери; онъ шелъ тяжелой лѣнивой походкой, медленно и какъ бы разсчитанно шагая.

— Лиза! иди-ка сюда скорѣй, ma chère, вѣдь ты готова?.. тебя кто-то хочетъ видѣть!..

«Господи! вотъ такъ свиданье! этого ли я ждалъ? объ этомъ ли столько передумалъ?» говорилъ себѣ бѣдный молодой чело-

вѣкъ и растерянно вертѣлъ въ рукахъ шляпу... «Она замужемъ! они увидятся сейчасъ... здѣсь при мужѣ.. Боже, какъ глупо!.. какъ досадно!..

Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показалась стройная, свѣжая, нарядная дама, почти барышня; ее нельзя было назвать дамой... На нѣсколько блѣдномъ овальномъ худощавомъ лицѣ играла привѣтливая лучезарная улыбка; лучезарная, потому что ея глаза тоже смѣялись, издавая какіе-то пріятные мягкіе лучи изъ своей темной заманчивой глубины... Она остановилась и удержала свой ласковый веселый взглядъ на лицѣ вошедшаго; она казалась смущенной, но безконечно шло къ этому лицу, къ этой фигурѣ такое смущеніе... Боже мой, какъ мало она измѣнилась!..

— Вы не узнаете меня?—неувѣренно проговорилъ молодой человѣкъ, и самъ не узналъ своего голоса, такъ звучалъ онъ глухо и растерянно...

— Простите... не припомню... будьте добры, назовите вашу фамилію!—отвѣтила она, мило покраснѣвъ и тоже, повидимому, смутившись... А мужъ, между тѣмъ, стоялъ вдали съ газетой и покручивая правой рукой pince-nez, наблюдалъ сцену разговора жены своей съ этимъ незнакомымъ субъектомъ...

— Витя!.. Витя... милый...—вдругъ вскрикнула она и бросилась къ нему такая радостная, сіяющая, ласково протягивая руки; онъ порывисто схватилъ ея руку и жгучій поцѣлуй, который запечатлѣлся на этой рукѣ, долженъ былъ выразить краснорѣчивѣе всякихъ словъ ту бурю радости въ сердцѣ его при видѣ любви далекаго своего милаго дѣтства...

— Я не узнала васъ... вы такъ измѣнились,— говорила она послѣ того какъ оба уже пришли болѣе или менѣе въ норму и мужъ самъ чрезвычайно любезно подошелъ и познакомился съ нимъ...

— Это другъ моего дѣтства, Коля; старый хорошій другъ, котораго уже, кажется, болѣе десяти лѣтъ я не видѣла! — сказала она мужу, когда тотъ вѣжливо съ нимъ раскланивался...

Первая неловкость прошла, но разговоръ плохо клеился; онъ былъ сухъ и натянутъ; каждый силился выдумать, что сказать; молодой человѣкъ съ горечью кусалъ губы, досадуя въ душѣ, что такъ глупо... неожиданно глупо произошла эта желанная,

дорогая встрѣча. Онъ глазъ не сводилъ съ нея и, почти не думая о настоящемъ разговорѣ, отвѣчалъ на задаваемые вопросы и предлагалъ ихъ самъ: вмѣстѣ съ этимъ лицомъ, веселымъ, милымъ, жизнерадостнымъ, вмѣстѣ съ блескомъ этихъ глазъ, глубокихъ и темныхъ... картины дорогого дѣтства медленно вставали одна за другой передъ его духовнымъ взоромъ... и дрожали, и смѣнялись, и манили сердце къ невозвратнымъ мечтамъ милаго прошлаго.

Онъ поспѣшилъ проститься, просидѣвъ, какъ на иголкахъ какіе нибудь три четверти часа; они еще приглашали его къ себѣ, уговаривая сегодня вмѣстѣ обѣдать; онъ смущенно говорилъ принятыя банальныя благодарности, и ушелъ, неся въ сердцѣ жгучую и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкую боль. Онъ счастливъ былъ, что она все та же; радъ былъ, что сердце не обманулось въ надеждѣ, что бьется и теперь, какъ будто по прежнему... да! онъ счастливъ... онъ очень счастливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то туманитъ счастье! что-то несетъ странный гнетущій разладъ его чувствамъ...

«Мужъ!.. она замужемъ», думаетъ онъ «какъ это грустно!.. но вѣдь любви нѣтъ предѣловъ, но чувству нѣтъ запрета!.. и буду я опять любить ее, опять, какъ давно тогда! она будетъ единой мечтой моей, жизнью... нѣтъ нужды, что другой имѣетъ законныя права обладать ею!..

Любовь побѣдитъ всякія права... любовь крѣпчаетъ, когда борется... и буду я бороться, буду закалять любовь свою дорогую!.. Но она полюбитъ ли? захочетъ ли меня? Когда же я увижу ее теперь? Какъ невыразимо глупо произошло все это!»

Онъ пришелъ домой и пытался заняться чтеніемъ, но чужая мысль плохо повиновалась его мысли; глаза бѣгали по строчкамъ, но далеки были идеи, далекъ былъ смыслъ машинально читаемыхъ словъ...

Читатель самъ догадается, о чемъ мечталъ онъ.

Къ вечеру получилась записка, въ которой значилось, что она желаетъ видѣть «своего милаго Витю», чтобы наединѣ говорить съ нимъ, проситъ придти сегодня же вечеромъ, такъ какъ мужъ отправился въ засѣданіе съѣзда (ради котораго пріѣхалъ) и вернется, конечно, очень поздно... Письмо было написано нѣжно, ласково... но какъ-то по братски нѣжно и ласково;

точно другъ писалъ другу, а не женщина мужчинѣ... Онъ былъ радъ, но не вполнѣ...

* * *

...Они сидятъ вдвоемъ на уютномъ турецкомъ диванѣ; свѣтъ розоваго фонаря льется съ потолка, мягко, нѣжно и туманно озаряя предметы... Они вспоминаютъ прошлое... они грустятъ о прошломъ... Она смущена и взволнована; онъ печаленъ и сосредоточенъ...

— Любишь ли ты его?.. скажи мнѣ, любишь ли мужа?..— говорилъ онъ съ дрожаніемъ и страстью въ голосѣ.

— Милый! успокойся! Витя... родной! не будемъ говорить объ этомъ!

— ...Любишь ли ты мужа?.. одно слово скажи?.. молю тебя... отвѣть мнѣ правду!..

— Ахъ! оставь, Витя... милый...оставь! ты мучаешь меня!..— сквозь слезы говорила она...

— ...Скажи!..

— ...Люблю ли я?.. ты говоришь, люблю ли я?.. — отвѣтила она шепотомъ, глотая рыданія...—да!... люблю!..

Точно что-то оборвалось... сразу вдругъ оборвалось, кончилось, что было дорого, безконечно, больше жизни дорого...

Онъ медленно откинулся къ подушкамъ дивана, замѣнявшимъ спинку и, закрывъ правой рукой глаза, долго оставался въ такомъ положеніи, изнемогая отъ тоски, грусти, боли... А она плакала тутъ же...

— Что-жь! прости стараго друга,—съ глубокой горечью въ дрожащемъ голосѣ началъ онъ послѣ долгаго обоюднаго молчанія...—прости стараго друга, что возмутилъ онъ своимъ горемъ тишину твоего счастья!.. Я не виноватъ, что сердце любитъ тебя еще съ тѣхъ поръ: прости меня! забудь меня! больше никогда видъ моей скорби не омрачитъ счастья твоего, потому что не увидишь ты больше скорбь мою: буду я хоронить ее глубоко отъ всѣхъ людей, а не хватитъ силъ — себя съ ней похороню... прощай, дорогая... родная; прости!..

Вся въ слезахъ бросилась она къ нему:

— Милый... не надо, что ты! вѣдь мы были дѣти тогда!.. теперь я замужемъ, развѣ я имѣю право распоряжаться сердцемъ своимъ и жизнью своей, когда сердце и жизнь моя при-

надлежитъ другому?.. ...Забудь это! будемъ друзьями... будь ты братомъ моимъ... слышишь?.. вѣдь ты хочешь, милый?..

Но онъ ничего не слышалъ; блѣдный, какъ смерть, даже при этомъ розовомъ свѣтѣ, онъ глядѣлъ съ напряженіемъ на это лицо дорогое, какъ будто прощался съ нимъ и желалъ запомнить дорогія черты...

...Медленно одна за другой капали слезы по его щекамъ, горькія слезы разбитой любви, разбитой души, разбитой жизни...

— Прощай,—грустно шептали его губы,—прощай навсегда!..

. . . . . .

Они разстались. Онъ подавилъ въ себѣ желаніе еще увидѣться; она уѣхала и никогда, никогда послѣ не встрѣтились они...

Сентябрь, 1900 г.

Думы.

...Твердо и неуклонно несется теченіе милліоновъ жизней человѣческихъ, несется быстро впередъ, увлекая съ собою горячія и холодныя сердца людей, принося имъ, то горе, то радость, то неудачи и слезы, то счастье и трепетъ наслажденія... такъ быстро, быстро несется теченіе жизней человѣческихъ. Люди устали отъ работы ума, сухой и безконечной работы; безконечной, такъ какъ съ новыми результатами умственнаго труда открываются все новые и новые горизонты, зовя новыя жертвы... Люди ищутъ разнообразій, чего либо выдающагося изъ общаго заурядnаго уровня теченія жизни; почти у всѣхъ одинаково сухое и усталое состояніе умовъ обезличиваетъ ихъ вкусы и стремленія... Все чистое, душевное и возвышенное, все прекрасное и высокое уже не такъ понимается ими, какъ, бывало, давно когда-то понималось; уже рѣдко дрогнетъ, рѣдко забьется сердце человѣческое отъ звуковъ нѣжно ласкающей музыки, отъ размѣра словъ, одухотворенныхъ мыслью сердечной и глубокой, потому что вдохновеніе создало эту мысль; жизнь научила называть смѣшною сентиментальностью почти всякое проявленіе

красоты, въ звукахъ, въ мысляхъ въ образахъ, почти всякій, проблескъ чувства, почти всякую слезу, будь любовь, будь горе или радость источники этой слезы!..

Смѣхомъ и ложнымъ осужденіемъ встрѣчаютъ люди такую слезу, такую мысль; имъ не приходитъ въ голову, что не понимаютъ они чувства, такъ какъ пренебрегали столько лѣтъ жизнью души, отдавая все холодному практическому уму... Но есть мысли и образы, передъ которыми толпа куритъ фиміамъ, и бушуетъ, и волнуется въ мятежномъ восторгѣ; это мысли и образы, которые вторятъ жизни пустой и бездушной, потому что наполненной заботами объ улучшеніяхъ личной физической жизни. Хвалитъ одна толпа потому, что пыль въ ея глаза, и безъ того затуманенные, попала удачно, хвалитъ съ энтузіазмомъ и превозноситъ; хвалитъ другая толпа въ другомъ мѣстѣ, но громче кричитъ и волнуется, потому что дошелъ слухъ, что это гдѣ-то хвалили; а въ третьемъ мѣстѣ уже цѣлыя сонмища сытыхъ физически людей, но голодныхъ духовно и несчастныхъ, благодаря сну души въ нихъ, цѣлыя сонмища людей ликуютъ и радуются, и въ Бога возносятъ счастливаго героя временщика, который показалъ имъ свѣтъ... Но, увы! они тьму выдаютъ за свѣтъ, безобразное и нелогичное теченіе бездушныхъ мыслей, неправдивыхъ, но громкихъ словъ, за ученіе талантливаго ума, генія рода человѣческаго!.. Нѣтъ пониманія, нѣтъ у нихъ способности различать, что вредно душѣ, что ей полезно: что ложь, что правда...

...Быстро и неуклонно несется теченіе жизней человѣческихъ, несется, и зоветъ, и гонитъ ихъ впередъ... дальше отъ настоящаго положенія, ближе къ новому, можетъ быть лучшему...

Много сердецъ бьется еще вѣрой и любовью, полузабытой жаждой духовной прелести красоты и правды: много сердецъ еще не тронуто ядомъ эгоистичнаго практическаго ума, пошлаго въ своемъ бездушіи, и рвутся куда-то эти сердца... и ждутъ съ замираніемъ начала, разсвѣта новой жизни кругомъ, жизни души... Каждый день губитъ столько сердецъ такихъ своимъ эгоизмомъ, своимъ царствомъ золота и, пригоднаго лишь къ практической дѣятельности, сухого и черствато ума... Каждый день уноситъ въ пропасть и разбиваетъ надежды ихъ, такія

радостныя, такія прекрасныя, свѣтлыя чистыя надежды возможнаго духовнаго счастья...

Нѣкоторые умы, одухотворенные глубиной правдиваго *личнаго* чувства, вливаютъ скорбныя сердечныя думы свои въ сочетанія словъ, могучія формы рѣчи, зовущія и прекрасныя; нѣсколько сотенъ умовъ и сердецъ откликнутся имъ, напоминая, что они еще не вполнѣ забыли и чувства, и душу... что и они хотятъ царства одухотворенныхъ личнымъ чувствомъ прекрасныхъ и правдивыхъ идей...

Еще ихъ не засосала тина практической жизни, еще они не погрязли въ ту глубину матеріализма, который царитъ надъ всѣмъ міромъ, завладѣвъ жизнью людей... исказивъ жизнь людей... обезобразивъ ихъ души, съ каждымъ прожитымъ годомъ болѣе и болѣе атрофируя ихъ сердца... Еще они выше низкаго уровня пошлой эгоистичной мысли, которая торжествуетъ не правдой, а силой массы, количествомъ отдѣльныхъ проявленій...

Жаль же защитниковъ душъ... но сердце не хочетъ вѣрить, что сгинетъ и выродится правда съ лица искаженной земли нашей; оно все бьется надеждой, все рисуетъ воздушные замки, когда опомнятся, освободятся люди отъ царства и власти злой матеріи, которая ихъ давитъ, гнететъ, губитъ, калѣчитъ...

Вѣритъ сердце, что будетъ душа жить и властвовать надъ умами; вѣритъ сердце, что настанетъ время, когда любовь и личное движеніе души замѣнятъ сухой и черствый выводъ холоднаго разума...

Только душа можетъ дать познаніе правды; она дастъ красоту мысли и образа, вернетъ поруганные и забытые высокіе и духовные идеалы, что промѣняли люди на узкія, пустыя удовлетворенія широкихъ своихъ физическихъ потребностей!..

Сентябрь, 1901 г.

Нищій.

У паперти богатаго храма стоялъ оборванный нищій, худой и жалкій. Онъ только что подошелъ къ толпѣ такихъ же оборванцевъ—завсегдатаевъ этого храма и съ тревогой глядѣлъ на хмурыя, испитыя и алчныя лица своихъ незнакомыхъ собратьевъ, стараясь вызвать видомъ своей немощи въ нихъ хотя тѣнь состраданія... Бѣднякъ боялся, что его прогонятъ, такъ какъ первый разъ еще пришелъ сюда: дѣйствительно, лица оборванцевъ были обращены на незнакомца съ явнымъ недоброжелательствомъ...

— Пустите, землячки, покормиться! который день ничего во рту не было... — Началъ было нищій.

— Ладно, ступай! мы и безъ тебя голодаемъ! вѣдь ты не платилъ за мѣсто! хлѣбъ-то, вишь, нонче дорогъ! — отвѣчали ему.

И онъ медленно отошелъ, вздохнувъ; бѣдному нищему не было, кажется, никогда такъ тяжело: кто же пойметъ его горе, если они не захотѣли понять, не пожалѣли...: вѣдь такъ мало просилъ онъ у нихъ!...

Такъ люди, стоя у храма счастья, въ который не могутъ войти, ждутъ около него себѣ хотя ничтожнаго проблеска утѣшенія и, полные безсердечнаго, жестокаго эгоизма, отталкиваютъ брата, которому тоже хочется поближе къ дверямъ заманчиваго счастья, который, можетъ быть, болѣе ихъ страдаетъ!...

Если и люди не сожалѣли брата своего, если и люди оттолкнули брата своего, кто, кромѣ Бога, можетъ его утѣшить?

Потому, не стремись къ дверямъ этого храма счастья, если въ сердцѣ твоемъ нѣтъ Бога! прогонятъ, обидятъ люди... твой Богъ утѣшитъ тебя, твоя вѣра подкрѣпитъ тебя! а если пусто сухо и черство твое сердце... ты не найдешь мѣста себѣ на землѣ послѣ обиды людской... Судьба побѣдитъ тебя... жизнь измучитъ тебя, а люди съ новой торжествующей силой осмѣютъ тебя!..

Октябрь, 1901 г.

Кладбище.

— Другъ! почему ты грустишь? почему печально твое лицо? другъ, что ты плачешь? смотри! такъ весело, такъ хорошо кругомъ!..

— О, нѣтъ! не хорошо кругомъ... нѣтъ, не весело, или глаза мои не видятъ веселости и счастья, — отвѣчаетъ другъ.

— Я былъ сейчасъ на кладбищѣ и мнѣ страшно стало за сотни людскихъ душъ, что витаютъ тамъ около земныхъ своихъ тѣлъ!..

Я разскажу тебѣ, почему печаленъ, почему даже слезы не облегчаютъ моей грусти!..

Я разскажу тебѣ, какъ я заснулъ у стараго мраморнаго памятника и какъ тысячи умершихъ людей обступили меня и говорили, много говорили... Боже мой, что говорили они! я до могилы буду помнить ихъ слова, ихъ фигуры... ихъ слезы... ихъ вопли горя, неутѣшнаго отчаянія, сожалѣнія!.. Они вспоминали, при видѣ меня, жизнь земную, которая была такъ безсмысленно-пуста въ ихъ черствыхъ сердцахъ, которая все, все отнимала, что душа имѣетъ при рожденіи... отнимала, давая въ замѣнъ жалкій кругозоръ мыслей, ошибочныхъ, ничтожныхъ...

Намъ жаль, что мы не знали, въ чемъ жизнь и что есть жизнь человѣческая!.. говорили мнѣ умершіе люди... всхлипыванія и вздохи вторили со всѣхъ сторонъ ихъ словамъ... намъ жаль, что мы такъ поздно узнали! мы видимъ жизни людскія .. милліоны жизней, и намъ больно, нестерпимо скорбно въ душѣ за нихъ... скорбно за ихъ положеніе, безъисходное, страшное положеніе: они губятъ себя и не знаютъ, что губятъ! Они не понимаютъ жизни своей и не хотятъ понимать, не хотятъ думать о ней!... Здѣсь всѣ мы теперь не находимъ ни покоя, ни пристанища; мы блуждаемъ около людскихъ жилищъ, мы носимся надъ ихъ городами и шумной, жалкой, рыдающей толпой собираемся на кладбищахъ, гдѣ наши тѣла обратились въ землю...

Много умершихъ братьевъ улетѣло въ тотъ дивный міръ покоя, блаженства, любви и мира... а мы не можемъ улетѣть, не можемъ покинуть бѣдную землю, на которой столько людей...

О, дорогой братъ! скажи имъ, чтобы они любили другъ друга; чтобы они вѣрили и не жалѣли минутнаго горя... временнаго несчастія — жертвы для помощи нуждающемуся въ ней... О, дорогой братъ! скажи имъ, чтобы они не наполняли жизнь свою только заботами о своей матеріи; ихъ тѣла только видъ матеріи, а видъ матеріи невѣченъ, потомучто вѣчно измѣняется... скажи имъ, чтобы они служили душѣ и жили для души, которая вѣчна и для которой теперь этотъ временный видъ матеріи...

О, дорогой братъ! скажи имъ, чтобы они вспомнили Христа!...

О, дорогой братъ, разскажи имъ про насъ и поймутъ они тебя, и не захотятъ себѣ такого же мученія!...

И медленно неслышно стали удаляться отъ меня умершіе люди... но долго еще раздавался стонъ ихъ, слышались ихъ вздохи и всхлибываніе...; мнѣ стало такъ душно, такъ больно, такъ тяжело за существованіе милліоновъ людей, непонимающихъ жизни; я заплакалъ и далъ слово себѣ изъ глубины потрясеннаго сердца говорить въ продолженіи всего пребыванія своего на землѣ... говорить людямъ, какъ тяжело презирать любовь, вѣру и душу!..

Октябрь, 1901 г.

Ангелъ.

Въ прозрачной бездонной глубинѣ далекаго неба, въ волнахъ голубой лазури, плыветъ надъ шумной землей ангелъ любви, поэзіи и печали... Грустно, грустно смотритъ онъ на землю, видитъ съ высоты жизнь людей и плачетъ, что жизнь людей такъ пуста и безцвѣтна, плачетъ, ломая свои прекрасныя ангельскія руки, проливая слезу за слезой изъ своихъ кроткихъ затуманенныхъ грустью глазъ.... «Люди, люди... что вы сдѣлали съ собой?..» тихо и нѣжно шепчутъ сквозь тяжелые вздохи

его блѣдныя уста.. «люди, мнѣ жаль васъ!.. я люблю васъ, люди! зачѣмъ вы убиваете своихъ братьевъ и покрываете эти убійства именами долга и справедливости?.. зачѣмъ вы не даете жить тѣмъ, кто слабѣе васъ, кто бѣднѣе васъ?.. зачѣмъ вы изгнали изъ вашихъ сердецъ, и вѣру, и Бога, и любовь, настоящую, чистую любовь, о которой теперь не знаете больше?...

О, люди, люди, я люблю васъ! мнѣ жаль, что души ваши угнетены и поруганы царствомъ матеріи, властью плоти и золота!.. мнѣ жаль, что эгоизмъ... пошлый, бездушный эгоизмъ — почти единственный источникъ вашей дѣятельности! Мнѣ жаль, что вы забыли все доброе, хорошее, возвышенное, прекрасное, что должно... должно быть въ глубинѣ вашихъ сердецъ!...

Вспомните Христа!.. Добрый, хорошій, безконечно любящій васъ Богъ! Онъ для васъ сталъ человѣкомъ идеально сердечнымъ, съ такою чистою душою: кротко перенося ваши несправедливыя гоненія, со слезами на глазахъ говорилъ Онъ вамъ, чтобы вы любили другъ друга, чтобы вы помнили Бога, для вашего же счастья, потомучто не можетъ быть счастья безъ любви и вѣры...

Вспомните Христа! Бѣдный!.. Какъ плакалъ Онъ передъ входомъ въ Іерусалимъ въ недѣлю Ваій... какъ плакалъ, слушая клики «Осанна...» какъ говорилъ, что настанетъ часъ и придутъ эти люди съ веревками и оружіемъ, чтобы взять убивать и мучить... а клики «Осанна» замѣнятъ дикіе нечеловѣческіе вопли: «Распни Его!.. »

Вспомните Христа! Онъ говорилъ вамъ:

— Дѣти! недолго мнѣ быть съ вами! будете искать Меня, но куда Я иду, не можете придти теперь!.. Когда будете любить другъ друга, всѣ узнаютъ, что вы Меня любите и тогда вы придете ко Мнѣ. Я иду при-готовить мѣсто для васъ, и, когда приготовлю, приду и возьму васъ къ Себѣ, чтобы вы были со Мной! Если вы будете любить Меня, если вы будете любить истину, потомучто Я истина, Я умолю Моего Отца и Онъ васъ утѣшитъ!..

Люди, люди, вы не захотѣли мира, правды, любви! Вы вновь отвергаете это неземное высокое ученіе! Вы снова кричите: «распни Его»! Распни! За то, что Онъ, добрый, такъ любилъ васъ! За то, что Онъ такъ жалѣлъ васъ!..

Христосъ сказалъ вамъ, что нѣтъ выше той любви, когда братъ жизнь свою отдаетъ брату, когда другъ душу свою положитъ за друга, а вы жизнь свою наполняете всю личными практическими дѣлами, не задумываясь губите жизнь брата ради успѣха вашихъ дѣлъ!.. Люди! Мнѣ жаль васъ! Люди! Я люблю васъ!..»

Медленно летѣлъ ангелъ любви, поэзіи и печали: тихо плакалъ онъ, посылая далекому міру звуки словъ своихъ, исполненныхъ кроткой гармоніи, безконечной любви къ Богу и людямъ...

Страстно-сердечной, жгучей, прекрасной мелодіей лилась на землю тихая грустная его пѣсня... онъ любилъ, онъ жалѣлъ людей и вкладывалъ всю душу свою, чистую ангельскую душу въ размѣръ звучныхъ, сильныхъ сердечныхъ словъ... Ангелъ тронуть хотѣлъ людскія сердца, но люди не слушали ангела любви, поэзіи и печали... Люди, подхваченные жизненной волной, не могли сосредоточиться; имъ не было времени думать о слезахъ ангела, о его упрекахъ, о его пѣснѣ...

Ангелъ видѣлъ, что люди не слышатъ; все большей и большей печалью наполнялось чистое ангельское сердце; онъ сталъ просить Бога, чтобы позволилъ ему Богъ опуститься на самую землю и спасти, спасти бѣдныхъ людей, которые гибнутъ, потому что не знаютъ истины, потому что забыли душу...

И Богъ благословилъ добраго ангела, обнялъ и велѣлъ идти въ міръ къ людямъ, и спасти людей, и говорить имъ о душѣ, о любви, о вѣрѣ...

— Люди, я люблю васъ... люди, я жалѣю васъ — раздался голосъ на землѣ, душевный, чистый, прекрасный голосъ ангела любви, поэзіи и печали...

Дивной, чарующей мелодіей звуковъ, мыслей и образовъ полилась рѣчь ангела къ людямъ и люди бросали дѣла свои, чтобы слушать неземные звуки, кроткія слова любви и печали: люди плакали и съ каждой слезой ихъ возрождалась въ нихъ душа, любовь и вѣра...

Свѣтъ, лучезарный свѣтъ красоты, правды и любви открывался передъ ихъ взорами, еще затуманными прошедшимъ, они видѣли свѣтъ, и стремились къ нему, и желали его...

Октябрь, 1900 г.

Къ природѣ!

Дивной красоты молодая дѣвушка сидѣла на опушкѣ лѣса и глядѣла съ печалью и тревогой въ ту даль, гдѣ дымился шумный городъ, наполненный людьми, съ ихъ мелочными эгоистичными меркантильными расчетами, наполненный злобой и несправедливостью...

— Отчего злоба и эгоизмъ побѣдили міръ?..—шептала она,— отчего среди этой людской массы, которая шумитъ тамъ, мало людей душевныхъ, людей съ вѣрою въ сердцѣ, съ любовью широкой...

О! еслибы я могла пересоздать жизнь людей!.. я бы снесла этотъ городъ, эту пучину грѣха и порока, я бы позвала людей сюда, гдѣ нетронута и свѣжа природа, гдѣ Богъ ближе, гдѣ счастье лучше и выше, гдѣ всѣ мечты будутъ сердечны и душевны, потому что журчаніе ручейка и шопотъ вѣтра будетъ имъ вторить имъ!.. Сюда! ко мнѣ! къ природѣ, къ мысли чистой и свѣжей, къ душѣ, забытой среди вашего шума!.. Идите сюда, люди! Я спасу васъ! Я дамъ вамъ счастье! Я природа, я весна, я жизнь и счастье! Идите, идите ко мнѣ, люди!..

И заплакала дивной красоты молодая дѣвушка, простирая руки къ далекому шумному городу ..

Октябрь, 1901 г.

Мелодія.

Звучная сильная мелодія юной грезы, юной души, юной любви, нѣжная, чарующая мелодія несется въ бездонную высь неба. Она летитъ изъ грѣшной земли, хмурой и скучной земли, которую испортили, которую изуродовали люди, она летитъ изъ

глубины людскихъ массъ, летитъ одна, но звучитъ громче милліоновъ бездушныхъ, бездарныхъ пошлыхъ звуковъ...

...И ангелы на небѣ услышали дивную мелодію; радостно летятъ они къ далекой землѣ, окутанной, какъ саваномъ, ночной мглой... летятъ, довольные... все громче и громче мелодія, все ближе и ближе земля... „О, люди, люди!“ нѣжно, со слезами счастья и радости шепчутъ добрые ангелы, „вы созданы такими... въ васъ душа!.. вотъ вся она въ этомъ мотивѣ юной грезы, юной любви!..

О, люди, люди! вѣдь среди же васъ жили: Гейне, Лермонтовъ, Моцартъ, Тургеневъ, Гете, Надсонъ, Бетховенъ, Жуковскій, Рубинштейнъ!.. зачѣмъ вы не слышите ихъ? зачѣмъ вы не хотите ихъ слышать? еще звучатъ, еще носятся надъ землей ими созданные образы красоты, мысли, фантазіи и любви!.. И эта мелодія, люди! слушайте вы ее!.. вотъ мы съ неба летимъ вамъ сказать, что тамъ, въ этой мелодіи, и жизнь, и счастье, и наслажденіе... блаженство... Внимайте ей, люди!..»

Октябрь, 1901 г.

Человѣческій голосъ.

О, человѣческій голосъ! о, холодный, спокойный человѣческій голосъ, зачѣмъ ты коснулся снова моего напряженнаго слуха, зачѣмъ ты разбилъ и унесъ милую прелесть моей мечты, моей печали?.. О! не тебя я ждалъ и желалъ въ эту минуту! не тебя я хотѣлъ услышать!.. Зачѣмъ, зачѣмъ раздался ты, холодный, спокойный человѣческій голосъ?!. Я унесся волнами мечты моей, свободной и могучей, унесся въ тотъ невѣдомый, прелестный, загадочный, чистый міръ фантазіи и грезы, міръ, гдѣ все отвѣчаетъ душѣ.. гдѣ все волнуетъ сердце и манитъ на лоно нетронутой чистой природы, нѣжной и красивой... Зачѣмъ же раздался ты въ моихъ ушахъ, спокойный, холодный человѣческій голосъ?!.

Милые образы! милыя думы! вотъ опять вы далеко, и нѣтъ силы въ груди позвать васъ; только слезы сожалѣнія наполняютъ глаза, покрываютъ туманомъ взоры... Снова жизнь кругомъ... снова однообразная, скучная сутолка жизни съ ея постоянной жаждой мечты и грезы... О! зачѣмъ ты унесъ мои образы!.. зачѣмъ ты развѣялъ ихъ, сухой и холодный человѣческій голосъ?!..

И голосъ замолкъ; сразу вдругъ замеръ, оборвался и томительная тишина воцарилась; я былъ снова одинъ... совершенно одинъ, даже грезъ и образовъ мечты моей уже не было со мной...

Мнѣ вдругъ стало жаль, что спугнулъ я голосъ человѣческій... мнѣ вдругъ показалось, что не имѣлъ я права негодовать на этотъ голосъ!.. такъ виновато я сожалѣлъ, что порывъ прерванной фантазіи прекратилъ голосъ!.. Я вздрогнулъ;... близко... близко раздался онъ снова,... но, Боже мой, иначе! уже теперь совершенно иначе; такая сердечная боль обманутаго участья звучала въ немъ, такой глубокой грустью дрожалъ онъ...

Я взглянулъ впередъ по направленію голоса: длинная дорога уходила въ далекій лѣсъ и, темнѣя, все больше и больше терялась во тьмѣ горизонта...; тамъ была тьма, страшная, непривѣтливая тьма и оттуда слышался голосъ человѣческій... Боже мой! какъ скорбно смотрѣть на эту темную дорогу, ведущую въ царство мрака!.. Боже мой, какимъ тяжкимъ и жалобнымъ показался мнѣ этотъ уныло и скорбно звучащій изъ тьмы печальный человѣческій голосъ!.. Я шелъ долго по этой дорогѣ и все сильнѣе билось мое сердце по мѣрѣ приближенія къ тьмѣ, по мѣрѣ того, какъ все темнѣе становилось кругомъ... Я обернулся назадъ... я взглянулъ только разъ и замеръ на мѣстѣ, и не могъ идти дальше, точно очарованъ... Яркій свѣтъ ударилъ мнѣ въ глаза...; я уже отвыкъ отъ свѣта за этотъ долгій путь къ мраку и потому мнѣ казался свѣтъ теперь такимъ желаннымъ, такимъ милымъ и дорогимъ, что не было силъ уже итти къ мраку... Но вдругъ снова раздался человѣческій голосъ изъ глубины мрака, къ которому я еще не успѣлъ придти близко, и сново дрогнуло и больно сжалось мое сердце...

Мнѣ стало жаль человѣка, который въ глубинѣ тьмы своей не могъ видѣть... не привыкъ видѣть свѣтъ...

Мнѣ захотѣлось повести человѣка по дорогѣ къ свѣту, который манилъ меня... и я, глядя на этотъ свѣтъ, животворный и ясный, сталъ звать страдающаго человѣка изъ его царства тьмы... я говорилъ много и горячо объ этомъ свѣтѣ... я плакалъ, рисуя счастье, которое откроетъ этотъ свѣтъ.... но съ первой же слезой моей голосъ страдающаго человѣка началъ измѣняться;. онъ становился все спокойнѣе и холоднѣе; уже не было слышно въ немъ того страданія, уже онъ звучалъ опять, какъ тогда, безучастно, жестоко, надменно!..

Мнѣ стало опять такъ тяжело.. тяжело; я унесся, было, волнами мечты моей, свободной и могучей, унесся въ тотъ невѣдомый, прелестный, загадочный, чистый міръ свѣта, фантазіи и грезы, зачѣмъ же раздался ты въ ушахъ моихъ, спокойный, холодный человѣческій голосъ!.. Вѣдь я тебя хотѣлъ унести съ собой, скорбящая душа человѣческая: съ собой, въ мой міръ свѣта и красоты... зачѣмъ же ты не захотѣлъ моего міра?.. зачѣмъ же ты развѣялъ образы и мечты мои звукомъ сухого и холоднаго своего голоса?..

И я вѣрю, что сказалъ не сильно и худо, потому голосъ человѣка сталъ опять сухимъ и бездушнымъ...

О! мнѣ больно, что не тронулъ я человѣческой души!, что не сумѣлъ я побѣдить сердце людское!.. Я всей душой своей хочу и рвусь сказать лучше! Я всѣмъ существомъ своимъ хочу, чтобы раздался плачъ брата... плачъ раскаянія возрожденной души, плачъ радости спасенія!.

Октябрь, 1901 г.

Возрожденіе.

Люди спятъ. Ночь... темная безлунная ночь окутала землю... Вдругъ стало сразу свѣтло, ярко до ослѣпленія. Сонмы ангеловъ появились на небѣ..; среди нихъ Христосъ съ терновымъ вѣнцомъ на окровавленной головѣ; Его ликъ печаленъ, Его глаза полны слезъ... руки крѣпко сжимаютъ крестъ...

Зашевелились люди, зашумѣли люди... «Христосъ идетъ!.. Христосъ идетъ!» послышались испуганные возгласы... Плачъ, стоны, рыданія наполнили землю... Люди увидѣли все зло жизни своей... всю безжизненность душъ своихъ... весь мракъ черствыхъ сердецъ... Чистыя слезы плачущаго Христа несли имъ прощеніе за раскаяніе... Прекратились стоны, замолкли рыданія, порвался плачъ: когда Христосъ пришелъ — радость и счастье, миръ и любовь царили на землѣ...

Октябрь, 1901 г.

Письмо.

(Очеркъ).

Владиміръ Николаевичъ Бахтинъ сидѣлъ въ своемъ небольшомъ уютномъ кабинетѣ въ глубокомъ креслѣ и мечтательно смотрѣлъ на фонарь, нѣжно и розово освѣщавшій окружающіе предметы: маленькія статуэтки, картины, портреты; онъ смотрѣлъ на этотъ фонарь и думалъ о только что полученномъ письмѣ, которое еще было у него въ рукахъ; слегка прищуривши, онъ не спускалъ своихъ большихъ бархатныхъ глазъ съ розоваго фонаря и машинально поглаживалъ пальцами углы вчетверо сложенной бумажки.

— «Какъ странно, что она написала!» — думалъ Бахтинъ,— «ну, какъ мнѣ держать себя теперь съ ней?!. Правда, я отнесся почему-то къ ней очень сердечно, но всетаки никакъ не могъ ожидать подобнаго письма!».

Дѣло въ томъ, что вчера онъ, совершенно случайно, въ вагонѣ познакомился съ одной молоденькой дѣвушкой; разговорились сначала о пустякахъ, а послѣ почему-то она стала разсказывать грустную исторію своей жизни, своего дѣтства, своей души. Заинтересованный Бахтинъ предлагалъ ей вопросъ за вопросомъ своимъ вкрадчивымъ, пріятнымъ дружескимъ голосомъ, который вызывалъ на большую и большую откровенность; она сказала ему все, что давно жило въ ея молодой душѣ и часто въ пылу разсказа сама не замѣчала слезъ, которыя вы-

ступали на ея глазахъ... Нѣжно и довѣрчиво смотрѣла она на этого незнакомаго друга, друга, потомучто такимъ дружескимъ и располагающимъ казался ей звукъ его голоса, смотрѣла и не отдавала себѣ отчета, почему собственно рѣшилась говорить съ этимъ господиномъ, котораго никогда не знала, говорить о вещахъ, составлявшихъ самую дорогую и завѣтную тайну ея молодой души.

Но очень недолго продолжалась ихъ бесѣда; Бахтинъ долженъ былъ былъ разстаться съ милой незнакомкой: на прощанье онъ далъ ей нѣсколько дружескихъ откровенныхъ совѣтовъ и постарался отнестись какъ можно осторожнѣе и душевнѣе къ ея печали... Она просила Бахтина, чтобы тотъ назвалъ ей свою фамилію и Владиміръ Николаевичъ далъ ей свою визитную карточку.

— До свиданія! — какъ-то странно проговорила она, когда Бахтинъ прощался съ ней и крѣпко двумя руками сжала его руку.

Владиміру Николаевичу было нѣсколько жаль съ ней разставаться и онъ послѣ много разъ вспоминалъ недавній разговоръ, сердечную откровенность молодой дѣвушки, ея печаль подъ наплывомъ воспоминаній, вызванныхъ разговоромъ...

Сейчасъ ему подали письмо; пробѣжавъ первыя строки, Бахтинъ сразу понялъ, кто ему пишетъ, хотя въ концѣ письма стояло совершенно незнакомое Владиміру Николаевичу имя, но во всякомъ случаѣ онъ ни минуты не сомнѣвался въ авторѣ письма.

— Это случилось вчера: — писала молодая дѣвушка — въ моихъ глазахъ съ тѣхъ поръ все стало казаться такимъ новымъ, и въ сердцѣ никогда не было столь разнородныхъ чувствъ, точно давно уже оно у меня бушуетъ и проситъ новой жизни... просто даже какой нибудь жизни, потомучто раньше не знало жизни мое сердце...

Это случилось вчера, но мнѣ кажется, что давно, давно когда-то мое сердце билось также: потому не могла я быть скрытной съ вами.. не удивляйтесь же и не осуждайте мою откровенность! Поймите вы душу мою, которая никогда не знала ни материнской, ни даже какой нибудь дружеской ласки, которая вся рвется куда-то и всюду встрѣчаетъ холодный от-

норъ людского безучастія!. Конечно, я не смѣю роптать! что такое я и моя душа другимъ людямъ?.. но вы, вы отнеслись къ моей исповѣди такъ сердечно... вы заставили меня сказать такъ много... заставили слезу пролить... Неужели и въ васъ, какъ во всѣхъ людяхъ, я встрѣчу теперь равнодушіе и безучастіе?.. Нѣтъ! я не могу даже допустить этой мысли; нѣтъ нужды, что мы до той вчерашней встрѣчи не знали другъ друга!.. Теперь я знаю васъ! если не умомъ знаю, то сердцемъ своимъ, которое говоритъ, что вы поймете... что, если вы не захотите быть добрымъ ко мнѣ, то больше никто никогда уже не будетъ ко мнѣ добръ!.. Простите же меня, что я вамъ пишу!.. Вы, вѣрно, знали и дружбу, и любовь людей; у васъ, можетъ быть, еще живы родители... есть мать... мать, единственное существо на землѣ, которое никогда не можетъ отвергнуть, которое всегда утѣшитъ, которая одна пойметъ душу своего ребенка и будетъ плакать надъ горемъ вашимъ, когда никто не захочетъ понять и всѣ будутъ смѣяться!. О, мать, мать... пусть хотя бы въ дѣтствѣ только вы знали, любили и понимали это имя; оно на всю жизнь вашу такой вѣчный отпечатокъ!.. пусть хоть въ самыхъ первыхъ годахъ вашей жизни сердце знало материнское участіе... ласку матери, единственное чувство на землѣ, въ которомъ нѣтъ эгоизма, — и вы уже можете быть счастливымъ, вы уже узнали лучшее въ жизни!.. А я никогда не знала мамы, съ самыхъ маленькихъ лѣтъ ее увезли отъ меня,... съ тѣхъ лѣтъ, когда я еще ничего, ничего не знала!.. Только позже стала я задумываться: отчего меня никогда никто не приласкаетъ? отчего я такъ одинока, отчего у другихъ дѣтей есть мамы, которыя то сердятся на нихъ и наказываютъ, то ихъ цѣлуютъ и ласкаютъ? — Да! сердятся, но не такъ, какъ на меня, а съ любовью сердятся!.. « Ты сиротка!.. » твердили мнѣ всѣ, но я долго, долго не понимала этого страшнаго слова; только послѣ, когда я уже стала мало-по малу серіознѣе смотрѣть на окружающее... я увидѣла, что сиротка, значитъ лишенная любящей ласки, лишенная правдивой дружбы, участья... обиженная судьбой!...

И я каждую минуту чувствую, что я сирота!.. я чувствую это, когда вижу чужихъ матерей, когда наблюдаю чужую дружбу, когда читаю о дружбѣ, о любви, въ которой нѣтъ эгоизма!

Часто ночью я долго не могу заснуть: мнѣ вдругъ станетъ такъ больно, досадно... такъ безпредѣльно жаль, что у меня нѣтъ матери!.. я согласилась бы умереть въ ту минуту, если бы мнѣ сказали, что когда буду умирать, то мама моя... нѣжная любящая мама, склонится къ моему изголовью!..

И я, взрослая барышня, начинаю плакать и молиться съ мучительными жгучими слезами, безъ словъ... однимъ страстнымъ порывомъ наболѣвшей одинокой души! Даже передать не въ силахъ я, о чемъ молюсь... О мамѣ!.. чтобы всемогущій и добрый Богъ вернулъ мнѣ маму мою!.. я сознаю, что это глупо... абсурдъ, а всетаки плачу и молюсь!.. Послѣ лежу я тихо, тихо и думаю: вотъ сейчасъ услышу легкіе шаги... сейчасъ надо мной прозвучитъ ласковый, кроткій голосъ, какой у матери только бываетъ... «Милая!.. милая дочь!.. не грусти!.. Я пришла утѣшить тебя, я пришла приласкать тебя!..» Дочь!.. о, меня никто никогда, поймите, никто никогда не назвалъ дочерью, не называлъ своимъ ребенкомъ!.. вѣдь того, что было въ раннемъ дѣтствѣ, вѣдь того я совсѣмъ не помню!..

Я бы такъ много могла и хотѣла вамъ сказать о моей печали, которая всегда и всюду со мной!.. именно меня, потому-что вы должны меня понять! я говорю это безотчетно... я совершенно не знаю, почему именно такъ увѣрена, почему именно вамъ вчера стала все со слезами разсказывать!.. Нѣтъ! вы отнеслись ко мнѣ съ дружбой безъ эгоизма!.. о! вѣдь вы можете... вы захотите меня утѣшить! я не знаю, почему пишу вамъ, почему такъ безумно хочу и жду вашей дружбы, вашего участья! Отвѣтьте же мнѣ!.. напишите! я прилагаю адресъ: скажите доброе участливое ласковое слово! сдѣлайте счастье бѣдной сироткѣ, которая никогда, никогда не знала ничьей дружбы!..»

«Что мнѣ отвѣтить ей? думалъ Бахтинъ. — бѣдная дѣвушка! конечно очень, очень ее жаль, но что же возможно сдѣлать?!.. вѣдь я совсѣмъ не знаю ее!.. Ну, завтра подумаю, — поздно теперь!» И онъ, вставъ съ креселъ, потянулся, устало зѣвнулъ и направился въ свою спальню...

Владиміръ Николаевичъ Бахтинъ занималъ небольшую квартирку: въ три комнаты; онъ очень любилъ свое гнѣздышко, каждый день самъ осматривалъ и переставлялъ многочисленныя бездѣлушки въ своемъ кабинетѣ, постоянно украшая его все но-

выми и новыми пріобрѣтеніями. Онъ состоялъ секретаремъ въ одной солидной редакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Ему еще не было тридцати лѣтъ, но на видъ казалось гораздо больше; его темные большіе глаза свѣтились всегда какой-то усталостью, напоминавшей угрюмую меланхолію. Выраженіе Владиміра Николаевича было очень располагающее, доброе и пріятное.

II.

...Былъ первый часъ ночи. На улицѣ стоналъ и плакалъ вѣтеръ, поднимая въ темномъ морозномъ воздухѣ цѣлыя тучи снѣга. Весь день шумѣла вьюга и къ ночи разыгралась до своего апогея; жалобныя рыданія вѣтра сливались съ шумомъ бившаго о стекла снѣга и неслись мучительнымъ диссонансомъ въ старательно затворенныя людскія жилища.

Владиміръ Николаевичъ сидѣлъ въ своемъ тепломъ уютномъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ рукописями, журналами и корректурами; изрѣдка отрываясь отъ своей работы, онъ утомленно потягивался, нервно вздрагивая отъ каждаго, ужъ слишкомъ дерзкаго и громкаго завыванія бури...

...Давно, уже нѣсколько часовъ, этотъ плачущій голосъ вьюги мѣшалъ ему углубиться въ занятія... и, странное дѣло! непонятная, безумная пѣсня бушующей вьюги напоминала Владиміру Николаевичу звукъ только разъ слышаннаго молодого голоса; какъ голосъ этой бури, онъ звучалъ, то сдержанной печалью, то мучительной грустью, то безутѣшнымъ рыданіемъ, то горячимъ упрекомъ...

«...Странно!», думалъ Бахтинъ, «почему именно теперь вспомнилось мнѣ съ такой поражающей ясностью, что было недѣли три тому назадъ, что я почти забывалъ? почему такой жгучій упрекъ чудится мнѣ въ ея голосѣ?.. О, да, конечно, я страшно виноватъ передъ ней! до сихъ поръ не отвѣтить на такое довѣрчивое, ласковое письмо бѣдной сиротки!.. Конечно, не простая лѣнь тому причиной! конечно, я бы могъ найти время заняться этимъ письмомъ, но *что* писать?.. *что* отвѣчать ей?.. Вѣдь почти каждый день я вспоминаю, что долженъ написать и все откла-

дываю, потому что не знаю, какъ приступить къ этому письму!.. А она, бѣдная, вѣрно груститъ, что я не отозвался на ея порывъ сердечной искренности!.. Но, Боже мой, когда я не знаю, чѣмъ могу утѣшить ее!..»

И Бахтинъ снова погружался въ свои занятія, но они теперь такъ не клеились!.. Передъ его глазами все стояло лицо той незнакомки; въ его ушахъ все звучали слова сожалѣнія и печали... звучали, сливаясь съ завываніемъ вѣтра и стономъ плачущей метели...

Скоро онъ былъ принужденъ бросить работу; закуривъ папиросу Владиміръ Николаевичъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. «Зачѣмъ, зачѣмъ я не отвѣтилъ ей! теперь уже поздно и глупо; теперь еще труднѣе что либо придумать!.. Но всетаки я напишу, сейчасъ же сяду и напишу! надо только найти то письмо; тамъ адресъ...»

И онъ точно самъ обрадовался своей рѣшительности; взявъ бумагу, Бахтинъ сталъ быстро набрасывать строчку за строчкой. Дописавъ до конца страницы, онъ перечиталъ написанное и поморщился: „Нѣтъ! этого нельзя послать!.. это такъ банально, такъ глупо! развѣ такъ можно отвѣтить на ея довѣрчивую грусть, на ея призывъ ласки, дружбы и участья!..“ Разорвавъ написанное, Владиміръ Николаевичъ принялся писать опять. Но и слѣдующее писанье его не удовлетворило; нѣсколько разъ начинавъ онъ рвалъ, не окончивъ...

Пробило два часа. Вьюга все не унималась; у Бахтина страшно разболѣлась голова; онъ бросилъ злополучное письмо и рѣшилъ идти спать...

Но не пришлось спать эту ночь Владиміру Николаевичу: мысли о той незнакомкѣ терзали его усталые мозги подъ мучительный аккомпаниментъ рыдающаго вѣтра; нѣсколько разъ вскакивалъ онъ съ постели послѣ долгихъ безплодныхъ усилій закрыться такъ, чтобы не слышать плача метели, въ которомъ чудился плачъ отвергнутой души, безутѣшная, горькая жалоба обездоленной сиротки, которая такъ довѣрчиво стала просить его утѣшенія... а онъ оттолкнулъ бѣдняжку! . о, безсердечный!.. Но почему, почему именно теперь обрушились на его бѣдную голову всѣ эти мысли?

До самаго утра не заснулъ Владиміръ Николаевичъ; о, что это была за несносная ночь!..

Уже свѣтало. Былъ седьмой часъ, когда дверь въ спальню отворилась и на порогѣ показался заспанный и растрепанный лакей!

— Баринъ, а, баринъ, вставайте скорѣе! происшествіе случилось!..

— Да я и не сплю! Всю ночь сегодня не могъ заснуть... А что же случилось?— съ тревогой возразилъ Владиміръ Николаевичъ и приподнялся на подушкахъ.

— Замерзшаго человѣка нашли у двери съ улицы; дама какая-то!.. ночью-то метель страшная была... за полиціей послано ужъ, да дворникъ говоритъ, можетъ еще ни баринова ли знакомая: но я бы сразу призналъ; вы ужъ не извольте много безпокоиться, а конечно и вамъ интересно посмотрѣть!— разглагольствовался лакей.

— Давай скорѣй одѣваться!— озабоченно проговорилъ Бахтинъ.

Быстро одѣвшись онъ вышелъ на дворъ, гдѣ уже стояла порядочная кучка зѣвакъ, орудовали два городовыхъ и виднѣлось сѣрое пальто полицейскаго офицера...

...Какая-то пожилая дама кричала, что надо позвать за докторомъ, что это не смерть, а глубокій обморокъ.

— Боже мой! это она!.. это она!..— вдругъ воскликнулъ Бахтинъ, узнавъ въ лежащей безъ признаковъ жизни молодой дѣвушкѣ, ту незнакомку, мысли о которой мучили его всю эту ночь!..

Онъ распорядился немедленно, чтобы ее внесли въ комнаты; объявивъ полиціи о ея имени, онъ велѣлъ извѣстить о происшедшемъ домашнихъ несчастной и указалъ ея адресъ. ...Никакія усилія не могли вернуть замерзшей даже самые слабые признаки жизни; когда прибылъ докторъ, то объявилъ, что она умерла уже нѣсколько часовъ тому назадъ...

Трудно описать, что творилось въ душѣ Владиміра Николаевича... „Я виновникъ этой смерти!..“ думалъ онъ... и морозъ пробѣгалъ по кожѣ отъ этой мысли... „Я не отвѣтилъ на ея призывъ дружбы, призывъ участья... можетъ быть любви... и она пришла ко мнѣ сама, чтобы умереть у моей двери. О! зачѣмъ я

не зналъ, что она пришла! зачѣмъ я не позвалъ ее!.. Не даромъ всю ночь стояла она передъ моими глазами и голосъ ея, жалобный, грустный терзалъ душу мою, сливаясь съ завываніемъ вѣтра."

...Горькія, невольныя слезы капали изъ его глазъ, большихъ и темныхъ; Владиміръ Николаевичъ стоялъ у этого трупа, и думалъ, и мучился, чувствуя себя безсильнымъ передъ нѣмой волею властной судьбы... «Дорого далъ бы я, чтобы возвратить жизни это бѣдное, бѣдное созданье!.. но теперь поздно!.. теперь все на свѣтѣ для нея уже кончено!..»—такъ шептали его сухія блѣдныя губы; опустившись на колѣни передъ диваномъ, гдѣ лежала умершая, онъ плакалъ, какъ ребенокъ, слезами сожалѣнія, котораго не выразить никакимъ словамъ!..

Октябрь, 1901 г.

Одна весна.

(Воспоминанье).

То было раннею весной.
Въ тѣни березъ то было;
Текли ручьи, не парилъ зной,
И зелень рощъ всходила...

Алексѣй Толстой.

Весна — эмблема возрожденія красотъ природы, эмблема жизни и счастья, мила сердцу человѣческому, такъ какъ заставляетъ его сильнѣе и горячѣе биться, ...трепетать отъ нахлынувшихъ воспоминаній дорогой юности, весны нашей жизни!..

И счастливъ я, когда вспомню весну, даже въ самую холодную и мрачную осень, даже въ студеную зимнюю пору; воспоминаніе о далекой веснѣ даетъ мнѣ смутную, но отрадную, незамѣнимую надежду новаго счастья... Если сердце печалитъ о неудачахъ ли жизни, о несправедливостяхъ ли людей, — мысль, только одна мысль о веснѣ, о возрожденіи, о тѣхъ, почти забытыхъ порывахъ восторга юности съ ея жаждою жить, приноситъ миръ въ душу... приноситъ забвенье всего тяжелаго и скучнаго, оживляетъ сердце надеждой!

Сурова и холодна русская зима, но нѣжна, привлекательна и любвеобильна жизнерадостная русская весна!..

Я хочу разсказать о той веснѣ, которая первая открыла мнѣ безпредѣльную мудрость и смыслъ жизни, которая показала людей мнѣ такъ, что полюбилъ я ихъ всѣхъ безъ различія и до слезъ желалъ имъ любви и мира...

Я разскажу объ этой веснѣ, потому что съ мыслью о всякой веснѣ, она, всегда она идетъ ко мнѣ и несетъ съ собой тѣ думы дорогія, тѣ грезы, тѣ восторги, тѣ чувства: я разскажу объ этой веснѣ!..

На улицѣ злобно рыдаетъ холодный, сердитый вѣтеръ, бьетъ снѣгомъ въ окно, то съ какимъ-то мучительнымъ, жгучимъ стономъ, то съ дерзкой надменной ироніей, то съ жалобнымъ унылымъ непонятнымъ плачемъ...

Я сижу у своего письменнаго стола и невольно слушаю пѣсню бушующей вьюги, стараясь понять, о чемъ негодуетъ... что бунтуетъ стихія; вдругъ нежданно негаданно, что-то далекое, знакомое... будто коснулось моего слуха и задрожало сердце мое... ...вотъ снова коснулось... что это?..

...Полузабытая мелодія почудилась мнѣ въ звучныхъ аккордахъ сердитаго вѣтра... мелодія юной, дивной нетронутой грезы, чистой и высокой мечты.

Точно дождь пробѣжалъ весной по листьямъ деревьевъ, и затрепетали, и ожили листья... Я вспомнилъ весну, нѣжную, молодую русскую весну, когда только что приходитъ она на унылую холодную землю, приходитъ чистая, свѣжая, молодая и несетъ счастье людямъ, щедрой рукой разсыпая всюду жизнь и надежду...

О! помню, помню я эту весну; въ тотъ годъ пришла она такъ рано!..

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ: я такъ много не понималъ еще, такъ много не зналъ... ни жизни, ни людей, но мнѣ хотѣлось жить; душа моя рвалась куда-то, стремилась улетѣть изъ цѣпей настоящей жизни къ ожидающей гдѣ-то впереди жизни новой, страшной, но заманчивой...

Каждый день почти я уходилъ на высокій берегъ разлив-

шагося, какъ море, Днѣпра и цѣлыми часами, не замѣчая теченія времени, проникивалъ въ нѣмомъ благоговѣніи передъ дѣвственнымъ величіемъ оживающей природы...

Только тогда сталъ я понимать весну, и трепетно забилось мое сердце отъ одного властнаго могучаго сознанія, что я всѣмъ существомъ своимъ люблю этотъ дивный возрождающійся міръ съ его непостижимой гармоніей...

Передъ моими глазами разстилался широкій Днѣпръ, безформенный, но причудливый въ своемъ разливѣ; какъ огромныя озера, стояли залитые водой луга и поля: только кое-гдѣ показывались изъ воды ихъ зелѣнѣющія возвышенности...

Надо мной высоко, высоко, такъ ласково, нѣжно и привѣтливо сверкало, улыбаясь, весеннее солнце и обдавало меня своими живительными теплыми лучами...

Кругомъ меня ликовала и радовалась природа, улыбалась и тянулась къ далекому солнцу каждая почка на деревѣ, каждая слабенькая, чуть-чуть замѣтная травка; птички весело чирикали и щебетали въ прозрачныхъ еще полуобнаженныхъ вѣтвяхъ...

Мнѣ было жаль уйти отъ природы, мнѣ хотѣлось долго, долго сидѣть такъ неподвижно и безмолвно, любуясь роскошной весной...

Точно весь огромный міръ, ничтожную часть котораго я теперь видѣлъ, точно весь огромный возрождался, торжествуя свою побѣду надъ смертью, такъ радостна и нѣжна была природа въ каждомъ видѣ своихъ безчисленныхъ твореній...

Тогда впервые овладѣло мною страстное, жгучее желаніе: понять эту природу, эту юную прелесть весны, разлитую даже въ запахѣ воздуха, такомъ животворномъ ласкающемъ запахѣ...

Громадное множество людей съ ихъ желаніями, бурями разнородныхъ стремленій и чувствъ, съ ихъ заботами, горемъ, радостью, слезами... казалось мнѣ такимъ ничтожнымъ, такимъ мелкимъ передъ величіемъ природы, которая хочетъ жить и послала молодую прелестную весну на скучную холодную землю...

Мнѣ казалось, что я видѣлъ весну въ дивномъ образѣ молодой дѣвушки неземной красоты съ прелестною, доброю улыбкою на румяномъ, почти дѣтскомъ лицѣ... Мнѣ казалось, что близко близко подошла ко мнѣ сіяющая красавица весна и, обдавъ своимъ животворнымъ ласкающимъ запахомъ, такъ нѣжно, такъ

привѣтливо мнѣ улыбнулась, что забылъ я все, и міръ людей, и себя, и дѣйствительность...

— Милая, милая весна,—тихо шептали мои губы,—я хочу понять тебя!.. я хочу полюбить тебя!.. скажи, почему ты принесла душѣ моей столько невѣдомыхъ прежде, безконечно, невыразимо радостныхъ чувствъ?

— Я каждый годъ прихожу на вашу землю,—говорила мнѣ весна въ свѣтломъ лучезарно-прекрасномъ образѣ молодой красавицы,—я каждый годъ прихожу на вашу землю, когда спитъ она, холодная и усталая; я прихожу будить сонъ земли и людей, я несу людямъ забытую жажду любви, чистой возвышенной любви ко всему, что красота и правда; какъ бы ни была поругана правда, какъ бы ни поблекла красота, я зову людей къ ихъ неугасимому свѣту. Всею любовью моего горячаго сердца я призываю людей къ божественной красотѣ истины, потому что я сама красота, любовь, счастье и вѣчная, вѣчная истина!..

Я люблю бѣдныхъ, измученныхъ жизнью людей, люблю ихъ всѣхъ, горячо и страстно! Вотъ и несу я въ души людскія тепло, счастье, возрожденье; освѣжаю сердца любовью. Нѣжнымъ дуновеніемъ теплаго зефира, веселымъ, неумолкаемымъ лепетомъ ручейка, видомъ юной зелени, слабой, младенческой—безпомощной, я хочу сказать имъ: — «любите другъ друга, любите природу, любите красоту и правду!..»

...Посмотри, какъ пылко сердце молодое
Вдругъ забилось страстью, новыхъ грезъ полно;
Позабыто горе скучное и злое;
Рвется жить и вѣрить, ждетъ любить оно!..

Посмотри, какъ люди вдругъ заволновались
И бѣгутъ ко мнѣ веселою толпой!..
Я хочу, чтобъ всѣ со мной поцѣловались;
Всѣхъ любить пришла я въ этотъ міръ земной!

О, люби же, сердце, о, люби, больное...
Я тебѣ такъ много принесла любви,
Вспомни, что забыто лучшее, родное
И меня родною въ сердцѣ назови!..
. . . . . .

О, какъ хотѣлъ я любить въ тотъ мигъ всѣхъ, всѣхъ людей вмѣстѣ съ милой, доброй и юной этой весной... Слезы подступали къ горлу, но то не были слезы горя, или печали; — радость,

счастье, любовь... Самая широкая и святая любовь были источниками моихъ слезъ...

Между тѣмъ медленно наступалъ спокойный, ясный и томный весенній вечеръ; въ воздухѣ было такъ тихо, такъ тихо, что каждый звукъ далеко лежавшаго шумнаго города доносился иногда совершенно отчетливо и ясно. Огромное красное солнце наполовину скрылось за далекимъ горизонтомъ и нѣжно окрасило въ розовый цвѣтъ западный край неба...

Я все сидѣлъ у обрыва; сидѣлъ, какъ очарованный, какъ опьяненный, и буря новыхъ невѣдомыхъ чувствъ, разбуженныхъ этой весной, клокотала въ груди моей, возбуждая душу, сердце и нервы...

На небѣ начали зажигаться звѣзды; незамѣтно выступали онѣ на темномъ фонѣ и, привѣтливо сверкая изъ своей необъятной выси, точно звали туда къ себѣ всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ думы... всю мою возбужденную бунтующую душу...

Какимъ безконечно прекраснымъ и мудрымъ показался мнѣ вдругъ весь этотъ огромный міръ природы и людей!..

Какъ я понялъ теперь въ этотъ тихій, ясный весенній вечеръ вѣчное и могучее право красоты, юности и жизни!..

...Молодая прелестная весна засыпала, и отъ ея чарующаго дивнаго сна вѣяло жизнью, юностью и красотою...

...Уже было совсѣмъ темно, а я все сидѣлъ надъ обрывомъ, прислушиваясь къ робкому и несмѣлому свисту соловья, чувствуя всѣмъ существомъ своимъ близость могучей красоты юной заснувшей природы, ощущая эту близость и въ нѣжномъ ароматѣ распускающихся почекъ, и въ тепломъ дыханіи полусоннаго вѣтерка...

Когда послѣ я шелъ домой, такъ легко, такъ отрадно было у меня на душѣ; въ воздухѣ носился нѣжный ароматъ тополей ...стройныхъ великановъ-тополей, съ обѣихъ сторонъ дороги тянувшихся къ небу своими тонкими вершинами...

И мнѣ чудилось въ прозрачномъ сумракѣ надвигавшейся ночи радостныя, улыбающіяся лица людей; въ сердцахъ людей, истомленныхъ заботами, измученныхъ жизнью, просыпалась надежда вмѣстѣ съ этой весной, бодрость духа, жажда счастья, любви, грезъ...

Ноябрь, 1901 г.

* * *

...Нѣтъ! ...теперь ...еще одинъ разъ ...одинъ послѣдній разъ прійди, кроткій Христосъ, на эту землю! приди, и мы поймемъ Тебя и мы полюбимъ въ Тебѣ святую высокую истину... Прійди, и мы всѣ упадемъ ницъ передъ Тобою! Въ послѣдній разъ скажи этому гордому холодному міру про вѣчное царство человѣческаго духа! Скажи забывшимъ душу людямъ, что не въ умственномъ только прогрессѣ заключается весь смыслъ ихъ настоящаго и будущаго, что самый глубокій и единственный смыслъ земного существованія — прогрессъ духовный; пусть умъ и сердце ведутъ лишь къ нему!..

Скажи, скажи, Христосъ, и люди поймутъ Тебя теперь... всѣ, всѣ повѣрятъ, измученные, усталые придутъ къ Тебѣ они со слезами радости, счастья, вѣры, любви, восторга, надежды!.. И Ты, Ты, добрый Христосъ, простишь этихъ людей, простишь, что прежде они не вѣрили въ Тебя, потому что не умѣли вѣрить, не молились Тебѣ, потому что не знали молиться!.. . . .

. . . . . .

Ноябрь, 1901 г.

Мелодія смерти.

(Новогодняя фантазія).

...Это была такая грустная, такая печальная мелодія! Я не могъ слушать безъ слезъ ея звуковъ, и даже, когда просто чудились они мнѣ далекіе, неясные, самая жизнь какъ-то блѣднѣла, затуманивалась, терялась, самые люди какъ-то стушевывались: это была такая властная, такая жгучая, сильная, захватывающая мелодія!..

Она начиналась вкрадчиво нѣжными аккордами, одинаково тихими, страстными и мелодичными; долго звучатъ сперва эти

аккорды: мало по малу одинъ изъ нихъ начинаетъ дрожать и плакать, сначала тихо, послѣ все громче... уже другіе аккорды ему вторятъ... уже громкое рыданіе носится и дрожитъ въ воздухѣ, то нѣжно, съ любовью и грустью, то съ тоскою глубокаго, безъисходнаго отчаянья .. Но, Боже мой, развѣ возможно описать эту мелодію!.. развѣ можно передать такой мотивъ?!.

Только одинъ разъ слышалъ я его; но мнѣ до сихъ поръ кажется, что я давно, давно знаю, что душа моя уже сроднилась съ этими звуками, что они живутъ гдѣ-то вблизи меня и вотъ-вотъ я услышу ихъ снова!..

Я слышалъ эту мелодію въ гостиной, среди шумной и веселой толпы праздныхъ и занятыхъ отдыхающихъ людей. Среди громкаго говора и смѣха зазвучала она, но мало по малу посторонніе голоса умолкли... Сюда собрались встрѣчать новый годъ и неохотно слушали музыку эти довольные и беззаботные люди...

Полились нѣжные вкрадчивые аккорды, мелодичные, грустные... и такая глубокая печаль наполнила мою душу; здѣсь, при свѣтѣ этихъ блестящихъ электрическихъ лампъ, среди нарядныхъ дамъ и мужчинъ... такъ не шла моя грусть! такъ была она некстати! такъ диссонировала съ общимъ настроеніемъ!..

...Боже мой! зачѣмъ именно теперь заиграли эту страшную пѣсню неспокойной бунтующей души!.. то мученія какой-то непонятной разлуки... то грусть о на вѣки погубленномъ счастьѣ, то сдержанное глухое рыданіе чудилось мнѣ въ этихъ аккордахъ; я закрылъ глаза и сидѣлъ неподвижно въ углу гостиной на мягкомъ покойномъ диванѣ...

...Мнѣ почудилось, что я медленно иду по блѣдно освѣщенной улицѣ громаднаго спящаго города, чутко, лихорадочно прислушиваясь къ рыдающимъ аккордамъ грустной мелодіи... Съ каждымъ шагомъ моимъ все ближе, какъ будто, звучитъ мелодія, все печальнѣе и сильнѣе дрожать аккорды, волнуя мое сердце своей скорбной гармоніей...

...Въ одномъ изъ домовъ виднѣлся свѣтъ; я обратилъ вниманіе на этотъ домъ и тихо сталъ приближаться къ нему, между тѣмъ, какъ волны чарующихъ безконечно грустныхъ звуковъ носились, томили и плакали кругомъ...

Вдругъ я замѣтилъ ясный силуэтъ молодой дѣвушки въ бѣломъ, стоящей у окна; она мечтательно опершись поднятой вверхъ

рукой на косякъ рамы, вперивъ въ темноту ночи пытливый, что-то ожидающій взглядъ; противъ желанія я безотчетно остановился передъ этимъ окномъ...

Она осторожно, какъ бы боясь разбудить кого-то, опустила ко рту поднятую руку и мнѣ послышался ясный шопотъ между плачемъ несущихся аккордовъ:

— Пойди сюда... пойди ближе!.. скоро, скоро кончится!..

Не отдавая себѣ отчета, я подошелъ къ самому окну, глядя прямо въ глубокіе серіозные глаза молодой дѣвушкѣ... Что-то давно, давно знакомое на мигъ мелькнуло слабо въ моемъ воображеніи .. и кануло въ туманѣ мечты... вотъ опять почудилось; и звуки пѣсни казались теперь знакомыми, только не умѣлъ понять мозгъ, гдѣ и когда я слышалъ эти звуки, гдѣ и когда видѣлъ это серіозное печальное лицо молодой дѣвушки...

Но вотъ снова раздался шопотъ:

— Скоро, скоро кончится! слышишь?.. это мелодія смерти; все печальное, горькое, хмурое, все сердитое, злобное, больное, все тяжелое, ложное, преступное уносится этой пѣснью смерти!.. слышишь, какъ плачутъ аккорды?.. старый годъ умираетъ... старое горе, старыя думы, старыя слезы уходятъ въ бездонную пучину времени, которое поглотило уже столько этихъ годовъ!.. Слышишь?.. пѣсня смерти звучитъ такъ грустно... такъ горько... уже скоро кончится годъ и прекратится эта пѣсня... Тогда я гордо, смѣло пойду къ спящимъ людямъ... смотри, сколько силы во мнѣ!.. смотри, какъ я молода и красива! ..

О! я сумѣю облегчить скорбь и грусть бѣдныхъ людей! я укажу имъ путь къ совершенству, твердый путь къ свѣтлымъ, чистымъ идеаламъ!..

Ужъ скоро, скоро кончится пѣсня!..

И вдругъ оборвалась мелодія... жалобно повторило эхо полуаккордъ; нѣсколько минутъ кругомъ не было звуковъ, только молодая дѣвушка, стоящая въ окнѣ, вся какъ-то просіяла, преобразилась и громкимъ звучнымъ голосомъ стала говорить мнѣ:

— Ну, теперь все кончилось! Я царствую нынѣ на землѣ! Дай мнѣ свою руку, человѣкъ, и смѣло, бодро иди со мной, потому что я принесла жизни твоей любовь, вѣру, милосердіе, надежду... спутникъ твоего земного счастья!.. Не бойся меня, потому что добро принесла я міру! и пока не раздастся снова

грустная, скорбная мелодія уже *моей* смерти, — я все буду нести добро твоей жизни!..

И, какъ бы въ отвѣтъ на ея слова, громкіе радостные звуки людскихъ голосовъ наполнили воздухъ; въ нихъ была надежда, юность, жизнь... въ этихъ кликахъ и возгласовъ людей.

— Съ новымъ годомъ!.. съ новымъ будущимъ!.. съ новымъ счастьемъ!.. съ новой жизнью!.. — гудѣли веселые людскіе голоса надъ аккомпаниментъ звона бокаловъ...

Я точно вдругъ очнулся и открылъ глаза; яркій свѣтъ почти ослѣпилъ ихъ..

Машинально всталъ я съ моего дивана и смѣшался съ веселой толпой разодѣтыхъ дамъ и мужчинъ; въ моей душѣ стало тоже тепло и хорошо; промчавшійся годъ, старый, отжившій унесъ въ скорбной мелодіи смерти мою печаль, мои грустныя думы...

Надежда, надежда блеститъ впереди на свѣтлой яркой освѣщенной ею дорогѣ жизни новаго, лучшаго, непремѣнно лучшаго года!..

Не надо грусти! не надо слезъ печали и страданья! не надо тяжелыхъ тоскливыхъ воспоминаній промчавшихся невзгодъ.

Новый годъ идетъ къ намъ... пришелъ, окруженный ореоломъ юности и надежды!..

Прочь мрачныя мысли!..

Съ новымъ годомъ! Съ новыми грезами! Съ новыми думами!. съ новой, лучшей жизнью!..

Декабрь, 1901 г.

Картина жизни.

(ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АЛЛЕГОРІЯ)

Вотъ она, картина человѣческой жизни! Сколько людей! Боже мой, какъ много отдѣльныхъ міровъ съ особой у каждаго бурей думъ, гармоніей чувствъ и грезъ, диссонансомъ желаній и стремленій!..

Но если мы подведемъ общій итогъ стремленій и думъ всѣхъ людей, всего огромнаго количества умовъ, душъ и сердецъ, — ужаснетъ насъ выводъ: испугаемся мы и не повѣримъ, что это правда, и глубоко, глубоко задумаемся надъ смысломъ нашего существованія!...

Все сводится къ достиженію личнаго счастья, къ стремленію получить личное наслажденіе; и не хотимъ мы, ни въ одномъ порывѣ, ни въ одномъ движеніи души, сердца и ума забыть эгоизмъ, забыть жажду собственнаго наслажденія..

Вотъ она, страшная картина человѣческой жизни!

Молодые и старые, красивые и безобразные, богатые и бѣдные, въ шелку и лохмотьяхъ, мужчины и женщины, даже чуть, чуть подросшіе, дѣти. — тянутъ всѣ руки къ парящему надъ ними заманчиво-прекрасному демону счастья и наслажденія...

Они шумятъ и кричатъ, но трудно узнать въ этихъ безумныхъ звукахъ членораздѣльный человѣческій голосъ.

Вотъ молодой, красивый, отлично одѣтый мужчина почти взобрался на стоящихъ вблизи него; онъ весь полонъ безумно эгоистичнаго порыва: выше поднять свои бѣлыя, выхоленныя руки, чтобы коснуться хоть края одежды этого дивнаго демона; вотъ почти удалось коснуться, но демонъ вдругъ, какъ бы почувствовалъ близость смѣльчака и поднялся выше, даже не взглянувъ на дерзкаго...

Черезъ минуту молодой человѣкъ теряетъ равновѣсіе и летитъ на землю; его красивая одежда измята и разорвана, на его лицѣ горитъ жгучая злоба, досада, отчаянье; вотъ чьи-то тяжелыя ноги наступаютъ ему на грудь, на голову. Какъ въ туманѣ, видитъ онъ впереди несмѣтныя толпы людей съ поднятыми руками и блѣднаго, далекаго демона, витающаго надъ ними демона счастья и неслажденія.

Люди будто не замѣчаютъ другъ друга и не глядятъ на сосѣдей и, не задумываясь, лѣзутъ одинъ на другого, взбираются на плечи, падаютъ и снова взбираются. Вотъ въ одномъ мѣстѣ образовалась высокая куча людскихъ тѣлъ и на самомъ верху ея все копошатся усталые люди, протягивая вверхъ руки, роняя другихъ, карабкаясь на упавшихъ!

Вотъ она, страшная картина человѣческой жизни!..

Множество людей изнемогло, но идутъ новые свѣжіе люди,

ихъ такъ много этихъ людей! Идутъ быстро, почти бѣгутъ несмѣтныя толпы молодыхъ, старыхъ, красивыхъ, безобразныхъ, богатыхъ, бѣдныхъ, въ шелку, въ лохмотьяхъ, мужчинъ, женщинъ.

Старые усталые люди, которыхъ истомила уже и обезсилила погоня за демономъ счастья и наслажденія, безропотно ложатся подъ ноги бѣгущей толпы, тяжко вздыхая сквозь крѣпко, до боли стиснутые зубы.

Молодая прелестная женщина, стоя на валяющихся тѣлахъ и трупахъ сотенъ людей, нѣжно и страстно зоветъ къ себѣ далекаго демона счастья и наслажденья, поднявъ свои красивыя, изящныя руки;... и демонъ замѣтилъ ее... замѣтилъ ея величественную красоту, силу ея молодости, чарующую прелесть ея лица...

Невольно остановился онъ, какъ бы замеръ въ воздухѣ и ласковой улыбкой на мигъ озарилось его лицо...

Какъ бы незамѣтно для себя, все ближе и ближе подлеталъ онъ къ прелестной счастливицѣ... уже она почти касается его ногъ своими вытянутыми руками... ужъ эти руки почти обнимаютъ его фигуру...

Боже мой! какимъ счастьемъ, какимъ блаженствомъ дышетъ ея лицо!.. Демонъ счастья и наслажденія въ безумномъ порывѣ минутнаго забвенья склоняетъ къ ея сіящему молодому радостному лицу свою гордую и прекрасную голову...

Демонъ счастья и наслажденія порывисто коснулся своими губами розовыхъ нѣжныхъ губъ молодой женщины... А кругомъ... Боже мой, что творилось кругомъ!..

Толпа, жадная, ревнивая толпа стонала и выла отъ досады и злобы къ этой дерзкой счастливой красавицѣ, достигнувшей на глазахъ ея, этой толпы, высшихъ ступеней къ демону счастья и наслажденія...

Страстная, смертельная давка начинается у ногъ, стоящей на сотняхъ человѣческихъ труповъ, молодой прелестной женщины. Грязныя толстыя руки тянутся рядомъ съ ней, почти достигая ея плечъ, почти касаясь одежды демона счастья и наслажденія; какой-то неряшливо, но богато одѣтый мужчина, съ плоскимъ жирнымъ лицомъ и блестящими свиными глазками, выше всѣхъ взобрался на трупы людей; онъ уже стоитъ почти наравнѣ съ красавицей и, захлебываясь отъ избытка блажен-

ства, едва сдерживаетъ равновѣсіе головокружительно-высокаго положенія...

Вдругъ вздрогнулъ демонъ...; злобная улыбка скользнула по его лицу...; сильнымъ взмахомъ могучихъ своихъ крыльевъ онъ мощно стряхнулъ со своей одежды руки людскія и отпрянулъ вверхъ, холоднымъ гордымъ взглядомъ откинувъ счастливую красавицу...

Но прелестная молодая женщина не была уже счастлива; ея ослабѣвшія руки уже не могли тянуться къ демону счастья и наслажденія... усталая и безсильная она не могла оставаться на прежнемъ мѣстѣ: ноги ея подкашивались и дрожали..

Медленно она стала падать внизъ, но быстро ее смяли, наступая ногами на лицо, тѣло...

Исчезъ въ массѣ человѣческихъ тѣлъ и тотъ, кто тянулся къ демону рядомъ съ красавицей...; теперь уже копошились тамъ новые счастливцы, а прекрасный демонъ счастья и наслажденія съ прежней холодной жестокостью окидывалъ гордымъ довольнымъ взглядомъ безбрежное море человѣческихъ рукъ и головъ...

Вотъ она, страшная картина человѣческой жизни!..

Но, что это?..

Вдругъ, почти сразу смолкли дикіе звуки обезумѣвшей толпы... опустились поднятыя руки и какъ бы застыли люди, повернувъ свои головы, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, къ далекому востоку; тамъ, въ розоватомъ разсвѣтѣ появлялось что-то лучшее и новое.

Самъ демонъ счастья и наслажденія, только что гордый и непреступно прекрасный, съ тревогой глядѣлъ на востокъ, трепеща въ страхѣ своими мощными крыльями...

Ангелъ любви, поэзіи, печали и надежды медленно летѣлъ съ востока, окутанный розовыми лучами восходящаго солнца...

Преобразились люди; вздохнули облегченно и радостно, потому что любили они этого кроткаго и добраго ангела, потому-что низко, низко къ нимъ спускался онъ, лаская, утѣшая и цѣлуя всѣхъ безъ различія людей, освѣжая каждому жизнь поэзіей могучей и широкой любви, печали и надежды...

Медленно летѣлъ надъ моремъ людей кроткій ангелъ, скрестивъ на груди свои прекрасныя руки, безконечной грустью дышалъ его взоръ, затуманенный слезой любви и печали...

Мелодично и стройно зазвучалъ его голосъ:

« Нѣтъ... нѣтъ... не надо, человѣкъ, жажды личнаго наслажденія!.. люби страдающаге брата, — люби и тебя любить будетъ братъ, и утѣшать будетъ, когда ты станешь страдать!.. »

Радостно заволновались люди и стали помогать другъ другу лучше видѣть добраго, милаго, любимаго ангела; окутанъ розовыми лучами восходяшаго солнца, о, какъ былъ онъ прекрасенъ!.. какъ влеклись къ нему всѣ, нѣжно... душою и сердцемъ!

Никто не поднималъ рукъ, не падалъ и не стремился впередъ, причиняя сосѣдямъ боль и страданія; кто улыбался ангелу любви и свѣта; кто грустно вздыхалъ, глядя на гибель многихъ братьевъ, недождавшихся прихода добраго ангела; кто поднималъ вблизи себя усталаго обезсиленнаго брата, съ кроткой любовью указывая ему на ясный ликъ милаго ангела!..

Медленно подлеталъ свѣтлый ангелъ любви, поэзіи, мечты, печали и надежды къ демону счастья и наслажденія...

По мѣрѣ того какъ сокращалось между ними пространство, все ниже и ниже склонялась голова прежде гордаго демона.

Близко, близко подлетѣлъ ангелъ къ небу, качая головой своей грустно, съ упрекомъ, съ любвеобильнымъ, но властнымъ укоромъ...

— Зачѣмъ?.. зачѣмъ ты губилъ?..—послышался снова мелодичный и нѣжный голосъ добраго ангела... — Зачѣмъ ты губилъ? зачѣмъ дарилъ бѣднымъ людямъ столько слезъ, столько смерти, столько страданій?.. Зачѣмъ ты губилъ?..

— Рабъ твой!.. рабъ твой!.. рабъ твой!..—вдругъ воскликнулъ въ порывистомъ жгучемъ рыданіи демонъ счастья и наслажденія ангелу любви, поэзіи и печали, къ самымъ его ногамъ склонивъ свою гордую и прекрасную голову...

Нѣжно обнялъ его добрый ангелъ, съ любовью указалъ на море людей, ласково, привѣтливо и кротко улыбающихся имъ обоимъ со всѣхъ концовъ своей огромной земли ..

Не можетъ быть счастія, не можетъ быть наслажденія на землѣ безъ любви, поэзіи и печали!..

Декабрь, 1901 г.

Пѣсня узника.

Откуда примчалась ты, птичка?.. Порхая,
Зачѣмъ прилетѣла къ рѣшеткѣ моей?..
Здѣсь душно и страшно, пѣвунья лѣсная,
Здѣсь мѣсто преступныхъ, несчастныхъ людей!..

Откуда, скажи мнѣ, полетъ твой свободный?..
Пропой ты мнѣ пѣсню счастливой весны!..
Я гибну, томимый мечтою безплодной;
Меня утѣшаютъ лишь грезы да сны!..

...Быть можетъ, летишь ты изъ края родного,
Отъ милой подруги съ привѣтомъ ко мнѣ?..
Быть можетъ, ты хочешь утѣшить больного?...
—Такъ спой же ему о далекой веснѣ!..

Пропой мнѣ знакомую пѣсню свободы,
Напомни просторъ мнѣ родимыхъ полей!..
...Тоскливо здѣсь тянутся мѣсяцы, годы...
—Завидно, пѣвунья, мнѣ воли твоей!..

...Я вспомнилъ... я вижу весну молодую,
Кудрявую чашу зеленыхъ вѣтвей;
Давно по природѣ я сердцемъ тоскую,
Въ тяжелой и скучной неволѣ своей!

Откуда летишь ты?.. быть можетъ, изъ края,
Гдѣ узникъ покинулъ родную семью?..
Гдѣ въ горѣ томится жена молодая,
...Быть можетъ, ты знаешь избушку мою?..

Скажи! тебѣ, можетъ быть, часто случалось,
Летѣть вечеркомъ мимо хатки моей?..
...Въ тоскѣ одинокой жена тамъ осталась;
Я часто тоскую и плачу по ней!..

Бывало мы съ ней, когда солнце заходитъ,
Часами съ ребенкомъ сидимъ на крыльцѣ!..
Теперь она мѣста себѣ не находитъ,
И сынъ, вѣрно, плачетъ по бѣдномъ отцѣ!..
. . . . . .

Лети къ нимъ, о, пташка!.. скажи, что далеко,
Въ тюрьмѣ изнываетъ ихъ другъ дорогой,
Что душно ему въ этой башнѣ высокой,
Что къ нимъ онъ стремится усталой душой!..

Зови ихъ сюда, моя птичка родная!..
Скажи, что мнѣ скучно и тяжко безъ нихъ!..
Скажи, что я жду!.. Щебеча и летая,
Съ собой приведи ко мнѣ милыхъ моихъ!..

* * *

О, скажи мнѣ, другъ мой ...о, повѣдай, милый,
Что за горе въ сердцѣ залегло твоемъ?
Ну, о чемъ ты плачешь?.. Что ты вновь унылый?..
Право, легче горе, ...легче грусть вдвоемъ!
«..Я любилъ ее, другъ, ты пойми, я любилъ,
Я весь міръ для нея позабылъ!
Грезы жизни прошедшей, мечты и покой
Все я отдалъ любви дорогой!..
...Ей послѣднее лучшее въ жертву дано
И всему погибать суждено!
Но могла ли она эту жертву понять?
Но хотѣла ль она понимать?
Посмѣялась она надъ любовью моей
И съ тѣхъ поръ мое горе сильнѣй!..
Я съ тѣхъ поръ горячѣй и безумнѣй люблю
И съ трудомъ свое горе терплю!..»

Декабрь, 1902 г.

Не о тебѣ.

Не о тебѣ въ дни дѣтства золотого,
Въ дни юныхъ грезъ я плакалъ и мечталъ
Ты мнѣ была, какъ призракъ жизни, нова;
Я жизнь въ тебѣ, какъ призракъ, угадалъ!..

Нѣтъ, не къ тебѣ въ тоскѣ безсонной ночи
Рвалась душа мятежная моя,
И не твои мнѣ ночью снились очи,
Своей красой пугая и маня!..

Не для тебя, увы!.. мой міръ любимый!
Мечты, мечты завѣтныя мои!..
...Когда-бъ я зналъ, что страстью злой томимый
Я оскорблю мечтанія любви,

Я проклялъ-бы злодѣйку — страсть слѣпую
И всю красу бездушную твою...
— Не о тебѣ я плачу и тоскую,
О тѣхъ мечтахъ, ...о дѣтствѣ я скорблю!..

Волшебный лѣсъ.

...Нѣтъ, я не зналъ тебя, но ты мнѣ часто снился,
Суровый дикій лѣсъ, дремучій и глухой!
...Казалось мнѣ, твой сумракъ низко опустился
Надъ полусонною и темною землей...
Волшебный новый міръ безплотныхъ сновидѣній
Сулилъ мнѣ столько грезъ въ тѣни твоихъ вѣтвей
...И длинный, длинный рой безшумныхъ привидѣній
Манилъ къ себѣ мечты фантазіи моей...

. . . . . .

...Нѣтъ, я не зналъ тебя, но часто въ мракѣ ночи
Ко мнѣ являлась ты, какъ призракъ, какъ мечта;
Съ улыбкой грустною твои блестѣли очи;
Такъ страшенъ былъ ихъ блескъ, ...ихъ грусть и красота!..
Волшебный міръ мечты, горячей и всесильной
Такъ много милыхъ грезъ будилъ въ душѣ моей...
Дремалъ мой бѣдный умъ, усталый и безсильный,
И видѣлъ сны любви въ лучахъ твоихъ очей!..
Какъ тотъ далекій міръ, — ты, призракъ издалека,
Въ волшебномъ полуснѣ явилась предо мной;
И я хотѣлъ къ тебѣ и я страдалъ глубоко
Мечтами и душой... печалью неземной!..
...Ужели нѣтъ тебя, мой лѣсъ, родной и милый?..
Царица грезъ моихъ, ужели нѣтъ тебя?...
И только призракъ сна съ такой безумной силой
Зоветъ, манитъ къ себѣ, не зная, не любя.
О, нѣтъ, не вѣрю я!.. Ты воплотишься скоро
И воплотишь мой міръ, волшебный дивный міръ,
И будешь въ грезахъ мнѣ царицей и опорой
...И будешь въ жизни мнѣ единственный кумиръ!

Замокъ Мелузины.

(Легенда).

На высокой скалѣ, надъ шумящей рѣкой
Возвышается замокъ старинный;
По карнизамъ онъ мохомъ обросъ и травой;
Стѣны плющъ обвилъ прядею длинной.

Много, много ужъ лѣтъ человѣкъ не ступалъ
На убогую почву вершины;
Даже гордый орелъ этотъ замокъ не зналъ,
Этотъ старый дворецъ Мелузины.

Среди горъ, какъ колоссъ, возвышается онъ;
Видно днемъ его всѣмъ издалека;
Ночью слышатся крики оттуда и стонъ...
...Крикъ сливается съ плескомъ потока...

Много пѣсенъ про замокъ пѣвалось давно,
Но теперь эти пѣсни забыты:
— Всѣмъ на бѣдной землѣ умирать суждено, —
И пѣвцы въ ней навѣки зарыты...

Здѣсь припомнить хочу я лишь пѣсню одну,
Въ ней о витязѣ знатномъ поется,
Какъ имѣлъ онъ царицу русалокъ — жену,
Въ честь которой тотъ замокъ зовется...

I.

...По темному лѣсу однажды
Красавецъ Эдвардъ проѣзжалъ;
Онъ тяжко томился отъ жажды
И конь его вѣрный усталъ,

«Напиться!.. о, если-бъ напиться!..»
— Шептали сухія уста...
«Въ глазахъ все отъ жажды мутится
«И нѣтъ, ни ручья, ни пруда!..»

Вдругъ видитъ Эдвардъ: вереницей,
У брега прозрачной рѣки,
Красавицы пляшутъ дѣвицы,
Какъ горныя серны легки...

Прозрачныя ткани одежды,
Что розы, росою блестятъ;
Въ ихъ лицахъ блаженства надежда
И страстью ихъ очи горятъ,

Къ нимъ смѣло Эдвардъ подъѣзжаетъ
На бѣдномъ усталомъ конѣ

И пляску толпа прекращаетъ;
Смутившись краснѣютъ онѣ...

Забывши о жаждѣ ужасной,
Эдвардъ на красавицъ глядитъ;
Отъ взора царицы прекрасной
У витязя сердце дрожитъ...

«...Мы добрыя феи лѣсныя,
«А я — ихъ царица и другъ
«— Эмблема любви и весны я;
«Не хочешь ли, витязь, въ нашъ кругъ?..

«О, мы твои грустныя очи
«Сумѣемъ, повѣрь, оживить!..
«...Въ весеннія тихія ночи
«Мы жарко умѣемъ любить!..»

И дрогнуло вновь ретивое
У храбраго витязя тутъ;
...Блаженство онъ ждетъ неземное;
Такъ феи къ Эдварду и льнутъ...

...Не знаю, какъ это случилось,
Но въ первую тихую ночь
Царица въ Эдварда влюбилась;
Разстаться ей съ милымъ не въ мочь,

И любитъ Эдвардъ Мелузину,
Царицу русалокъ и фей;
Не можетъ покинуть равнину,
Разстаться съ любовью своей...

II.

Жениться на феѣ прекрасной
Задумалъ Эдвардъ молодой
И въ рѣчи горячей и страстной
Зоветъ ее въ край свой родной..

«Умчаться съ тобой не могу я»
— Царица ему говоритъ,

«Блаженствомъ клянусь поцѣлуя
«И страстью горячихъ ланитъ!..

«Но если, мой витязь прекрасный,
«На вѣкъ ты моимъ хочешь быть
«— Поѣдемъ въ мой замокъ прекрасный,
«И вѣчно я буду любить!..

«Но только однажды въ недѣлю
«Я сутки не буду съ тобой;
«Въ субботу весь день я въ постели
«И ты быть не смѣешь со мной;

«Я буду на ключъ запираться
«И клятву ты долженъ мнѣ дать,
«Что въ двери не будешь стучаться,
«Не будешь просить разсказать!..»

Эдвардъ согласился конечно
Исполнить, что хочется ей;
Поклялся любить безконечно
Царицу русалокъ и фей...

Въ свой замокъ его Мелузина
Въ свой замокъ волшебный беретъ
...Скалы неприступна вершина
И витязь ужъ внизъ не сойдетъ!..

Царица его утѣшаетъ,
О страсти своей говоритъ
...Блаженство любви обѣщаетъ
— Безъ мѣры блаженство сулитъ...

...Ужъ годъ, словно сказка, промчался;
Какъ прежде царица нѣжна...
Въ субботы онъ съ ней разставался;
На ключъ запиралась она.

И въ дни одиночества злого
Томился и мучился онъ
И рвался на родину снова,
Изъ замка волшебнаго вонъ...

III.

Въ минуту свирѣпой кручины
Эдвардъ разъ узнать пожелалъ,
Что дѣлаетъ тамъ Мелузина,
И въ двери стучаться къ ней сталъ...

...Все тихо; ни шума, ни звука...
— Отвѣта никто не даетъ...
Не слышитъ она его стука;
...Сильнѣй любопытство беретъ...

Могучимъ плечомъ напирая,
Ломаетъ онъ двери и вотъ,
Что видитъ... Картина такая
Передъ нимъ удивленнымъ встаетъ:

Царица стоитъ посреди̇нѣ,
Свои волоса распустивъ,
На нихъ что-то льетъ изъ кувшина
И шепчетъ, ихъ влагой обливъ...

Вдругъ, видитъ Эдвардъ изумленный
(Замѣтить онъ прежде не могъ,
Любовью своей опьяненный)...
Чешуйчатый хвостъ вмѣсто ногъ...

Лишь только его увидала
Царица русалокъ и фей,
Такъ жалобно вдругъ закричала
...И дымъ лишь остался отъ ней...

...Не видно съ тѣхъ поръ Мелузины;
Напрасно Эдвардъ ее ждетъ
И плачетъ одинъ на вершинѣ,
И въ замокъ царицу зоветъ...

...Томится, груститъ онъ, тоскуя
Зоветъ ее каждую ночь
И молитъ любви поцѣлуя,
— И жить ему въ замкѣ не въ мочь.

Несутся, уносятся годы;
Ужъ замокъ весь мохомъ обросъ,
Чуть живы старинные своды...
А витязь не выплакалъ слезъ...

Онъ плачетъ, онъ стонетъ, томится
И вѣритъ, что фея придетъ...
...Опасно безумно влюбиться,—
О томъ эта пѣсня поетъ!..

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ:

Страница.	*Напечатано.*	*Надо читать.*
203. (14-я строчка сверху)	такъ какъ онъ земля	вѣ[illegible]нъ земля
203. (7-я строчка сверху)	хотя продолжало	хотя продолжаю
204. (5-я строчка сверху)	дома	долго
237. (12-я строчка снизу)	все рабито	все разбито
260. (12-я строчка снизу)	всхлибыванія	всхлипыванія
261. (17-я строчка снизу)	всхлибыванія	всхлипыванія
239. (11-я строчка сверху)	его дорогая, живая дочь	его другая живая дочь
239. (23-я строчка сверху)	перекрестилось	перекрестились
244. (8-я строчка сверху)	учерствѣлыхъ	очерствѣлыхъ
287. (16-я строчка снизу)	къ небу	къ нему
272. (6-я строчка сверху)	Выраженіе Владиміра	Выраженіе лица Владиміра
277. (16-я строчка снизу)	огромный возрождался	огромный міръ возрождался.
35. (3-я строчка снизу)	мечты	мечту
241. (10-я строчка сверху)	на безмолвныхъ	въ темныхъ
74. (3-я строчка сверху)	досада	досады..
259. (9-я строчка снизу)	сожалѣли	пожалѣли.

JAN 14 1963

PG
3467
K788A6
1902

Kupchinskiĭ, Filipp
Petrovich
Sochineniia.

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 28 08 03 015 1